

Владимир Юринов

Хранить вечно

роман

Не даём мы тебе, о Адам, ни определённого места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определён в пределах установленных нами законов. Ты же, не стеснённый никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать всё, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтёшь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные.

Книга первая

Саксум

*...ибо сильна, как смерть, любовь...
стрелы её – стрелы огненные, пламень
Господень. Многие воды не смогут погасить
любви, и реки не зальют её. Если бы кто давал
всё богатство дома своего за любовь, то он
был бы отвергнут с презрением.*

Шир-а-Ширим 8:6-7

От Агриппы Клавдию привет.

Воистину, мой друг, судьбы человеческие вершатся на небесах. Мог ли я ещё полгода назад, лёжа, к примеру, за столом у тебя в гостях и попивая наше с тобой любимое старое фалернское, представить себе, что Декима, направляя кудель моей судьбы, сделает столь резкий поворот и, оторвав от привычных дел и милых сердцу мест, забросит меня чуть ли не на край света.

Прости, что не удалось попрощаться по-людски, но ты же знаешь мою печальную историю. Отъезд мой из Румы был неожидан и стремителен и, скорее, напоминал бегство. Бежал я, по большому счёту, скорее, «от...», чем «к...» – никто меня нигде не ждал, и я, честно говоря, пустился в путь наобум, вверяя свою судьбу и судьбу своей беременной жены богам и повинаясь не столько разуму, сколько чувству – чутью загнанного в ловушку зверя. Спасибо моей сестре Херодиаде, она приютила нас с Кипрой. Странно было найти на самом краю ойкумены любящее тебя сердце, она ведь действительно нежно меня любит, то и дело вспоминает какие-то мои детские шалости и проделки, я же, увы, из всего этого не помню ничего.

Да, можешь меня поздравить – за два дня до октябрьских ид у меня родился сын. Назвал я его Друзом. Надеюсь, не надо объяснять, почему.

Намучились мы в дороге страшно. Денег было мало, и поэтому приходилось быть не слишком разборчивым на предмет средств передвижения. Особенно тяжело дался нам последний морской переход – от Александрии до Палестинской Кесарии. Море было беспокойное, шла крупная зыбь, и наш корабль – убогую эллинскую посудину – всю дорогу болтало, как ореховую скорлупку. У меня от всего этого путешествия осталось лишь одно смутное воспоминание: я лежу на палубе в обнимку с какой-то амфорой и неудержимо блюю за борт. Думаю, ориентируясь по содержимому моего желудка, корабль, как по приметной тропе, ещё целый месяц смогут спокойно плавать из Египта в Палестину. Моя бедная жена, и без того нелегко переносящая свою беременность, вообще, чуть дышала, и я, видя её страдания, уже и не чаял довести её до Палестины живой. Но, слава богам, всё обошлось. И ребёнок родился, на удивление, здоровым.

Мой «четвертьцарственный» зять встретил нас без особой приязни, однако ж, уступая настойчивым просьбам Херодиады, определил меня на довольно тёплую, по его мнению, должность – надзирателя за рынками новой столицы Галилеи. Должность эта оказалась скучной и, прямо скажу, не особо денежной. Мне на ней надо лет триста просидеть, чтобы расплатиться с моими кредиторами. Я ведь только одному пройдохе Сенеке задолжал почти сто тысяч сестерциев. А ведь есть же ещё и другие.

После Румы Гиберия кажется сущей дырой. Скучища и пылища. Здесь всё ещё большая стройка. И если дворец и прилегающие к нему улицы смотрятся уже более-менее прилично, то стоит сделать шаг в переулки – сразу же попадаешь в какие-то совершенно дикие трущобы, перемежающиеся отвалами строительного мусора. Да и

внутри самого дворца то и дело натыкаешься на рабочих, которые всё ещё что-то делают, доделывают, переделывают. Запах каменной пыли, извести и мокрой глины, кажется, уже въелся мне в ноздри.

Однако есть здесь и хорошие моменты. В первую очередь, это, конечно, озеро, на берегу которого стоит город. Местные порой называют его даже морем, но мне, опытному путешественнику, заблевавшему добрую треть всего Внутреннего моря, это, сам понимаешь, кажется смешным. Но, впрочем, озеро действительно большое, вода в нём чистая, и я тут взял за правило, как престарелый патрисиус, ежеутренне совершать омовения, соорудив для этих целей на берегу небольшую купальню. Представляешь ли ты меня в роли престарелого патрисиуса, мой добрый Клавдий? Заверяю тебя, зрелище достойное пера Горатия. Есть здесь ещё неподалёку от города некий целебный источник. Моя Кипра уже все уши мне прожужжала про него, хваля его чудодейственные свойства, но я всё никак не соберусь туда выбраться.

Ещё одной приятной неожиданностью стали для меня местные вина. Ты знаешь, мой друг, некоторые из них по своему качеству ничуть не уступают лучшим италийским. Особенно понравилось мне тут вино из местечка Лахис. Цветом и вкусом оно напоминает кекубское, но гораздо ароматнее – похоже на хорошо выдержанный таниотик. При случае непременно пришлю тебе десяток-другой амфор.

С некоторым удивлением обнаружил в своём багаже два ящичка с книгами – оказывается, во всей этой своей предотъездной запарке и суете я всё же успел сделать соответствующие распоряжения. Эта находка оказалась для меня сейчас очень кстати – от безделья и скуки я тут уже готов был лезть на стену. Теперь же длинные чиновничьи дни мои, которые я вынужден проводить в присутственном месте, получили достойное наполнение. И опять же, мой любезный Клавдий, согласись, начальник, имеющий перед собой развёрнутый книжный свиток, выглядит в глазах подчинённых и просителей гораздо значительней, чем тот же начальник, гоняющий мух на своём столе или ковыряющийся в носу, пусть даже и с самым глубокомысленным видом. Странно, но особенно хорошо идут у меня сейчас Тит Ливий и Страбон, которых в РOME я не особо жаловал.

Что нового у вас? Как здоровье Кесаря? Надеюсь, он оправился после постигшего его горя?

Рассчитываю получить от тебя, мой друг, последние новости из Ромы. Здесь с этим туго. Известия приходят сюда с огромным опозданием. Ты не поверишь, но здесь всё ещё обсуждают прошлогоднюю «триумфальную победу» Блеза Старшего над Такфаринасом.

P.S. Привет Ургуланилле от Кипры.

Скол первый
Нумидия. Тубу́ск
DCCLXXVI ab U. c., October

1

– Эй, декурион! – Олус Кепа похлопал Саксума по плечу, извлекая его из потной послеполуденной дрёмы. – Хочешь посмотреть на комедиантов? Глянь-ка на это явление хромого с безногим!..

Всё это было, конечно, враньём. Самым обыкновенным глупым враньём. Или же шуткой. Олус Кепа называл всё это шуткой. Он так, видите ли, шутил. Он, вообще, шутил постоянно, полагая, что шутка, вовремя, к месту сказанное острое словцо помогает, понимаешь, солдату преодолевать тяготы и лишения военной службы. Может, сама эта мысль и была верной, вот только шутник из Кепа был никакой. От шуток его не то что преодолевать тяготы и лишения службы хотелось, удавиться от них хотелось. Мухи от его шуток дохли. Вино во флягах скисало. Разумеется, ни хромого, ни безногого на дороге не было. Тем более не было там никаких комедиантов. Откуда здесь могли взяться какие-то комедианты?! А было там что-нибудь совершенно обыкновенное, рутинное что-нибудь, сто раз уже, понимаешь, виденное и перевиденное, осточертевшее за многочисленные долгие дни патрулирований и дозоров.

Тем не менее следовало посмотреть.

Саксум нехотя разлепил глаза, перекатился на живот и, приподняв иглолистые, тяжёлые от сизых шариков-плодов, ветки можжевельника, посмотрел на дорогу.

По дороге действительно ехали двое. Утомлённые лошади лениво переставляли ноги, всякий раз выбивая из грязно-коричневой дорожной пудры крохотные вулканчики пыли. Сами всадники, расслабленно покачиваясь в сёдлах, похоже, дремали – их головы, повязанные от солнца одинаковыми белыми платками, были низко опущены.

– Вроде как наши, – неуверенно сказал Кепа и, оглянувшись через плечо, выжидающе посмотрел на Саксума. – Или как?..

Саксум не ответил, внимательно, сквозь прищуренные веки, изучая неожиданных визитёров.

Не дождавшись ответа, Кепа недовольно засопел носом, шумно почесался, а потом вновь нетерпеливо выглянул из-за кустов.

Всадники медленно приближались. До них было ещё около двух стадиев, и пока, кроме висящих на груди, блестящих под солнцем шлемов и лежащих поперёк сёдел длинных копий-трагу́л, ничего видно не было.

– Да наши, наши! – Кепа вновь повернулся к Саксуму и довольно ощерил свой малозубый рот, обрамлённый покрытыми неопрятной белесоватой коркой губами. – Только наши придурки могут в такую жару париться в плащах и кольчугах.

Сам Олус Кепа – худой, мелкий, дочерна загорелый – был гол по пояс и бос. Его плащ и кольчуга валялись, как всегда, неизвестно где, а заношенные до дыр, стоптанные калкеи были насажены подошвами вверх на обломанные ветки ближайшей акации – стало быть, проветривались.

Саксум и на этот раз промолчал. Он-то как раз был в кольчуге, хотя и без плаща. Разумеется, быстрый языком, но отнюдь не быстрый умом Кепа и не думал задеть своей очередной остротой декуриона. Но, выходит, что задел. Можно было бы, конечно, ввалить зарвавшегося подчинённому за общую непочтительность, а заодно и за нарушение формы одежды, можно было бы, но Саксум не стал – жара, лень... Ещё какое-то время он цепко озирал окрестности, пристально вглядываясь вдаль, в плывущее, шевелящееся, растекающееся у горизонта слюдяными озёрцами, знойное марево, а потом коротко выругался и резво вскочил на ноги.

– Идигер! – негромко позвал он.

Из жидкой тени акаций тут же появился молодой бронзовотелый нумидиец и выжидательно остановился перед Саксумом.

– Скачи в крепость, – махнул рукой Саксум. – Прямоком к трибуну. Скажи: нужна подмога. Не меньше турмы. Маммаса пусть пришлёт с его головорезами. И пусть, понимаешь, объявляют тревогу... Скажи: гости у нас. Всё понял?.. Давай!

Идигер кивнул, крутанулся на пятке и вновь нырнул под низкие ветки акаций.

Саксум повернулся к напарнику, всё ещё стоящему столбом и непонимающе хлопающему глазами.

– Ты, помнится, хотел отличиться в бою? – прищурившись, спросил он и кивнул в сторону приближающихся всадников. – Так вот, у тебя есть шанс. Вот эти двое – твои. Как только доедут до кустов – можешь брать. Но только тихо. И аккуратно, – он усмехнулся, – смотри, шкурку не

попорти. Постарайся, понимаешь, обойтись без жертв и без особых увечий, – он помолчал. – Может, это, и вправду, наши... Ну, что стоишь?! Шевелись!

Всё-таки соображал Кепа туго. Он ещё несколько мгновений, приоткрыв свой щербатый рот, недоверчиво смотрел на Саксума, видимо прикидывая – не шутит ли эдаким вот сложным образом командир, потом вновь, вывернув тонкую шею, выглянул из-за кустов и некоторое время напряжённо всматривался вдаль, а потом вдруг ахнул, всплеснул руками и забегал, засуетился, торопливо собирая свою, разбросанную по всей поляне, амуницию.

Саксум подхватил с земли свой плащ и двинулся было прочь, но на краю поляны остановился. – Я тебе Лукипора пришлю, – сказал он Кепе. – В подмогу.

Олус Кепа не ответил. Он сидел под можжевельным кустом и, страдальчески кривя лицо, натягивал на ноги свои, снятые с веток, заскорузлые говнодавы.

Саксум поднырнул под стоящую на краю поляны корявую разлапистую акацию и, пригибаясь и то и дело уворачиваясь от низких колючих веток, зашагал вглубь зарослей.

Поспешный отъезд Идигера не остался незамеченным – отряд не спал: нумидийцы сидели на своих плащах и негромко переговаривались; впрочем, встревоженными они не выглядели.

Зато Лукипор дрых без задних ног, разметавшись прямо на земле несколько поодаль от остальных – в тени невысокого дикого артубуса. Запрокинутое безусое лицо балеарца было мокрым от пота.

По Лукипору ходили мухи. Как и большинство его соплеменников, Лукипор предпочитал мытью натирание тела соком какого-то дурнопахнущего растения. Это и само по себе было волнительно для мух. А тут ещё бурнус. Знаменитый бурнус Лукипора – заношенная и затёртая до состояния осклизлости овчинная шкура, которую юный балеарец попеременно использовал то как плащ, то как подстилку, то как одеяло. Нынче Лукипор, свернув свой бурнус в трубочку, превратил его в некое подобие подушки. Поэтому мухи, путешествуя по телу балеарца, в основном всё же тяготели к голове и лицу пращника.

Саксум подошёл и беззастенчиво пнул раба в бок. Мухи прынули. Лукипор вскинулся, бессмысленно тараща заспанные глаза:

– А?!.. Куда?! Обед?!

Нумидийцы засмеялись.

– Обед, – согласился Саксум. – Можешь, вон, бурнус свой пожевать.

Нумидийцы рассмеялись опять. Саксум дождался, пока взгляд раба примет осмысленное выражение, после чего приказал:

– Иди к Кепе. Он – там. Поможешь ему. Всадника с лошади ведь сбить сумеешь? – (Лукипор кивнул). – Ну вот. Там двое едут. Ты – одного, Кепа – второго... Только в голову не бей. Бей в грудь. Или в спину. Они мне живыми нужны. Всё понял?

Лукипор опять кивнул, ладонью стёр с лица пот и подтянул к себе лежавшую под деревом, драную и до невозможности засаленную кожаную торбу. После чего, почёсываясь и то и дело широко зевая, принялся копать в ней, извлекая и раскладывая на земле свои хитрые метательные снаряды: разной формы и разного размера гладкие камни, свинцовые шары и лепёшки и даже обыкновенного вида булыжники величиной с кулак. Выбрав как раз два таких булыжника, он сгрузил всё остальное обратно в торбу, навесил её себе через плечо, взял под мышку свой вонючий бурнус и, поднявшись, пошагал в указанном Саксумом направлении, уводя за собой стайку взволнованных мух

– Всё бы тебе жрать, – глядя вслед ушедшему рабу, негромко проговорил Саксум. – Лучше бы помыться сообразил... Хоть раз.

Он ещё некоторое время стоял неподвижно, как будто к чему-то прислушиваясь, а потом, вздохнув, повернулся к оставшимся.

Нумидийцы выжидательно молчали. Саксум скептически оглядел своё невеликое войско.

– Там, на подходе, – кивнул он в сторону дороги, – отряд. Не меньше кентурии. А может, и больше. Далеко ещё пока, не разобрать. Попробуем их здесь задержать... За подмогой я послал. Но подмога будет не скоро. Так что пока, понимаешь, придётся самим. Место здесь удобное... Вы, четверо, – указал он, – на ту сторону дороги. Остальные – здесь... Смотреть и слушать в оба. Раньше времени не высовываться. Без команды ничего не предпринимать... Если со мной что случится – отходите в сторону крепости... Всё ясно?..

Передовой разъезд взяли без шума.

Едва всадники въехали в полосу кустарника, из зарослей неслышной тенью выскользнул Олус Кепа и, подскочив к ближайшему верховому, резким рывком сдёрнул его с седла и тут же, не давая

опомниться, огрел своим мечом плашмя по голове. Удар пришёлся слегка вскользь, меч зацепил ухо, и белая повязка на голове поверженного мгновенно набухла красным.

Второй всадник вскинулся было в седле, дико озираясь по сторонам и хватаясь за рукоять своего меча, но тут коротко прошелестела праща и пущенный умелой рукой балеарца булыжник ударил разведчика прямо в грудь – чуть повыше висящего на ней шлема. Всадник, нелепо взмахнув руками, тяжёлым кулём грохнулся с лошади, подняв целый фонтан мелкой коричневой пыли. Надо отдать ему должное – сознания он не потерял и сразу же, перевернувшись на живот, попытался вскочить, но у него ничего не получилось – видимо, удар «забил» дыхание. Разведчику лишь удалось, подтянув под себя ноги, подняться на четвереньки, но на этом силы его, похоже, иссякли. Он сдавленно захрипел, низко опустив голову, лицо его побагровело, слюнявый рот открывался и закрывался, пытаясь протолкнуть в лёгкие хотя бы глоток живительного воздуха. Саксум подошёл к упавшему, толчком ноги опрокинул его на спину и, наступив на грудь, приставил к горлу – прямо в ямку между ключицами, выступающими над верхним обрезом кольчуги, – остриё своей спаты.

– Жить хочешь?! – наклоняясь к поверженному, страшным голосом прорычал он.

Тот, всё ещё будучи не в силах ничего сказать, закивал, а вернее, мелко затряс головой; в глазах его плясал ужас; слёзы, оставляя светлые дорожки на грязной, пыльной коже, тонкими ручейками стекали по вискам.

– Тогда отвечай быстро и точно, – Саксум не давал упавшему опомниться. – Предупреждаю: одна маленькая ложь, один неверный ответ – и отправишься напрямик в гости к Плутону. Ты меня понял?!

Разведчик вновь закивал. Ему наконец удалось вдохнуть – он с хрипом втянул в себя воздух и тут же мучительно закашлялся, не смея, впрочем, шевельнуть головой и лишь сжимая и разжимая кулаки и слабо елозя в пыли ногами.

– Имя?! – рявкнул Саксум, дождавшись окончания приступа кашля.

– Лу... Лукий Планк, – выдавил из себя лежащий. – Лукий Планк из... из Дертóны.

– Подразделение?!

– Вторая кентурия вто... второй манипулы пятой когорты, – прохрипел несчастный Планк из Дертóны, смаргивая слёзы из переполненных глазниц. – Третий «Верный Августу» легион.

– Откуда?! Расположение?!

– Ламбёсса.

– Далековато забрались, – отозвался за спиной у Саксума Олус Кепа. – Шесть дней пути. Мозолей на задницах не нагнали? – он оставил своего, неподвижно лежащего в пыли, противника и теперь, подойдя к осиротевшим лошадям, споро шарил по седельным сумкам в поисках заслуженных трофеев.

– Заткнись! – не оборачиваясь, приказал ему Саксум и вновь обратился к лежащему на земле Лукию Планку: – Здесь что делаешь? Как сюда попал?

– Послан в передовой дозор.

– Передовой дозор чего?

– Отряд... – Лукий Планк теперь дышал часто и тяжело, с присвистом, грудь его под ногой у Саксума вздымалась резкими толчками, обветренные губы на заросшем густой щетиной, грязном лице мелко подрагивали. – Отряд идёт следом...

– Дозо-ор!.. – ехидно пропел Кепа. – Овец вас пасти надо было послать, а не в дозор. Два барана!

– Заткнись, Кепа! – рыкнул декурион. – Численность отряда?.. Ну! – прикрикнул он на лежащего и, видя, что разведчик медлит с ответом, немного надавил на рукоять – под остриём меча проступила кровь. – Ну! Говори!.. Говори, шакалий сын!!

– Одна кентурия пехоты, – выкатывая глаза, торопливо прохрипел Лукий Планк. – Новобранцы из Кёрты. Желторотики... Две турмы кавалерии. Наши, ламбесские, прима Квинта Сертóрия... С десятков иммúнов... И ещё обоз. Три десятка телег. При них рабы и либертíны, рабочие. С полсотни где-то.

– Куда направляетесь?

– В Тубуск.

– Кто командует отрядом?

– Префект Гай Корнелий Рет, лактиклавий.

– Ого! – удивился Саксум. – Чего это вдруг префект, трибун, кандидат, понимаешь, в сенаторы, командует одной вшивой кентурией?

– Я не знаю! – выдавил из себя Лукий Планк. – Кентурион тоже едет с отрядом. Но командует префект. Я не знаю, почему так!

– Хорошо, – Саксум ослабил нажим. – Верю, – он повернулся к Кепа, – Давай забирай этих двоих и привяжи их к дереву, где-нибудь подальше отсюда. Да пасти им хорошенько заткни, чтоб не вякнули в неподходящий момент...

– Я им пасти их собственным дерьмом заткну, – заулыбался своим редкозубым ртом Олус Кепа. – Наложили, небось, оба полные штаны...

– Угомонись, Кепа, – устало сказал декурион. – Угомонись. И делай то, что тебе говорят. Только молча! – он распрямился и посмотрел вдоль дороги в сторону, откуда приближался отряд. – Ладно, поглядим... Поглядим, что там за Гай Корнелий Рет такой. Префект, понимаешь, лактиклавий...

Спустя несколько минут на дороге, на месте скоротечной схватки, уже не было никого и ничего – ни людей, ни лошадей, ни даже следов. Нет, следы, разумеется, были: две безмятежные цепочки отпечатков конских копыт пролегли в густой дорожной пыли и исчезали за ближайшим поворотом...

Отряд медленно подходил к лесу. Уже отчётливо были видны припудренные пылью фигуры легионеров, слышался топот копыт, приглушённые разговоры; издали, из клубящегося за кентурией густого пыльного облака доносился скрип тележных колёс, какое-то деревянное постукивание, невнятные окрики погонщиков мулов.

Легионеры шли с полной выкладкой: кроме своего вооружения – меча, копья и щита, висящего в кожаном чехле за спиной, каждый нёс на одном плече фúрку – палку с поперечиной, на которую было навязано походное и лагерное снаряжение, а на другом – несколько палисадин, каждая в добрые десять ступней длиной. Многие, кроме того, тащили ещё и какой-нибудь шанцевый инструмент: лопату, кирку, мотыгу, двуручную пилу или корзину для переноски земли. Лица у всех солдат были осунувшиеся, потные, с размазанными по лбу и щекам полосами грязи; понуро опущенные головы и шаркающая походка выдавали крайнюю степень усталости – отряд сегодня ещё явно не останавливался на отдых.

Впереди кентурии ехало несколько верховых. Саксум сразу различил среди них командира отряда. Префект Гай Корнелий Рет – грузный, широколицый, на невысокой, но крепкой буланой сарматской кобыле – единственный из всех ехал в шлеме и в роскошном, блестящем на солнце панцире-тóраксе, подпоясанным белым сенаторским шарфом. На плечи префекта, кроме того, был наброшен белоснежный плащ с широкой пурпурной каймой – отличительным знаком трибуналактиклавия. На фоне серого строя грязных, пропотевших легионеров этот шарф и этот плащ смотрелись даже как-то вызывающе. «Петух... – пробормотал себе под нос Саксум, разглядывая позолоченного имперского орла на панцире префекта. – Столичная штучка... Мордой бы тебя в пыль, сразу бы, понимаешь, вся спесь слетела...»

– Петух, – произнёс за спиной декуриона Олус Кепа. – Петух и его курятник... Каков пастух, таково и стадо.

Саксум вздохнул.

Кентурион ехал справа и чуть сзади от трибуна – шагах в двух, вежливо выдерживая подобающую для высокого статуса начальника дистанцию. Саксум определил сотенного по поперечному гребню висящего на его груди шлема. Лицо кентуриона показалось Саксуму смутно знакомым. Где-то он его уже, кажется, видел. Когда-то давно.

По бокам от колонны, на некотором отдалении – чтоб не глотать пыль – прямо по целине шла остальная отрядная кавалерия: с полсотни всадников – в основном нумидийцы, причём из бедных – без сёдел и упряжи, босоногие, в коротких плащах, накинутых прямо на голое тело.

– Этот Лукий Планк, похоже, не соврал, – повернулся к напарнику Саксум. – Похоже, действительно наши... Впрочем, проверить не помешает. Давай за мной!

Они бегом вернулись к лошадям, привязанным к стволу невысокой фисташки в глубине леса.

– Собирай всех, – приказал Саксум, – и – навверх. В самый конец подъёма. Там, где сосны начинаются. Увидите, что я выехал на дорогу – тоже выезжайте. Топчитесь там, чтоб вас, понимаешь, снизу видно было, делайте вид, что вас много. Ясно?.. Вниз не спускаться! Если что пойдёт не так – сразу же отходите к крепости. В бой ни в коем случае не ввязываться!.. Ты всё понял?

Кепа истово закивал. Потом повернулся к дороге и, приставив ладони домиком ко рту, дважды крикнул вороном. Вскоре из зарослей донёсся пронзительный свист ястреба. Кепа довольно ощерился:

– Птичий хор в исполнении храброй и благочестивой второй декурии. Нам уже скоро можно будет на рынках за деньги выступать.

– Кепа, – сказал Саксум, – ты ещё не устал шутить? – он отвязал своего коня и вскочил в седло. – Ты бы так службу нёс, как ты шутишь... Всё, пошёл, пошёл! – видя, что Кепа собирается что-то ему ответить, прикрикнул декурион. – Пошёл, говорю!

Проводив подчинённого глазами, он пришпорил коня и поскакал к тому месту, где дорога, пройдя через неглубокую лощину, начинала взбираться на довольно крутой холм.

Отряд тем временем длинной змеей втягивался в лес. Кавалерия свалилась в общую колонну. Ползущий следом обоз, как пробкой, заткнул горлышко дороги. Видя по сторонам долгожданную тень, легионеры оживились, разговоры стали громче, над пыльной усталой колонной повисло многократно повторяемое слово «привал».

Когда до ближайших всадников осталось шагов тридцать, Саксум тронул поводья и неторопливо выехал из зарослей на середину дороги.

Ехавший впереди префект-лактиклавий Гай Корнелий Рет, увидев Саксума, видимо от неожиданности, резко рванул поводья на себя. Его сарматская кобылица захрипела и, задирая голову, засемила передними ногами, приседая на задних. Тут же остановился и кентурион, остановились и следовавшие за ними конники. Встали первые ряды пешей колонны. Задние, налетая на передних, недоумённо и раздражённо вскрикивали, ругались, но тут же замолкали и, вытягивая шеи, пытались разглядеть из-за голов вперёдистоящих причину неожиданной остановки. Тишина волной прокатилась от первых рядов колонны к последним. Вдруг стали отчётливо слышны птичьи голоса, шорохи и звуки леса. Где-то сзади, в обозе, проорал и заткнулся мул. Негромко пофыркивала чья-то лошадь.

– Приветствую тебя, трибун! – громко сказал Саксум, поднимая ладонью вперёд правую руку. – Как дорога? Говорят, на перевале уже лежит снег?

– Кто ты такой, и что тебе нужно?! – крикнул префект неожиданно тонким для его комплекции голосом.

– Невежливо отвечать на вопрос вопросом, – сказал декурион. – Я полагал, что трибуну-лактиклавию знакомо это простое правило?

– Я ещё раз тебя спрашиваю, что тебе нужно?!

– Мне нужно знать – лежит ли на перевале снег? – спокойно сказал Саксум. – Разве ты с первого раза не расслышал мой вопрос?

– Кентурион! – не оборачиваясь, позвал префект. – Убрать с дороги этого придурка!

Кентурион кивнул головой своим всадникам, и двое из них тронулись с места, поднимая и беря наизготовку свои трагулы.

– Трибун! – по-прежнему обращаясь к префекту, громко, но спокойно сказал Саксум. – Я бы не советовал тебе делать резких движений! У тебя очень незавидное положение. С обеих сторон дороги, на склонах, сидит полсотни моих лучников. У меня за спиной, – он ткнул большим пальцем через плечо, – две турмы кавалерии. Вон они – на вершине холма, можешь посмотреть... А у тебя за спиной – твой обоз, который перекрыл тебе выход на равнину. Ты загнал себя в ловушку, трибун! Так что тебе лучше ответить на мой вопрос!

По рядам легионеров прокатился ропот. Все крутили головами, безуспешно пытались разглядеть в густых зарослях, покрывающих склоны лощины, невидимых стрелков. Всадники поспешно надевали шлемы и снимали с сёдел притороченные к ним щиты.

– Чего тебе надо?! – крикнул префект, тоже озираясь и вертя головой во все стороны, он явно нервничал; лошадь под ним приплясывала и, роняя пену, грызла удила.

– Я тебя уже в третий раз спрашиваю, трибун: лежит ли на перевале снег? Неужели ты не способен ответить на такой простой вопрос?

– Нет там никакого снега! – раздражённо крикнул Рет. – Всё?!

– Значит, нет, – покачал головой декурион. – А я так полагал, что уже лежит. В прошлом году, понимаешь, в это время там уже лежал снег...

– В прошлом был, а в этом – нет! Что ж тут такого?!

– Странно, странно... – вновь покачал головой Саксум. – Как же так? Середина октября – и нет, понимаешь, снега?

– Это всё?! – крикнул трибун, видно было, что он теряет терпение. – У тебя больше нет вопросов?!

– Почти всё, – уточнил Саксум. – Ещё два небольших вопроса и будет всё... Вы же идёте из Ламбессы, не так ли? Как там легат? Надеюсь, здоров?

– Здоров, здоров, что с ним делается! – нетерпеливо отозвался префект. – Ещё что-нибудь?!

– А его возлюбленная Амата? Здорова ли она?

– Что ещё за Амата?! – воскликнул трибун, пытаясь удержать на месте свою пляшущую кобылу. – Нет у легата никакой Аматы! Его жену зовут Лівия! Ли-ви-я! Она живёт в РOME! И всегда жила в РOME!

– Это странно, – удивился Саксум. – Все знают про Амату – возлюбленную легата Долабеллы. А ты был, понимаешь, в Ламбессе видел легата, наверняка общался с ним и не знаешь, кто такая Амата. Я начинаю сомневаться в твоей правдивости, трибун! Отвечай мне: кто ты такой и куда ведёшь свой отряд?!

Префект вспыхнул.

– Я – Гай Корнелий Рет! Трибун-лактиклавий! – наливаясь кровью и надрывая глотку так, как будто до Саксума была, по крайней мере, пара стадиев, заорал он. – По высочайшему приказу проконсула и легата Публия Корнелия Долабеллы веду вверенный мне отряд в крепость Тубуск!.. – голос его на последнем слове сорвался и дал петуха. – Вот! – префект выдернул из седельной сумки свиток со свисающими с него печатями и поднял его высоко над головой. – Вот приказ самого проконсула!

– У тебя даже есть приказ проконсула, а ты не знаешь, кто такая Амата?! – показательно изумился Саксум.

– Не знаю я никакой Аматы!! – завизжал, совершенно уже теряя лицо, Гай Корнелий Рет. – Прочь с дороги, хам!! Или я отдаю своим людям приказ идти в атаку!!..

И тут совершенно неожиданно расхохотался кентурион. Он смеялся громко, самозабвенно, то наклоняясь к самой холке коня, то вновь откидываясь в седле, всхлипывая и вытирая тыльной стороной ладони проступающие слёзы, он смеялся так заразительно, что окружающие, не понимая в чём дело, тем не менее тоже начали похохатывать. Один только Гай Корнелий Рет, префект и трибун-лактиклавий, не участвовал в общем веселье, он очумело вертел головой по сторонам, не в силах понять причину этого неуместного смеха, так и забыв опустить задранную руку с высочайшим приказом.

– Ты – Саксум! – отдуваясь, сказал кентурион, наконец обретя дар речи. – Я тебя узнал! – он тронул коня и, выехав из строя, двинулся к декуриону. – Амата – это любимая сука легата, – проезжая, кинул он через плечо Гаю Корнелию Рету. – На редкость противная и визгливая собачонка! Ты разве не знал? Он же тебя просто проверял, Гай!

Кентурион подъехал вплотную и протянул Саксуму руку. Теперь и Саксум узнал его. Это был Марк Проб – командир одной из кентурий, отличившихся в памятном бою при Тале. Саксум, помнится, со своей декурией прикрывал ему тогда левый фланг. Давно это было. По местным меркам – очень давно. Целых три года тому назад.

– Привет тебе, Саксум! Привет, дружище! – Проб широко улыбнулся. – Никак префект Тит Красс выслал тебя нам навстречу? Очень благородно с его стороны!

– Привет и тебе, славный Марк! – Саксум крепко пожал протянутую руку. – Тебя не узнать! Ты зарос, как какой-нибудь вшивый мусуламий. По-моему, борода тебе не идёт.

– Надоело бриться, – отмахнулся кентурион. – Наш новый легат, в отличие от старого, носит бородку. Поэтому у нас сейчас самая настоящая вольница: хочешь – брейся, а не хочешь – ходи так... – он выпятил челюсть и пошкрябал пятернёй в своей короткой курчавой бороде. – Я, например, решил ходить так... Ну что, ты пропустишь нас в Тубуск? Или нам придётся биться с твоими несуществующими лучниками?

Саксум улыбнулся:

– Догадался...

– Это было несложно, – насмешливо сморщил нос Марк Проб. – В этих краях лучники – все поголовно кретьяне. А от них за добрый стадий разит чесноком и бараньим жиром. Здесь, в лощине, ветра совсем нет, так что я бы их унюхал сразу... Насчёт двух турм кавалерии ты тоже пошутил?

– Да, – кивнул Саксум. – У меня здесь всего лишь одна декурия. Мы ведь, понимаешь, – самый обыкновенный патруль.

– Ловко, ловко... – одобрительно покивал Марк Проб.

– Дай команду своим людям, – сказал Саксум, – пусть двигают дальше. Не надо здесь надолго задерживаться. А то, не приведи бог, объявится кто-нибудь действительно опасный. У кого действительно есть две турмы кавалерии.

– На Такфаринаса намекаешь?

– На него, родимого.

– Шалит?

– Не то слово! Пять дней назад у нас тут целый отряд фуражиров пропал. Шестнадцать либертинов, понимаешь, плюс декан. Потом труп декана подбросили под наши ворота... Они его привязали к лошади и таскали по земле. Долго таскали – у него всё мясо с костей слезло.

– А либертины?

– А о либертинах – ни слуху, ни духу. Никого из них не нашли. Ни живым, ни мёртвым... Думаю, рабами они теперь у местных вождей... А может, у Такфаринаса в войске. И через пару месяцев сюда придут, нас, понимаешь, резать.

Кентурион крикнул:

– Эх, не давили мы в прошлом году этого Такфаринаса! Была же возможность! Совсем ведь было прижали его!.. А теперь что? Теперь, с одним-то легионом, – пойди, догони его в этих песках!

– М-да, – согласился Саксум, – аукнется нам ещё уход «испанцев», ой, как аукнется!.. У нас тут людей не хватает, дыры всё время латаем, а у Такфаринаса, понимаешь, армия растёт день ото дня... Вы, кстати, к нам или куда дальше?

– К вам. На усиление.

– Это хорошо! Лишняя кентурия нам сейчас никак не помешает. А кавалерия – это вообще здорово! Это то, что больше всего сейчас нужно. Мусуламии своими конными разъездами нас уже задёргали. Шастают, понимаешь, по всей округе, как по собственному двору... Вы, кстати, никого не видели по дороге?

– Нет, вроде...

– Ну всё равно, – махнул рукой Саксум, – Всё равно вас уже давно заметили. Так что давайте, не стойте, двигайте в крепость.

– Далеко тут ещё?

– Нет, – покачал головой Саксум, – тридцать стадиев. Через час будете на месте. Давай, кентурион, давай, не стой, команду!

– Э, нет, – возразил Марк Проб, – командует у нас теперь исключительно трибун-лактивий. А мы все так – у него на побегушках, – он придвинулся поближе к декуриону, наклонился к нему и, ткнув себя двумя пальцами под бороду, заговорщицки шепнул: – Во, как он мне надоел за эти дни, трибун-лактивий этот! Хоть волком вой, надоел! Петух столичный!.. – Впрочем, он тут же распрямился и, повернувшись к отряду, как ни в чём не бывало крикнул: – Всё в порядке, трибун! Можно ехать!

Префект важно кивнул и дал отмашку. Послышались передаваемые по строю команды, вновь зашаркали ноги, зафыркали лошади, загомонили приглушённые голоса, – войско двинулось.

Марк Проб и Саксум съехали на обочину, пропуская мимо себя колонну. К ним подскакал Гай Корнелий Рет. Широкое лицо его пылало праведным гневом.

– Это возмутительно! Это переходит всякие границы! Я незамедлительно по прибытии сообщу о произошедшем инциденте префекту Титу Крассу. Ты обязательно будешь наказан. Как там тебя? Саксум, кажется?

– Декурион второй декурии третьей турмы Симон Саксум. К твоим услугам, трибун! – Саксум приложил кулак к своей груди.

– Декурион?! – глаза Гая Корнелия Рета, казалось, вот-вот выпадут из глазниц. – Простой декурион?! И ты посмел?!.. И ты мне?!.. И ты?!.. – у трибуна кончился воздух и он, поперхнувшись, замолчал.

– Я преподал тебе небольшой урок, трибун, – не дождавшись продолжения, спокойно сказал Саксум. – Ты шёл без передового дозора, без бокового охранения, ты выслал вперёд двух неопытных ротозеев, ты позволил себе войти в лес, не убедившись, что в этом лесу тебя не ждёт засада. А ведь здесь война! Здесь самая настоящая война. Мы только за последний месяц потеряли, понимаешь, сорок три человека! Если тебе не жалко своей собственной жизни, то пожалей хотя бы жизни своих людей. Или ты жаждешь повторить «подвиг» Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу?!.. Ты, конечно, можешь сообщить обо всём случившемся префекту. Но учти, что я тогда тоже буду вынужден доложить ему обо всём. Обо всём! Со всеми, понимаешь, подробностями!

Некоторое время Гай Корнелий Рет, бледный, с двумя пунцовыми пятнами на щеках, раздувая ноздри, яростно ел наглого декуриона глазами. Саксум не отвёл взгляд. Тогда трибун ударил свою сарматскую кобылицу шпорами в бока и, рванув поводья, кинул её вверх по склону.

– Ты нажил себе врага, – проводив трибуна взглядом, задумчиво сказал Марк Проб. – Такие обид не забывают.

– Ничего, – ответил Саксум. – Как-нибудь переживём. Одним врагом больше, одним меньше...

Он поднял руку и призывно помахал Олусу Кепа, всё ещё гарцующему вместе с нумидийцами на вершине холма. Кепа тоже помахал ему рукой и двинулся вниз. Взгляд декуриона вновь зацепился за роскошный, белоснежный с яркой красной каймой, плащ удаляющегося трибуна.

– Послушай, – спросил он Марка, – а почему он такой чистый? Прямо светится! Ведь как-никак шесть дней в пути.

– Ты не поверишь, – усмехнулся кентурион, – у него целый короб этих плащей. Он их меняет чаще, чем наш кесарь своих юных любовников.

– Во как! – Саксум потёр пальцем нос. – Почему-то я не удивлён. Давно он из Румы?

– Меньше месяца.

– Это чувствуется, – сказал Саксум. – Ладно, посмотрим, что будет, когда кончится его запас плащей... Кстати, что там в Руме? Какие новости? Какие сплетни? Как кесарь? Надеюсь, здоров? И вообще... Мы ведь тут сидим, понимаешь, как в каменном мешке, – ничего не знаем.

– А что в Руме, – пожал плечами кентурион, – в Руме всё по-прежнему. Траур. Кесарь оплакивает Друза...

– Подожди-подожди, – Саксум потряс головой, – ты хочешь сказать, что наследник великого Тиберия... умер?!

– А ты, что, до сих пор ничего не знаешь?!

– Я ж тебе говорю – мы тут сидим, как на острове. До нас новости доходят... как наши деньги за службу, – потёртыми, урезанными и всего три раза в год...

В этот момент к ним подъехал Кепа.

– Звал, декурион?

– Да, – сказал Саксум. – Давай дуй к Тубуску – там где-то Маммас со своими людьми сюда скачет. Перехватишь его, скажешь, что всё в порядке, свои, мол, идут – отряд из Ламбессы. А то, не дай бог, он нашего трибуна-лактиклавия первым встретит. Маммас не я – он ведь, понимаешь, разговоры разговаривать не станет, он на руку скор.

Кепа редкозубо улыбнулся:

– Интересно знать, а чего это у трибуна рожа такая перекошенная? Как будто он только что полную лопату дерьма съел. Что ты ему такого сказал, декурион?..

– Разговорчики! – строго оборвал его Саксум. – Ты приказ слышал, солдат?! Вот и выполняй! И быстро!

Кепа сделал испуганное лицо и, стрельнув глазами в сторону кентуриона, молча отъехал.

– Дисциплина? – сочувственно спросил Марк Проб.

– Дисциплина... – вздохнул Саксум. – Прямо беда! Впрочем, – сейчас же поправился он, – у нас в але – ещё ничего, без особых происшествий. В карцере, во всяком случае, уже давно никто не сидел. И вообще, наш префект предпочитает денежные штрафы. Казну, говорит, надо беречь! Удар денарием, говорит, куда действенней удара розгой.

– Мудрый человек, – заметил Марк.

– Что ты! – согласился Саксум. – Ума палата!.. Только вот денариев, понимаешь, уже практически ни у кого не осталось.

– Кстати, – вспомнил кентурион, – где два моих разгильдяя? Надеюсь, твои люди не отправили их к праотцам?

– Обижаешь, – сказал Саксум. – Мы работаем чисто. Лежат твои разгильдяи целые и почти невредимые связанными в кустах... Ты уж там проведи с ними разъяснительную беседу.

– Это будь спокоен, – заверил его Марк. – Отведает они у меня розог. Я им на спинах такие рисунки понарисую – любо-дорого будет посмотреть.

– И это правильно... – одобрил Саксум. – Да! – вспомнил он. – Так что там стряслось с Друзом?

– Друз умер, дружище, – покачал головой кентурион. – Уже почти два месяца назад.

– Вот видишь! – возмущился Саксум. – А мы тут до сих пор ничего не знаем. Я ж тебе говорю – сидим тут... как эти... А что случилось-то? Он ведь был не намного старше нас с тобой.

– Какая-то лихорадка, – пожал плечами Марк. – Три недели, говорят, бедняга мучился. Что только ни делали – ничего не помогло... А может, и не лихорадка вовсе. Ходят слухи, что отравили его. Как и несчастного Германика.

– Понятно... – вздохнул декурион. – Опять одно и то же. Скорпионы в кувшине!.. Подожди, а кто ж теперь наследник?

– Да кто его знает... – почесал в затылке Марк. – Там есть, к примеру, Нерон – приёмный сын Тиберия. Но, говорят, что Кесарь его не особо жалуется... Там ещё есть трёхлетний Гемелл – внук Тиберия... Там, наконец, есть племянник Тиберия Клавдий. Но, правда, ходят слухи, что он

малахольный, Клавдий этот, так что это уж совсем вряд ли... Да и, вообще, кто может знать, что у нашего кесаря в голове? Возьмёт сейчас, к примеру, и ещё кого-нибудь усыновит. Того, о ком никто и думать не думает... Того же Сеяна, например.

– Да-а, – протянул Саксум, – дела-а...

Какое-то время они молча смотрели на медленно тянущуюся мимо них колонну легионеров, потом Марк Проб тронул декуриона за колено.

– Слушай, дружище, ты мне вот что скажи. Чего это ты прицепился к нашему Гаю Корнелию Рету со снегом на перевале? Ты ж из него прям всю душу этим снегом своим вынул.

– Так ведь пароль, – отозвался декурион, явно думая о чём-то своём.

– Что ещё за пароль?

– Обыкновенный пароль: «Лежит ли на перевале снег?». Отзыв: «Снега на перевале нет, хотя в прошлом году в это время уже лежал». – Саксум посмотрел на кентуриона с удивлением. – А ты что, тоже пароля не знаешь?

– Подожди-подожди, – нахмурился Марк. – Какой ещё снег? Что за снег? Ты о чём?.. А! – он хлопнул себя по лбу. – Это же старый пароль! Ну да! Ещё сентябрьский. В сентябре был этот пароль! Да ты что, сейчас ведь уже середина октября! Сейчас уже совсем другой пароль! Сейчас пароль: «Олени здесь водятся?». Отзыв: «Оленей нет, но газели приходят».

– Ну вот, видишь! – фыркнул Саксум. – Я ж тебе говорю, мы тут, как на острове, живём... А оленей у нас тут действительно отродясь не бывало. Это вы у себя в Ламбессе правильно придумали...

– Подожди! – прервал Саксума Марк. – Подожди!.. Так ведь ещё две недели назад к вам в Тубуск отряд ушёл – продовольствие вам везли, вино, снаряжение. Опять же жалованье солдатам – вторую выплату. Мой тессерарий Гай Скавола отрядом этим командовал. И шестеро моих легионеров с ним ушли. Там подвод двадцать было. Канцелярию ещё какую-то вам из штаба отправляли. Вот с этим отрядом вам новый пароль и должны были передать.

Саксум медленно покачал головой. Улыбка сползла с его лица.

– К нам из Ламбессы уже почти два месяца никто не приходил.

Марк Проб помрачнел.

– Ты полагаешь – Такфаринас? – хмуро спросил он.

– Больше некому, – пожал плечами Саксум. – Мне жаль... Мне жаль, кентурион, твоего тессерария. И людей твоих мне тоже жаль.

Они помолчали. Потом Саксум кисло улыбнулся:

– Выходит, жалованья нам теперь ещё долго не видать.

– Да уж, – согласился кентурион. – На ваши сестерции Такфаринас сейчас где-нибудь в Туггурте гуляет, девочек покупает, вино.

– Оружие он покупает, – мрачно сказал Саксум.

– И то верно...

– Шимон!!.. – вдруг раздался тонкий отчаянный крик со стороны дороги. – Шимон!!..

Саксум и Марк разом повернули головы. Из середины колонны, то и дело спотыкаясь о ноги, задевая идущих своей фуркой и далеко торчащими, неуклюжими палисадинами, к ним пробирался легионер.

– Шимон!!..

Сопровождаемый тычками и проклятьями, солдат выбрался наконец из строя и, подбежав, остановился перед всадниками – худой, грязный, обтрёпанный, со старым, помятым и поцарапанным шлемом, болтающимся на груди, с нелепыми палисадинами на плече и с широко распахнутыми, восторженными глазами.

– Шимон!..

– В чём дело, солдат?! – мгновенно закаменев лицом, жёстким командным голосом спросил кентурион. – Почему покинул строй?!.. Я тебя спрашиваю – в чём дело?!!

Легионера как будто ударили палкой. Он вздрогнул, втянул голову в плечи и, опустив глаза, виновато потупился.

– Подожди... – сказал Саксум. – Подожди...

Он медленно слез с коня и, подойдя, пристально взгляделся в лицо солдата. Сквозь многодневную, въевшуюся в каждую пору, грязь, сквозь обветренную и обожжённую солнцем кожу, сквозь потрескавшиеся губы и запавшие горячечные глаза стало зримо и неуклонно проступать другое лицо, лицо, когда-то давно виденное и так же давно забытое, провалившееся на самое дно памяти, погребённое там под пластами позднейших дней и событий, уже многие годы не

приходящее даже во снах, – лицо десятилетнего мальчишки: скуластое, горбоносое, густобровое, с ещё по-детски припухшими губами и с широко посаженными, чёрными, всегда весёлыми глазами.

– Ашёр... – одними губами сказал Саксум.

Он шагнул к солдату и сгрёб его в объятья. Всё полетело в пыль – копьё, щит, поцарапанный шлем с обломанным гребнем, фурка, гремящие дурацкие палисадины.

– Ашер! – прошептал Саксум, прижимая солдата к груди, ощущая под горячей, нагретой солнцем кольчугой худое, костлявое тело и полной грудью вдыхая запах пота и пыли – запах дальней дороги. – Аши!.. Братишка!..

2

– А почему именно «Саксум»?.. – спросил Ашер. – Почему тебя так прозвали?..

Они сидели на краю обширного пыльного пустыря, раскинувшегося между двумя трёхэтажными, жёлтого кирпича, зданиями казарм, заросшего по краям пыльно-седыми зарослями полыни и уставленного тут и там снарядами для тренировок легионеров: измочаленными в щепу бревенчатыми щитами – для метания копий и неуклюжими соломенными чучелами на широких деревянных треногах – для упражнений с мечом.

Рядом курился сизым сосновым дымком грубый, сложенный из неотёсанного камня, низкий очаг, увенчанный, как короной, большим – на два кóнгия – закопчённым медным котелком. В котелке, распространяя вокруг себя волшебный бульонный аромат, булькала, томилась, доходила на медленном огне мясная каша-похлёбка.

Над котелком колдовал Олус Кепа – деловито-сосредоточенный, опять, разумеется, голый по пояс и босой, но зато с лихо, по-поварски, завязанным на голове не то пёстрым, не то просто затейливо испачканным платком. Кепа, что-то недовольно бормоча себе под нос, шарил в котелке привязанной к длинной палке ложкой, поминутно в него заглядывал, и выражение лица при этом имел не то надменное, не то слегка брезгливое, так что был он похож сейчас, скорее, не на повара, приготовляющего вкусный ужин, а на какого-нибудь авгура-гаруспика, вспоровшего очередное несчастное животное и пытающегося по каким-то, одному ему ведомым, неаппетитным подробностям вынести окончательный вердикт и принять судьбоносное для города, а то, глядишь, и для целой страны, решение.

День клонился к вечеру. Солнце стояло ещё довольно высоко – тень от казармы едва дотягивалась до грубо сколоченного стола, за которым сидели Саксум и Ашер, – но жара уже спала, и небо постепенно приобретало характерный для здешних мест предвечерний желтоватый оттенок – предвестник стремительного багрового заката.

На пустыре было малоллюдно. Под стеной ближайшей казармы, на брошенных на кучу коры и опилок овчинах, кто-то безмятежно спал, оставив в небо косматую нечёсаную бороду и довольно мелодично похрапывая. Дальше, шагах в тридцати, сидя на расстеленных прямо на земле плащах, азартно резались в кости трое носатых сикийлийцев. А напротив, на противоположной стороне пустыря, негромко переговариваясь, топтались вокруг такого же, наспех сложенного, приземистого очага-временки несколько новобранцев из пришедшей два дня назад в крепость кентурии – видать, тоже кашеварили.

То, что возле казарм в этот час почти не было людей, объяснялось просто – время было послеобеденное, все работы и занятия с легионерами были на сегодня закончены и солдаты сейчас почти поголовно отирались на Главной площади, возле многочисленных закусовых и попін – торговых лавочек с вынесенными прямо на улицу столами. Одни, имеющие деньги, – в намерении выпить и закусить, а то за пять-шесть ассов и наскоро перепихнуться в задней комнате с какой-нибудь смазливой девицей из обслуги. Другие, денег не имеющие, – просто из желания потолкаться в людном месте, почесать языком в тёплой компании, а может даже, если повезёт, и урвать на халяву стаканчик-другой лóры – дешёвого вина, которое виноделы по всему нумидийскому побережью гнали из виноградных выжимок и под видом настоящего италийского в огромных объёмах сбывали по сговору корыстолюбивым армейским интендантам.

Главная площадь была в это время, вообще, средоточием городской жизни. Сюда стекались солдаты, ремесленники, закончившие свой трудовой день рабочие. Приходили принаряженные девицы и незамужние женщины. От многочисленных жаровен тянулись аппетитные запахи приготовляемого на углях мяса. Стучали о деревянные столы терракотовые чарки, гремели возбуждённые голоса, раздавался залиvistый женский смех. Под ногами и между столами шныряли чумазые дети, попрошайничая или играя в свои незамысловатые детские игры.

Многоллюдно было сейчас и на тянувшейся вдоль западной стены крепости, узкой кривой улочке, именуемой среди легионеров не иначе как улицей Радости, на которой располагались оба

местных лупанария. С последним обозом сюда привезли с десятков новых рабынь, и солдаты, и прежде не обходившие своим вниманием этот заветный уголок, теперь выстраивались в шумные нетерпеливые очереди к вожделенным дверям, дабы полакомиться свежим, ещё не приевшимся «мясцом». Не обходилось, разумеется, и без драк...

– А почему именно «Саксум»?.. Почему тебя так прозвали?

Саксум пожал плечами:

– Да кто его знает. Прозвали и прозвали... В армии у всех прозвища есть. И у тебя со временем будет.

– Не скромничай, декурион! – тут же встрял в разговор Кепа – У тебя очень скромный брат, Ашер, – (Кепа произносил имя молодого легионера на романский лад: Асер), – всем в Третьем легионе известно, почему Симона из Галилеи прозвали «Саксум». Он ведь у тебя настоящий герой, Асер!

– Кепа! – строго сказал Саксум.

– Да ладно тебе, декурион! – воскликнул Кепа. – Всё равно он рано или поздно об этом узнает. Поэтому будет лучше, если он узнает об этом от меня.

– Меньше всего мне бы хотелось, чтобы он узнал об этом от тебя, – проворчал Саксум.

– Ну и зря!.. – обиделся Кепа, он зачерпнул из котелка и теперь, вытягивая губы, дул в ложку, желая, очевидно, попробовать своё варево на вкус. – Лучше меня об этом всё равно никто не расскажет... Во-первых, я честен... – (Саксум фыркнул и скептически сморщил нос). – Да-да, честен! И не надо фыркать! И тем более не надо крутить носом, как будто увидел в миске дохлую мышь!.. Во-вторых, я по натуре не льстец. И поэтому я, скорее, недохвалю, чем перехвалю... И в-третьих, и в-главных... – он отхлебнул из ложки и замолчал, сдвинув лохматые брови к переносице и сосредоточенно жуя; взгляд его сделался отрешённым.

– Что «в-главных»? – не выдержав, спросил Ашер.

– Гарума не хватает! – сокрушённо сказал Кепа. – Ну что это за мясная каша и без гарума?! Куда смотрят наши снабженцы?! Три месяца я мучаюсь без гарума! И вот наконец из Ламбессы приходит обоз. И что я вижу?! – он патетически воздел руки. – Я вижу, что наши brave тыловики снова забыли про соус!..

– Кому тут нужен гарум? – из-за угла казармы выдвинулась мощная фигура Марка Проба. – Я, кажется, слышу, что здесь кому-то нужен гарум?

Кентурион вразвалку подошёл к столу и, грохнув, водрузил на него большую, оплетённую соломой, глиняную бутылку и корзину, из которой торчала разнообразная зелень и большой круг чёрной кровяной колбасы. Ашер вскочил.

– Сиди, солдат, – добродушно махнул в его сторону рукой Марк. – Ты не в строю... Приветствую тебя, дружище Саксум! Надеюсь, ты принимаешь гостей?.. Привет, Кепа! Это тебе не хватает гарума?

Он сунул руку в корзину, извлёк из неё маленький кувшинчик с тонким, запечатанным воском, горлышком и протянул её кашевару.

– Благодетель!.. – Кепа бережно, как некую драгоценность, принял из рук кентуриона сосуд, ловко сковырнул с него воск и, приблизив к носу, благоговейно понюхал; глаза его закатились, – Гарум!.. – восторженно прошептал он. – Провалиться мне на этом месте – гарум!.. Ты не представляешь, кентурион, до чего мы тут докатились!.. – Кепа наклонил кувшинчик над котелком и, помешивая, влил в кашу добрую порцию соуса. – У нас тут не то что гарума, у нас тут обыкновенной мурии давно уже нет! Да что там мурия! Мы тут уже можжевельник используем в качестве приправы! Клянусь! Ягоды собираем и трём! Как какие-нибудь мусуламии дикие, честное слово! Ты можешь себе такое представить?!..

– Здесь ещё хлеб, сыр, колбаса... груши... – Марк похлопал широкой ладонью по корзине. – Ну и кой-какая зелень – спаржа, сельфий, чеснок... Здесь – вино... – прикоснулся он к бутылке. – Обычное альбанское. К сожалению, ничего лучшего в попине не нашлось.

– И вино?! – воскликнул Кепа. – Самое настоящее вино?! Ты – вдвойне благодетель, кентурион! Мы ведь тут совсем забыли вкус настоящего вина. Пробавляемся, в основном, лорой. А до того как пришёл твой обоз – так вообще, больше месяца сидели на одной поске! – он извлёк ложку из котелка и облизал её. – М-м-м!.. – страстно промычал он. – Это же совсем другое дело!.. Кентурион, если у тебя ещё много гарума, возьми меня к себе в кентурию! Я стану самым лучшим из твоих солдат! Клянусь! Нет! Я стану твоим рабом! Я буду чистить твой меч и завязывать тебе по утрам каліги!..

– Ну, понесло, понесло... – поморщился Саксум. – Не обращай внимания на этого болтуна, Марк. Его язык всё равно, что ботало на шее игривого бычка – шуму много, а толку, понимаешь, никакого. Как в наших краях говорят: мелкая монета в кувшине громко звенит.

Кентурион улыбнулся:

– Пусть болтает. На языке мозолей не набьёшь.

Марк Проб нынче был благодушен и покладист. Лицо у него было розовое, распаренное, влажные волосы зачёсаны назад, борода аккуратно пострижена.

– В термах был? – не без зависти спросил Саксум. – Присаживайся, – он похлопал ладонью по одному из пустых сосновых чурбачков, стоящих у стола и заменявших легионерам стулья.

– Да, – ответил Марк и грузно опустился на предложенное место. – Что ни говори, а терма – это великое дело!.. – он огляделся. – Так вот вы где пируете. Я было сунулся в казарму, но там мне какой-то дурнопахнущий лоботряс подсказал, что вы тут. Орясина какая-то в козлиной шкуре. Ещё и косноязычная вдобавок. Я его еле понял.

– Это Лукипор, – догадался Саксум.

– Ну, Лукипор так Лукипор... – не стал спорить кентурион, он вздохнул и рукавом туники вытер вспотевшее лицо. – Жарко нынче... Извини, дружище, что не заглянул к тебе в гости сразу. Сам понимаешь, пока разместились, пока обустроились – не до этого было. Эти два дня – как проклятые! В латрину без спешки сходить и то времени не было – всё бегом, всё бегом!.. Зато теперь... – он снял со стола бутыл, поставил её себе на колено, ножом аккуратно снял пробку и, слегка покачав сосуд, потянул носом над горлышком. – Хм! – приподнял он брови. – Совсем даже недурно! Я, честно говоря, ожидал, что будет намного хуже, – он пошарил вокруг себя глазами. – Надеюсь, вода в этом доме найдётся?

Ашер сейчас же сорвался с места:

– Я принесу!.. Я быстро!

Он наклонился, схватил стоявшее возле стола деревянное ведро и бегом кинулся наискосок через пустырь. Кентурион одобрительно проводил его взглядом.

– Ну как он? – кивнув вслед убежавшему брату, спросил Саксум. – Справляется?

– Нормально, – сказал Марк. – Не хуже других... Мечтательный вот только он у тебя какой-то... Бывает, что-нибудь делает, работу какую-нибудь, или там, к примеру, с мечом упражняется – мешок с соломой рубит, как вдруг остановится, руки опустит и стоит, смотрит куда-то. Главное, смотрит и не видит ничего. Окликнешь его, он как будто вынырнет откуда-то, поглядит вокруг удивлённо – мол, где это я? – и дальше продолжает мешок свой рубить, как ни в чём не бывало.

– Это у него с детства, – улыбнулся Саксум. – Он в детстве точно таким же был. Бывало, дашь ему сеть распутать, он поначалу за дело резво возьмётся – пальцы-то у него, понимаешь, ловкие, половину распутает, а потом глядишь – стоит и мечтает с открытым ртом, мух, понимаешь, ловит. Как ты говоришь, окликнешь его, а он повернётся к тебе такой удивлённый и говорит, к примеру: «А я сейчас с Яхвэ разговаривал». Или ещё что-нибудь в таком роде...

– Что ещё за Яхве такой? – удивился Марк Проб.

– Это – наш бог, – сказал Саксум, – мы ему молимся.

– Представляешь, – отозвался от очага Кепа, – у них всего один бог! Один-единственный! На все случаи жизни. Дикари!

– Заткнись! – сказал ему Марк. – Что б ты понимал!.. А насчёт мечтательности... Я думаю, это ненадолго. Это пройдёт. После первого же боя и пройдёт. Как только крови понюхает, как только увидит перед собой свою смерть с мечом или с трагулой в руке, как только осознает, что есть ситуации, когда думать и мечтать некогда, когда или ты, или тебя, – так сразу и пройдёт... После первого боя почти все меняются...

– Если в живых остаются, – опять подал голос Кепа.

– Тьфу на тебя! – в сердцах сказал кентурион. – Ну что за поганый язык у тебя, Кепа!.. Ты прав, Саксум. Я смотрю, этот Кепа у тебя действительно самое настоящее трепло. Ботало... Может, мне у тебя его и вправду забрать? На месячишко-другой. Он бы у меня быстро научился держать язык за зубами! Что скажешь?

– У меня для тебя есть встречное предложение, – отворачиваясь от Кепа и подмигивая кентуриону, сказал Саксум. – Забирай его у меня насовсем. А мне отдай Ашера. Думаю, обмен для тебя выгодный – необученный юнец против матёрого разведчика... Вот только гарума он жрёт немеряно. Пряма беда! Оставит он тебе, понимаешь, через месяц всю кентурию без гарума.

– Ничего, – сказал Марк, – Не оставит. Я его, паразита, во внешний караул отправлю. Навечно. Он у меня состарится в карауле. У меня этот пожиратель гарума в крепости появляться

вовсе не будет. Пусть он там, за крепостной стеной, можжевельник свой вместо гарума жрёт. Он ведь вроде говорил, что любит можжевельник?

– Это да! – сказал Саксум. – От можжевельника его за уши не оттянешь. Он за пригоршню можжевельных ягод папу-маму продать готов...

– Эй!.. Эй!.. Эй!.. – Кепа, утопив ложку в котелке, стоял столбом и испуганно переводил взгляд с декуриона на кентуриона и обратно; глаза его были большими и круглыми, как у филина. – Эй, вы чего?! Какой ещё можжевельник?!.. Вы меня что, вы меня хотите... в пехоту?! Декурион, ты что?!.. Я не хочу в пехоту! Я не пойду!.. Я ведь!.. Я же!.. Не хочу я! Вы не это!.. Не того!.. – лицо его сморщилось, как от зубной боли, голос стал плаксивым. – Я... я больше не буду!..

Саксум и Марк, не выдержав, расхохотались. Саксум смеялся, навалившись грудью на стол, задыхаясь и вытирая проступающие слёзы. Кентурион – наоборот – откинувшись назад, чуть не падая с чурбачка, не забывая, впрочем, придерживать стоящую у него на колене бутылку с вином. Совершенно сбитый с толку Кепа с самым несчастным видом наблюдал за этим приступом веселья.

– Ой, Кепа... уморил, – отдуваясь, покрутил головой кентурион. – Убил и зарезал... «Я... я больше не буду!» – всхлипывая, передразнил он.

– Кашу, кашу помешивай! – напомнил подчинённому обретший дар речи Саксум. – Подгорит на дне каша-то!

До Кепа наконец дошло. Теперь лицо его приобрело по-детски обиженное выражение. Он громко засопел носом и укоризненно покачал головой:

– Взрослые люди... Начальники... А туда же! Эх! – он махнул рукой, повернулся к очагу и, достав ложку из котелка, принялся с показным усердием мешать исходящую паром похлёбку.

Из-за угла соседней казармы показался Ашер. Он шёл, осторожно ступая, слегка перекосившись на бок и держа руку с ведром на отлёте.

– Слушай, Марк, – сказал Саксум, – как бы мне его у тебя, понимаешь, и вправду забрать, Ашера моего? Всё-таки брат как-никак.

Кентурион пожевал губами.

– Это не так просто сделать... Из пехоты в кавалерию... – он покачал головой. – Это можно только через самого префекта. Через Тита Красса... А до этого тебе ещё надо вопрос со своим примом согласовать. Надо, чтоб именно прим прошение на имя префекта подал... Я – своё прошение, а он – своё.

– С примом я поговорю, – сказал Саксум.

– Поговори, – пожал плечами кентурион. – Может, что и выгорит... С моей стороны, во всяком случае, препятствий никаких не будет. Будет его прошение – будет сразу и моё.

– Спасибо, – сказал Саксум.

– Пока не за что.

Подошёл Ашер и осторожно поставил на один из чурбачков возле стола полное, до краёв, ведро. Марк Проб взял со стола оловянную миску с ручкой, зачерпнул из ведра и с наслаждением напился.

– Холодная, – отдуваясь, одобрил он. – Молодец!.. Ну что, хозяин, давай ёмкость, буду вино разводить.

– Кепа, а где второй котелок? – спросил Саксум у кашевара.

– Под столом, – не оборачиваясь, ответил Кепа.

Спину он теперь держал очень прямо, голова его была гордо поднята, оттопыренные уши сдержанно розовели сквозь густой коричневый загар.

– Обиделся, – кивнул Марку на него декурион.

– Губу закрутил, – подтвердил Марк.

– Переживает, – заключил Саксум.

– Гордый, – сказал Марк.

– Самолюбивый, – поправил Саксум.

– Жалко парня, – покачал головой кентурион.

– До слёз, – не стал спорить Саксум. – А парень-то, в общем, неплохой.

– Да что там, – подхватил Марк, – замечательный парень!

– Таких парней – поискать, – сказал Саксум. – Таких парней, понимаешь, – один на сотню.

– Брось! – сказал Марк. – Тоже скажешь! Таких парней – один на тысячу. Один на легион. Я бы всю свою кентурию на него одного сменял. Не задумываясь.

– Вот только гарума много жрёт, – расстроился декурион.

– Это да, – грустит и Марк, – Всё бы хорошо, но гарума действительно жрёт много. Во всём герой, но с гарумом – беда!..

– Да ладно вам! – не выдержав, обернулся от котелка Кепа, он уже опять улыбался. – Ну чего вы, в самом деле!.. Я же сказал, что больше не буду.

– Что с кашей? – строго спросил его Саксум.

– А что с кашей? Каша давно готова...

– Так чего ж ты ждёшь, кашевар хренов?! – возмутился декурион. – Ждёт он чего-то, понимаешь! Давай её на стол! Жрать-то хочется!..

Тревогу сыграли в начале третьей стражи.

Заблеяли рожки маніпулов, зазвучали резкие отрывистые команды, загрохотали по каменным полам подбитые гвоздями солдатские кáлиги, заплясали на мрачных, выдернутых из сна лицах багровые блики поспешно зажигаемых факелов.

Саксум привёл турму на место, определённое для неё по боевому расписанию – на площадь перед южными воротами (прим Сёртор Перпёрна сразу же по объявлении тревоги убыл в преториум, к префекту, перепоручив командование подразделением декуриону). Спешились. На площади, залитой светом почти полной луны, да вдобавок ещё и озаряемой пламенем многочисленных факелов, было светло,людно и шумно – кроме турмы Саксума на небольшом пространстве толклись, гомонили, бряцали снаряжением ещё не менее сотни пехотинцев. Обстановка была нервная, голоса звучали или настороженно приглушённо, или неестественно громко. Пахло пылью, конским потом и сгоревшим факельным маслом.

От старшего караульной смены – здорового, плосконосого, заросшего по самые глаза чёрной курчавой бородой, детины – удалось узнать кое-какие новости. Громко шмыгая своим расплюснутым носом и то и дело сплёвывая себе под ноги, детина сиплым простуженным голосом сообщил, что с час назад к воротам на взмысленных лошадях прискакал дальний дозор. А точнее, – то, что от этого дозора осталось: декурион и ещё четверо из его команды. Декурион сразу побежал будить префекта, а четверо эти с лошадей слезли – едва живые, чуть на ногах стоят. Похоже, досталось парням, причём крепко досталось. Что говорят? А ничего не говорят. Всё больше молчат. Или шипят, как те сычи. Три пустые лошади с ними прискакали: одна под седлом, а ещё у одной из брюха стрела торчит. По самое оперение вошла – с близкого расстояния, видать, били. Где они? Да вон – у коновязи. А ту, что со стрелой – ту сразу на убой повели, она теперь не жилец, её теперь только на мясо... Ах, где эти четверо? Эти вон там – под стеночкой. Сидят себе. С бледным видом.

Действительно, шагах в десяти, под стеной, сидели четверо. Точнее, сидело из них двое: один, опираясь спиной на стену, бережно баюкал висящую на перевязи, замотанную кровавой тряпкой руку; второй – со свежей, но уже подсохшей царапиной через всё лицо – сидел, скрестив ноги, на брошенном на землю седле и отрешённым, остановившимся взглядом смотрел прямо перед собой. Саксум узнал его – это был Нума Аэлий – бывший его сослуживец, а теперь помощник одного из декурионов соседней, второй, турмы. Ещё два разведчика – это были нумидийцы – спали, лёжа прямо на земле, в пыли, завернувшись в свои плащи и положив под головы худые котомки.

Саксум подошёл и присел на корточки возле Нумы:

– Такфаринас?

Тот повернул голову, внимательно посмотрел на Саксума, а потом вновь уставился куда-то вдаль.

– Да, – помедлив, сказал он.

– Потрепали?

– ...Да.

– Далеко от крепости?

– ...Один переход... Всю ночь скакали.

– Сколько их было?

На этот раз разведчик молчал очень долго. Саксум, решив, что ответа уже вовсе не будет, хотел было подниматься, но тут Нума повернул голову и заговорил.

– Напрямую надо было уходить. Через лес. Понял? А мы вокруг холма пошли. По сухому руслу. Кто ж знал, что они уже там! – он говорил короткими, рублеными фразами, хрипло, быстро, почти без интонаций и смотрел он при этом не на собеседника, а куда-то в сторону, вбок, как будто страдал косоглазием. – Если б не лучники, отбились бы. Верховых там десятка полтора всего было. Понял? Все местные. Но лучники... И вверх по склону не уйдёшь. Осыпи. Понял? Пошли напролом... Малышу Таргúту стрела шею пробила. Насквозь. Так он ещё двоих зарубил после этого. Потом только упал... А у меня: три стрелы – в щите и одна – в седле. А ещё одна – рожу пропорол и в кольчуге застряла. Понял? Я её обломал, а наконечник так и остался – вот тут... – он поднял руку и стал слепо шарить у горла, под завязками плаща. – Вот тут она. Вот... Не веришь?

– Верю, – сказал Саксум. – От кого вы уходили? Ты сказал: «напрямую надо было уходить». От кого?

Взгляд Нумы наконец нашёл лицо собеседника.

– А-а, Саксум... – сказал он. – Это ты... Чего тебе? Ты что-то спросил?

– От кого вы уходили? – терпеливо повторил декурион. – Ты сказал: «напрямую надо было уходить».

– Напрямую, – подтвердил разведчик. – Через лес. А мы по сухому руслу пошли. А они уже там...

– Это я уже слышал, – сказал Саксум. – От кого вы уходили? До этого. Перед тем как попали в засаду.

– Так там целое войско, – удивлённо задрал брови Нума; от этого движения рана у него на лбу разошлась и начала кровить. – Там их целая тьма...

– Там – это где?

– Я ж говорю, – сказал Нума. – Один переход отсюда. За вторым лесом.

– Сколько их?

– Дохрена и больше. Не менее шести когорт пехоты. И конницы немерено. Четыре алы точно есть. А может, и поболее. Понял? Там ещё что-то пылило вдоль холмов. Да только сильно далеко. Не разглядеть.

– Так это что же... – Саксум встал, он почувствовал, как у него вдоль хребта потянуло острым неприятным холодком. – Это что же... Это получается... они на Тубуск идут?

– С такой силищей они могут идти прямо на Ламбессу... – глядя на него снизу вверх, с кривой ухмылкой сказал Нума Аэлий и ладонью стёр повисшие на брови капли крови. – Или на Кирту. Понял? Что им какой-то вшивый Тубуск!..

Весь следующий день прошёл в беготне и суете. Готовились к осаде.

Спешно укреплялись ворота, оборудовались подступы к ним. Заготавливались брёвна и доски. Перед воротами копали рвы, делали насыпи, укрепляя их дёрном, поверху устанавливали рогатки и плетёные из веток щиты.

В огромных количествах запасалась вода. Город, в основном снабжавшийся водой по акведуку, идущему издалека, от горных ручьёв, теперь не мог надеяться на бесперебойное водоснабжение. Поэтому заполнялись все имеющиеся в городе ёмкости, самой большой из которых был сухой до этого дня бассейн на Форумной площади. Целая бригада, спешно сформированная из либертинов и рабов, в бешеном темпе, сменяя друг друга, рыла недалеко от загонов для скота дополнительный колодец.

Из местных жителей формировалось ополчение и многочисленные вспомогательные отряды: землекопы, водоносы, скотобои, кашевары, санитары, оружейники. Даже из рабов, обычно не привлекаемых к военной службе, были сформированы две кентурии лёгкой пехоты.

Готовились новые места в госпитале. На пустыре между казармами специально под лазарет устанавливали несколько больших кожаных палаток.

На алтаре у храма Капитолийской Троицы на Форумной площади, дабы испросить милость бессмертных богов и заручиться их поддержкой в предстоящей битве, был проведён торжественный ритуал принесения в жертву быка и очищения отрядных знамён, значков и оружия. Молились все. Сотни горячих просьб и пожеланий взлетели в этот день над Тубуском, адресованные Юпитеру Всеблагому Величайшему, Юноне и Минерве, Марсу и Виктории, Геркулесу, Фортуне, Меркурию, Фелиции, Фате, Янусу, Сильвану, Аполлону и Диане, Эпоне и Гениям императора и местности. Богов было много. Каждому из них полагались свои слова и свои подношения. Следовало тщательно следить за тем, чтобы никто из бессмертных не был обойдён вниманием. Но молились в этот день в Тубуске не только романским богам. Население городка было пёстрым, а границы Империи простирались далеко. Поэтому слышали молитвы в свой адрес и греческая Кибела с египетской Исис, и далёкий иудейский Яхве с ещё более далёким армянским Митрой...

Кентурия Марка Проба полным составом была брошена на расчистку периметра вокруг крепости. Задача, поставленная префектом Титом Крассом кентуриону, была непростой: ликвидировать любую растительность, поднимающуюся выше колена, на расстоянии трёхсот шагов от крепостной стены.

Сразу же после завтрака Марк вывел свою сотню на работы. Рубили, ломали, выкорчёвывали. Всю зелень и всю мало-мальски пригодную для дела древесину сваливали на телеги и везли в крепость. Сухие ветки и кустарник жгли на месте.

Солнце, выбравшись из рассветного тумана влажным, тёмно-красным, тяжёлым, к полудню раскалилось, разошлось и жарило совсем по-летнему. На белёсом небе не усматривалось ни единого облачка. У размытого маревом горизонта дрожали, растекаясь серебром, несуществующие озёра. Трещали цикады. Трещали и выбрасывали вверх мириады искр высокие, почти бездымные, бледные в солнечном свете, костры. Легионеры Марка (сплошь зелёносопливая молодёжь, ещё даже не принявшие присягу и лишь накануне поспешно включённые в списки легиона и получившие на левое плечо знак новобранца – наколку-точку) по причине жары и с разрешения своего кентуриона разделись и теперь бегали голые и чумазые, точно жрецы-лупёрки, таская огромные охапки веток и хвороста и успевая при этом ещё и задирать и подначивать друг друга, – им было весело.

Марк, глядя на это бесшабашное, немного нервное веселье, вдруг с горечью подумал о том, что, возможно, уже в самое ближайшее время он недосчитается многих и многих своих солдат. Что такое четыре месяца подготовки для человека, который до этого ни разу не держал в руках ни меча, ни копья?! Мало, мало! Да и реальный бой – это ведь совсем не то, что бросать (пусть даже метко) своё копьё в нарисованный на заборе круг или рубить (пусть даже ловко) тупым мечом безропотное соломенное чучело. Бой есть бой. И богатый опыт кентуриона говорил ему о том, что на поле боя зачастую побеждает как раз не тот, кто более меток или тот, кто ловчее управляется с мечом и щитом, а тот, в ком больше природной злобы, кто способен преодолеть свой страх и не замечать боль, тот, кто в минуты жестокой схватки полностью забывает о себе и думает лишь об одном – о том, как нанести максимальный, непоправимый, смертельный урон противнику. А откуда, скажите на милость, взяться злобе в сопливых подростках, только недавно оторванных от мамкиной титьки? И откуда, скажите на милость, взяться у этих же подростков способности преодолевать страх и боль? Ведь чтобы научиться этому, четырёх месяцев, конечно же, недостаточно. Да для этого и всей жизни порой бывает недостаточно! Он, разумеется, сделал всё, что мог, чтобы научить своих, ещё не до конца выбравшихся из детства, новобранцев искусству выживания на поле боя. Всё, что было в его силах. Или всё же не всё?..

– Ты брата своего с утра не видел? – спросил он пробегающего мимо, вымазанного с ног до головы сажей, Ашера.

Тот остановился и отрицательно помотал головой, повязанной не менее чумазым, чем он сам, платком:

– Нет... Они, по-моему, ещё по темноте куда-то уехали. Я Кепу видел – он фляги у колодца наполнял... А что?

– Да нет, ничего, – махнул рукой кентурион. – Ладно. Ступай...

Префект Тит Валерий Аттиан Красс, как это и полагается начальнику гарнизона и коменданту крепости, руководил подготовкой к обороне. Он отдавал распоряжения, диктовал приказы, отправлял посыльных с поручениями и распоряжениями, принимал и выслушивал донесения и доклады, проводил скоротечные совещания – в общем, он был в эпицентре всех дел и событий, хотя за весь день, кажется, ни разу так и не переступил порога своего кабинета.

Зато трибуну-ластиклавию Гаю Корнелию Рету на месте не сиделось. Он был стремителен и вездесущ. Его белоснежный, с широкой пурпурной каймой, роскошный плащ мелькал повсюду. Порой, казалось, что он находится в нескольких местах одновременно.

Возле южных ворот трибун отчитал плотников за нерадивость и заставил их ошкуривать уже сложенные в штабель брёвна.

Возле северных ворот он битый час объяснял бестолковым рабочим методику отсыпки вала и способы установки различного типа заграждений.

Побывав у Марка Проба, он отругал кентуриона за беспечность и заставил легионеров облачиться в кольчуги: «Откуда ты знаешь, кентурион, – может, вон за теми кустами уже противник прячется! А твои солдаты тут скачут голые, как простолоудины в палестре!..» Впрочем, как только приметный плащ трибуна-ластиклавия скрылся за углом крепости, ненавистные, раскалённые солнцем кольчуги вновь полетели на землю. Кентурион, отвернувшись и разглядывая далёкий горизонт, сделал вид, что не заметил этого повторного грубейшего нарушения формы одежды.

На Форумной площади Гай Корнелий Рет не нашёл особо к чему придраться, лишь упрекнул старшего на работах декана в том, что перед началом заполнения бассейна его (бассейн, разумеется, а не декана) недостаточно хорошо отмыли.

Зато на рытье колодца беспокойная натура трибуна развернулась во всю ширь. Для начала он изматерил за безделье только что вылезшую из колодца и сидящую в теньке в изнеможении смену землекопов. Потом, лично опробовав на куче вынудой земли остроту лопат и заступов, погнал одного из либертинов в мастерские за кузнецом и точильными камнями. Затем полностью забраковал как заготовленные для плетения ивовые ветки, так и сам способ плетения щитов, предназначенных для укрепления колодезных стен. И совсем уже намеревался скорректировать работу самих землекопов в колодце, как вдруг поскользнулся в глинистой луже, малость не сверзился в яму, замарал руки, плащ и разобитый, с гордо поднятой головой, удалился в преториум, где занимал вместе со своими адъютантами, ординарцами, слугами и рабами восемь лучших комнат на втором этаже по теневой, северной, стороне...

Декурии Саксума была поставлена задача: обеспечить безопасность при перегоне скота с дальнего пастбища в крепость.

Выехали ещё до рассвета. До места добрались тоже достаточно быстро – всего за пару часов. Но на этом вся быстрота и закончилась. Стадо было большое – несколько сотен голов и, несмотря на доставленных Саксумом в помощь местным пастухам ещё нескольких помощников, дело продвигалось туго: коровы – не кавалерия, и овцы – не пехота, их, понимаешь, не заставишь бежать ровно и быстро в указанном направлении.

Гурт, подгоняемый пастухами, медленно двигался на юг. Отряд Саксума ехал позади на расстоянии двух-трёх стадиев, рассредоточившись, растянутым полумесяцем охватывая пылящее далеко впереди стадо.

Солнце перевалило за полдень. Саксум, хорошо зная тактику Такфаринаса и примерно оценивая расстояние до его войска, ожидал появления передовых дозорных отрядов в самое ближайшее время.

Он не ошибся. Когда до Тубуска оставалась примерно треть пути, из-за небольшой рощицы дикой маслины, стадиях в трёх слева, показалась группа всадников: примерно полтора десятка мусуламиев – в своих традиционных, закрывающих лицо, голубых тюрбанах-лисáмах и длинных, голубых же, плащах-алáшо – на местных коротконогих, приземистых лошадях.

Саксум не стал долго ждать и смотреть, что предпримут мусуламии. Он свистом позвал к себе подчинённых, надел шлем, отвязал от седла щит и, круто повернув, направился напрямик к противнику, постепенно переводя коня с шага на рысь и беря наизготовку свою, увенчанную тяжёлым бронзовым наконечником, трагулу. Декурия, также на ходу изготавливаясь к бою, послушно шла следом, по ходу разворачиваясь в тупоносый клин.

Как Саксум и ожидал, мусуламии бой принимать не стали. Когда до атакующих оставалось примерно полтора стадия, они развернулись и дружно кинулись прочь, низко пригибаясь к холмам своих коней, врассыпную, веером уходя по заросшей типчаком и дроком степи.

Преследовать убегающего противника не стали, но дальше, до самой крепости, держались слева-сзади от стада – на наиболее опасном в отношении вероятного нападения участке.

Когда вдалеке уже отчётливо стали видны красные черепичные крыши домов и светло-жёлтые башни и стены Тубуска, на недалёком холме был замечен ещё один неприятельский дозор. Этих было двое. Были они явно уже из регулярного войска – на лошадях с упряжью и экипированы, как легионеры: в шлемах, с небольшими овальными щитами и длинными трагулами поперёк сёдел. Дозорные никаких активных действий не предпринимали – стояли совершенно неподвижно, смотрели. Лишь лошади под ними помахивали хвостами, да время от времени переступали ногами и мотали мордами – вероятно, отгоняя надоедливых мух. Саксум этих двоих проигнорировал – пусть себе, не до них. Можно было бы, конечно, пуститься в погоню, взять «языка» – его нумидийцы, пожалуй, смогли бы этих двоих догнать – но задачи такой перед Саксумом никто не ставил, да и кто его знает, что там за этими холмами, влипнешь ещё, понимаешь, в какую-нибудь неприятность, бог с ними, пусть себе стоят, смотрят, от смотрения ихнего от нас ведь не убудет...

Подъехал Кепа.

– Ну что, декурион, – шурясь на низкое закатное солнце, сказал он. – Похоже, заварушка намечается?

Был он непривычно серьёзен и выглядел тоже непривычно: в тщательно, на все застёжки, застёгнутой кольчуге, с выглядывающим из-под неё тёмно-красным шейным платком, и в надвинутом на глаза, давно не чищенном, местами позеленевшем шлеме.

– Похоже, – сказал Саксум.

Кепа оглянулся на торчащую на холме парочку, сплюнул сквозь редкие зубы и снова спросил:

– Как думаешь, могут они прямо сегодня, сходу, ударить? Или ночью.

Саксум покачал головой:

– Нет. Вряд ли. Я Такфаринаса знаю. Он сходу в бой не полезет. Я думаю, они ещё и завтра ничего предпринимать не станут. А может даже, и послезавтра. Пока свой лагерь не оборудуют, пока, понимаешь, всё не разведают да не разнюхают. Только тогда.

– А может, они и вовсе к нам не полезут? – с надеждой в голосе спросил Кепа. – Может, они мимо нас и – фьют, – он отмахнул рукой себе за спину, – прямиком на Ламбессу? А? Как думаешь?

Декурион снова покачал головой.

– Нет. Даже не надейся. Такфаринас такую острую колючку в своём заду не оставит. К нам они, это ты будь уверен, – он помолчал, а потом добавил веско, как припечатал: – К нам!..

Когда стемнело, Саксум решил подняться на крепостную стену – посмотреть что да как. На выходе из казармы он столкнулся с младшим братом.

– Ты куда? – спросил он Ашера.

– К тебе... А ты куда?

– На стену хочу сходить. Взглянуть.

– А можно с тобой?

– Пойдём.

Они двинулись через тёмный пустырь. Луна ещё не взошла, и на пустыре не было видно практически ничего, кроме тусклого красноватого света тлеющих углей в ближайшем очаге-временке, почему-то не залитом, как это полагалось, водой. Посреди пустыря едва различимыми островерхими пирамидами чернели в темноте поставленные днём палатки лазарета. Ашер зацепился ногой за растяжку и шёпотом выругался.

– Куда тебя распределили? – спросил его Саксум.

– Внутренний караул. Северные ворота, – ответил Ашер. – Четвёртая стража.

– Так чего не спишь?

Ашер помялся.

– Не хочется.

– Надо поспать, – наставительно сказал Саксум. – Обязательно. А то потом тяжело будет. Особенно перед рассветом. Сейчас не лето: ночные стражи – длинные.

– Знаю, – вздохнул Ашер. – Но всё равно не могу... Как-то меня даже слегка знобит от всего этого.

Старший брат тоже вздохнул.

– Понимаю. Сам таким же когда-то был... Но всё равно... Ты, вообще, старайся теперь как можно больше спать. Что днём, что ночью. Как только есть возможность – сразу спать. Потом, может статься, вовсе не до сна будет. Поесть-то, понимаешь, всегда успеешь, а вот поспать...

Они подошли к башне. Здесь уже горели факелы. Рослый легионер на входе преградил было им путь, но вглядевшись, узнал Саксума и отступил в сторону.

– Этот – со мной, – коротко сказал ему декурион.

По скрипучим деревянным ступеням они поднялись на второй этаж, нырнули в узкий проход, взобрались ещё по одной крутой лесенке, на этот раз каменной, и оказались на крепостной стене. Здесь дул ветер. Тёплый южный ветер нёс из разогретой за день степи горький запах сгоревшей травы. Саксум подошёл к ближайшему проёму между зубцами и облокотился на парапет.

По всему пространству ночи – слева-направо, докуда хватало взгляда, и вперёд, до чернеющего узкой полосой у горизонта леса, – горели костры. Близкие – в двух-трёх стадиях от стены – яркие, с хорошо видимым оранжевым лепестком пламени и даже с проступающими вокруг него какими-то неясными, двигающимися в темноте фигурами, и совсем далёкие – похожие на тусклые мерцающие красноватые звёзды. Костров было много, очень много, – казалось, тысячи.

– Гос-с-с... – еле слышно прошелестел за плечом у Саксума Ашер.

– Ничего... – сказал, не оборачиваясь, Саксум, ощущая неприятный холодок под ложечкой даже не столько от вида неприятельских костров, сколько от этого испуганного, шелестящего голоса над ухом. – Ничего... Нынче они к нам не сунутся. И завтра тоже... Дня два-три у нас в запасе точно есть. А там, глядишь, и подмога из Ламбессы придёт. Гонцы ещё прошлой ночью у Ламбессу ускакали.

– От Ламбессы шесть дней пути, – тихо сказал Ашер.

– Ничего... – повторил декурион. – Ускоренным маршем можно и за четыре дойти.

Они помолчали. Снизу, из-под башни, со стороны крепости вдруг донеслись приглушённые голоса. Спорили двое. Один каркал хриплым простуженным голосом. Второй отвечал ему густым рокочущим басом. Слов было не разобрать, но разговор явно вёлся на повышенных тонах.

– Чего это они там? – шёпотом спросил Ашер.

– Не знаю... – ответил Саксум, прислушиваясь. – Опять, наверное, Лар Одноногий ночному караулу своих дочек предлагает. Старый паскудник!

– Нет! – вдруг очень ясно сказал бас. – Не пойдёт! Только до второй стражи!..

Второй голос опять захрипел, заперхал, заклекотал, напирая и явно не желая уступать. Потом голоса смолкли и послышалось удаляющееся поскрипывание, как будто кто-то уходил вглубь крепости, толкая перед собой плохо смазанную тележку.

– И вина принеси!.. – опять раздался громкий басовитый голос. – И колбасы! Луканской!.. Слышишь?!

– Ладно, – хрипло каркнули издалека.

Опять всё смолкло. Снаружи, из чёрного, дышащего теплом, пространства ночи едва слышно доносилось сонное урчание цикад.

– А кто он такой, этот Такфаринас? – тихо спросил Ашер. – Это царь местный?

Саксум усмехнулся.

– Царь у них сейчас Птолемей. Сын Юбы. Того, что помер недавно... Этот Птолемей – маменькин сынок. Сидит в своей Кесарии, понимаешь, и носа оттуда не кажет. По-моему, ему вообще плевать на то, что делается у него в стране... А Такфаринас... Такфаринас – это простой парень. Такой же, как я и ты. Который, понимаешь, однажды понял, что если не хочешь прожить свою жизнь, как баран, то надо эту свою жизнь брать в свои собственные руки... Он легионером был. Ещё при Августе. Дослужился до прима. Я, когда пришёл в легион, попал к нему в декурию... Он меня многому научил... Мы звали его: Юст – справедливый.

Саксум замолчал и молчал долго, глядя в мерцающую кострами ночь и поглаживая тёплый шершавый камень стены.

– А потом? – спросил Ашер.

– Потом?.. Потом он ушёл. И увёл за собой свою турму... И я бы с ними ушёл, да я, понимаешь, как раз в тот момент в госпитале валялся. С лихорадкой... Невовремя меня тогда схватило!.. И потом я не раз хотел к нему уйти. Да всё как-то не складывалось – то одно, то другое.

– А... – Ашер запнулся. – А зачем? Почему?

– Что «почему»?

– Ну... почему он ушёл?.. И ты... хотел?

– Да потому что – разве это жизнь?! – вдруг горячо сказал Саксум. – Разве я этого ожидал, когда в легионеры записываться шёл?! Я ведь что думал? Я ведь думал: ну, послужу, лет семь или пусть даже десять, денег скоплю. Вернусь, понимаешь, дом куплю, лодку. Хорошую, большую, с парусом... Женюсь. Лавку открою... – он замолчал.

– И... что? – осторожно спросил Ашер.

– А ничего!.. – Саксум сердито сплюнул через парапет – вниз, в темноту. – Вот скажи, ты ведь ещё жалованья не получал?

– Нет, – сказал Ашер, – нам сказали, что выплатят сразу же после январских нон, после того как присягу примем.

– Сколько?

– Сказали, что, как положено – треть годового жалованья.

– Ну и сколько ты надеешься получить?

– Ну... триста сестерциев где-то.

– Щас! – едко сказал декурион. – Ручку от луны ты получишь! Голенища от сандалий! Дадут вам сестерциев по сорок, да и то – в виде задатка, чтоб вы сразу все не разбежались.

– Это почему? – удивился Ашер.

– Да потому! Потому что за первые полгода жалованье вам начислят не как полноценным легионерам, а как новобранцам – всего лишь по сто пятьдесят сестерциев. Что, не знал об этом? Вот то-то же! Об этом они как-то всё время забывают сообщить. Так вот, это – во-первых. А во-вторых... Ты кашу ешь? Ешь. Вино пьёшь? Пьёшь. Лепёшки лопаешь? Лопает. А между прочим, за каждый горшок зерна, за каждый секстарий вина из жалованья удерживается вполне конкретная сумма. «Котловой сбор» называется. Тоже вам не говорили?

Ашер pokrutil головой.

– Нам говорили, что кормить будут за казённый счёт.

– Так и положено за казённый! Но дело в том, что за казённый счёт тебе полагается ровно столько, чтоб, понимаешь, от голода не сдохнуть! А не согласишься на «котловой сбор», получишь вместо мяса – жилы, вместо крупы нормальной – сметья, а вместо вина – кислятину какую-нибудь тошнотную. И гарума того же тоже не получишь. Мне-то гарум что – наплевать да растереть. А вот Кепа, к примеру, тот без гарума жить не может... И ещё. Всё, что на тебе сейчас надето, всё, что ты получил в Ламбессе из оружия – всё стоит денег. И денег немалых! А теперь посчитай: две льняных туники – раз, шерстяная туника – два, два шейных платка, плащ, птерюгес, калиги, шлем, меч, щит, копьё. Что я ещё забыл?.. Да! Кольчуга, подкольчужник, фляга, пояс... наплечный ремень... Всё вроде?

– Нам ещё каждому по котелку и миске выдали, – тихо сказал Ашер. – А некоторым ещё и кинжал. Но не всем. Мне не хватило.

– И котелок, и миска! – с готовностью подхватил декурион. – И кинжал. Всё это, понимаешь, денег стоит!.. А в кавалерии! В кавалерии ведь всё ещё дороже! Седло! Упряжь!.. Трагула!.. И спата кавалерийская, – он похлопал себя по рукояти меча, – между прочим, в два раза дороже пехотного гладия! И ладно бы купил меч – и всё, на всю службу. Нет! Они ведь, заразы, ломаются, что... щепки. Не дай Бог в бою меч на меч найдёт – всё, считай, нет меча! У меня ведь это уже третий!.. – он снова потряс свою спату за рукоять. – Так что, братишка, первые два года легионер, считай, живёт в долг... Но ведь это тоже ещё не всё!.. – Саксум фыркнул. – Скажи, тебя ещё ни разу не штрафовали?

– Н-нет...

– Ничего, – декурион похлопал брата по плечу, – не расстраивайся, у тебя ещё, как говорится, всё впереди. Наш префект ба-альшой специалист по штрафам. За каждую маломальскую провинность он дерёт не меньше, чем по денарию!.. Вот, смотри, я уже, почитай, восемь лет лямку тяну. Так? В будущем феврале девять будет. А недавно у сигнифера спросил – сколько у меня на счету? И что ты думаешь? Целых пятьсот двадцать шесть сестерциев! И ещё два асса! Вот это заработал так заработал!.. – он помолчал. – Нет, братишка, в армии есть только один способ хорошо заработать – добыча! Но это надо в походы ходить. На новые, понимаешь, земли. Города брать. Нет походов – нет добычи – нет и денег... А в гарнизоне можешь всю жизнь в караулах проторчать да на работах прогорбатиться, двадцать пар калиг стопчешь, а в итоге – не то что на лодку с парусом, на дырявый челнок не заработаешь!..

– А мне старый шлем выдали, – после длинной паузы сказал Ашер. – Совсем старый. Видел? Поцарапанный весь и гребень обломан. И ещё вмятина вот здесь, на самом темечке... Кому-то неслабо в этом шлеме досталось.

– Не бойсь, – сквозь зубы сказал Саксум. – Вычтут как за новый.

И снова наступила тишина, и снова два брата долго стояли, вслушиваясь в далёкое, умиротворяющее журчание цикад.

– Ты его больше не видел? – прервав молчание, спросил Ашер.

– Кого?

– Такфаринаса.

Саксум помолчал.

– Видел. Один раз. Издалека... Три года назад. Мы тогда думали, он в пустыню ушёл. После того, как его Фүрий Камйлла потрепал. А он совершенно неожиданно появился из-за холмов, сбил наши посты и обложил наш лагерь... На Пагиде это было. Это река такая. Южнее Тивэсты... Можно было бы попытаться отсидеться – у нас, понимаешь, три полных манипулы было, да ещё и лёгкой пехоты, из местных, пару кентурий бы набралось – для обороны, в общем-то, достаточно. Да и легион Апрония должен был дня через два-три подойти... Но наш префект, Дёкрий, он решил, что негоже ему – всаднику, трибуну – бояться какого-то там разбойника. Грязного, понимаешь, мусуламия. И он решил дать бой. Он решил показать – что значит крепкий воинский дух! Что значит, понимаешь, непобедимый романский характер!.. И вывел манипулы в чистое поле...

– И... что?

– У Такфаринаса был двукратный численный перевес, – как-то устало сказал Саксум. – И это только по пехоте. Кавалерии у нас почти не было вообще. Две турмы. Против как минимум пяти ал... Непобедимого романского характера хватило ровно на одну атаку. Потом манипулы побежали. Мусуламией гнали их по полю и рубили, как овец... Декрий пытался их остановить, но это всё равно, что остановить табун диких лошадей... Ему дротиком выбило глаз. Он был весь в крови, без шлема, без щита. Когда он понял, что манипулы не остановить, он повернулся и пошёл навстречу неприятелю... Один. С мечом в руке... Я видел, как мусуламией окружили его. Тыкали пиками, толкали лошадьми. Я видел, как туда подъехал Такфаринас, как перед ним все расступились. Он

долго смотрел на окровавленного префекта, даже, кажется, говорил ему что-то. А потом самолично зарубил...

– ...А ты?

– Я?.. Мы отступили обратно в лагерь. Две наши турмы и полкентурии пехоты. Лошадей пришлось бросить. Мы бились прямо в воротах... Понимаешь, у нас за спиной были женщины и дети – за два дня до этого у нас в лагере укрылся обоз из Тивесты. И ещё в госпитале было около сотни раненых. Мусулами их бы всех вырезали. А женщин и детей забрали бы в рабство... Мы бы всё равно их не сдержали. Мы были обречены. Нас спасла передовая ала из легиона Апрония... Они даже не вступали в бой. Они только показались на том берегу реки. А мусулами, видать, подумали, что это – уже весь легион на подходе. И оставили нас в покое. Отошли... Если бы не эта ала, нас бы всех перебили... Да нас и так всех перебили! Из нашей турмы вообще остался я один. А из второй – Кепа и ещё двое: Идигер и ещё один парень, Нумэрий Пол... Его потом около Талы стрелой убило...

– Много тогда погибло? – спросил Ашер. – В том бою.

– Половина, – сказал Саксум. – Двух манипул как не бывало. Как корова языком слизнула... А всем выжившим легат ещё и декиматию устроил. За трусость в бою, понимаешь.

– Де-ки-ма-тию? – повторил по слогам незнакомое слово Ашер. – Это что?

– Это? – декурион недобро усмехнулся. – Лучше бы тебе, Аши, этого не знать, – он вздохнул и добавил: – А мне лучше бы этого никогда не видеть... Это, понимаешь, когда каждого десятого, – помолчав, объяснил он. – По жребью... Свои же. Палками... До смерти...

– Это тогда тебя прозвали Саксумом? – спросил Ашер. – После того боя?

– Да, – сказал декурион. – После того... И декурионом меня тогда же поставили.

И опять повисла тишина. Гулко прокашлялся часовой внизу, под башней. Где-то далеко, в крепости, раздался рассыпчатый женский смех, раскатился колокольцем по узким улочкам, отразился эхом от соседних зданий и так же внезапно смолк.

– А почему ты тогда не ушёл к Такфаринасу? – спросил Ашер. – Ну, там, на Пагиде. Ты ведь говоришь, что хотел уйти. А тут такой случай! Зачем же было биться, жизнью рисковать?

– Понимаешь, – медленно сказал декурион, – именно тогда я как раз и не мог уйти. Я ж тебе говорю – там были женщины, дети... раненые. Уйти – это значило обречь их на смерть, на рабство. Я так не мог... Если бы до этого, втихаря как-нибудь... Или после...

– А к нему, вообще, много уходит?

– Много, – сказал Саксум. – У него, почитай, треть всей армии из беглых рабов и перебежчиков состоит. Бегут и бегут... И из Кирты бегут, и из Гиппо-Регии бегут, и из Ламбессы... Даже с Сицилии бегут. Ждут северо-восточного ветра, а потом лодку какую-нибудь воруют и плывут. От Сицилии до африканского берега, почитай, двести миль, и всё равно, понимаешь, плывут... Многие, конечно, не доплывают... – он помолчал. – У нас, из Тубуска, летом целая декурия к нему ушла. Прима своего зарезали и ушли. Дэнтера Руфа, беднягу... А про местных и говорить нечего! Он у них – народный герой! Они его, понимаешь, вождём выбрали, хотя он совсем даже не из знатного рода. Причём – главным вождём. Старшим над старшими. Или, как романцы говорят: примус интер парис – первый среди равных... Правда, некоторые его не признают. Ну, другие вожди. В основном, те, которые из Птолемеев... Эти Тиберию помогают. У нас таких тоже полно... Таких Такфаринас режет беспощадно. Без разговоров. Легионера может не тронуть, даже отпустить может, правда без оружия, а нумидийцев своих режет, как курей. То-то они его так боятся. В плен не сдаются, дерутся, понимаешь, до последнего...

– А сейчас? – спросил Ашер.

– Что «сейчас»?

– Сейчас тебе не хочется к нему уйти?

– Хочется, – сказал Саксум. – Ещё как хочется! Там, у Такфаринаса, у него ведь там воля. Свобода!.. И деньги! Он ведь, понимаешь, обложил данью всю Нумидию. От Типасы до Тапаруры. Он же вождям мусуламиев условие поставил: или платите дань, или идёте со мной воевать против Ромы... Он набегу регулярные совершает. На богатые города. И всегда с добычей!

– Грабит?

– Грабит, – легко согласился декурион. – А чего бы не пограбить? И я бы с удовольствием пограбил. Купцов этих всяких, ростовщиков разжиревших. Которые, понимаешь, на нашем поте и на нашей крови разбогатели!

– Так чего ж не уходишь? – тихо спросил Ашер.

– Не знаю... – сказал Саксум. – Не знаю... Всё как-то случая удобного не было. Чтоб так тихо, без шума – р-раз, и нету! Чтоб, понимаешь, не искали... А теперь и вовсе. Теперь я только с тобой могу уйти. Теперь только вместе.

– Но... – Ашер помялся. – Мы ведь присягали. Императору Тиберию. Ну, хорошо, – тут же поправился он, – ты присягал, мы ещё нет, нам сказали – сразу после январских календ. Но клятву мы ведь уже давали! Перед знаком кентурии. А значит, – перед своими боевыми товарищами. Это ведь всё равно получается... что-то вроде предательства?

– Предательство?! – переспросил Саксум, и в его голосе вдруг зазвенел металл. – Предательство, мой дорогой Аши, – это... вот что... Это когда твою родину, твою землю, землю твоих предков, нагло топчут захватчики, оккупанты, а ты, вместо того, чтобы драться с ними, до последнего драться, за каждый клочок земли своей драться... Ты вместо этого идёшь и записываешься к ним в армию. Добровольцем... Чтоб, понимаешь, твоими руками, твоим мечом и копьём эти самые захватчики могли захватывать другие земли!.. Вот что такое предательство!.. – он нащупал в темноте плечо Ашера и крепко сжал его. – Ты меня понял, братишка?..

3

Четвёртый день осады начался с того, что от Такфаринаса прибыли переговорщики.

За предыдущие три дня никаких активных наступательных действий противник не предпринимал. Такфаринас, прошедший и хорошо усвоивший романскую военную школу, не стал, естественно, пытаться брать крепость сходу. Войско мусуламийского вождя неспешно и основательно расположилось вокруг Тубуска, по всем правилам осадного искусства выставило кордоны и дозоры и оборудовало два своих хорошо укрепленных лагеря – напротив северных и южных ворот крепости.

Утром четвертого дня, примерно через час после рассвета, два мусуламийца – в своих традиционных голубых одеждах – выехали из ближайшего от южных ворот леска, неспешной рысцей приблизились к укреплениям осажденных и, остановившись на расстоянии полустадия от передней насыпи, принялись махать привязанным к древку копьё белым платком.

Старший внешнего дозора южных ворот декан Эппий Хората доложил о переговорщиках префекту и после получения соответствующего приказа дал знак мусуламийцам приблизиться. Перед насыпью переговорщикам приказали спешиться, после чего их завели внутрь укрепления и, обыскав, препроводили в привратную башню.

Мусуламийцы – оба маленькие, худые, скуластые, оба почерневшие от солнца, похожие на чуть прихваченные огнём костра щепки, – передали спешно прибывшему в башню префекту Крассу кэру – навощённую для письма дощечку – с личным посланием «Великого Вождя, храбрейшего из храбрых, досточтимого Такфаринаса», после чего, усевшись прямо на пол у стены, принялись терпеливо ожидать ответа.

Через четверть часа префект Тит Красс собрал в преториуме военный совет.

Зал для совещаний в преториуме был небольшим и сейчас с трудом вместил всех прибывших на совет. В узком и длинном помещении, украшенном по глухой стороне ложными колоннами, на жёстких деревянных скамьях, поставленных по центру зала, сидели, негромко переговариваясь, восемь из девяти кентурионов, все пятеро примов – командиров турм и ещё с десятков человек – начальников вспомогательных отрядов и служб. Переднюю скамью – единственную в зале со спинкой – занимали три нумидийских вождя, выделявшихся среди присутствующих своими просторными голубыми одеждами и высокими остроконечными шлемами, которые они не снимали даже в помещении. Передняя скамья была почётной, всаднической, она предназначалась для префектов – командиров когорт и кавалерийских ал, и нумидийцы сидели на ней с гордым видом, хотя каждый из них располагал отрядом соплеменников, насчитывающим не более половины, а то и одной трети полноценной алы.

В проходах вдоль стен толпились многочисленные офицеры штаба, бенефициарии и различные мелкие служащие, присутствовавшие на совете, скорее, из любопытства, нежели по нужде.

В зале висел здоровый солдатский дух, сотканный из запахов кожи, конского и человеческого пота и дыма костров. Низкое рассветное солнце, несмело проникая в окна под потолком, окрашивало стену с колоннами в несколько неуместный для собрания столь воинственных мужей, нежно-розовый цвет.

На невысоком подиуме, у противоположной от входной двери стены, в кресле с высокой резной спинкой сидел префект Тит Красс и с непередаваемо брезгливым выражением на

горбоносом, хищном, изрубленном глубокими вертикальными морщинами лице рассматривал лежащую перед ним на столе злополучную керу. Сбоку стола, на высоком табурете, восседал корникулярий – начальник канцелярии гарнизона – весь обложенный свитками приказов и папирусными листами донесений. Вид у корникулярия был озабоченный; на его полном, оплывшем книзу лице явно читались следы бессонной ночи.

В зале стояла сдержанная многоголосица, слышалось хриплое утреннее покашливание. Кто-то, возле самой входной двери, вдруг принялся звонко и многократно чихать. Послышались добродушные смешки и гулкие похлопывания по спине.

Префект Тит Красс поднял голову и оглядел помещение.

– Все?

Корникулярий оторвался от своих бумаг и тоже пристально оглядел зал.

– Э-э-э... – начал было он, но тут в помещение, громко хлопнув дверью, ввалился Гай Корнелий Рет – доблестный трибун-лактиклавий: заспанный, небритый, злой, в небрежно, видимо, в спешке намотанной тоге – и пошёл по ногам, проталкиваясь в переднюю часть зала. – Теперь все, – качнувшись к префекту, негромко сказал корникулярий.

Тит Красс терпеливо прикрыл глаза.

Добравшись до первой скамьи, Гай остановился в недоумении. Скамья была рассчитана на пятерых, но нумидийцы расположились на ней вольготно и для трибуна-лактиклавия места на ней практически не осталось. Нумидийцы сидели, гордо выпрямив спины, с неподвижными лицами глядя прямо перед собой и вроде как вовсе не замечая нависшего над ними грозного трибуна. Широкое лицо Гая Корнелия Рета начало наливаться кровью.

Тит Красс негромко вздохнул и поднялся.

– Прошу тебя, трибун, присаживайся, – указал он Гаю на своё место, – я немного разомнусь.

Трибун-лактиклавий сразу же просветлел лицом, взобрался на подиум и, взгромоздясь в начальническое кресло, надменно уставился в зал.

Префект подошёл к краю помоста и, заложив руки за спину, оглядел присутствующих.

– Прошу внимания! – сказал он.

Сказано это было негромко, но в зале сразу же установилась почтительная тишина. Тит Красс выждал ещё несколько мгновений, а потом продолжил своим тихим скрипучим голосом:

– Сегодня я получил вот это, – он шагнул назад и, взяв со стола керу, брезгливо, как дохлую крысу за хвост, поднял её за шнурок над головой и показал залу. – Это – послание от Такфаринаса. Великий Вождь и... Как его там?... – он заглянул в керу. – Ага... И храбрейший из храбрых предлагает нам сделку. За небольшую дань, всего-то из... э-э... – он вновь заглянул в керу, – из шестнадцати пунктов этот храбрейший согласен не атаковать Тубуск и, более того, обещает в течение ближайших двух лет не беспокоить нашу крепость своими визитами.

По залу прокатился негромкий ропот.

– Брось её в огонь, не читая, префект! – прозвенел молодой задиристый голос с заднего ряда. – Негоже нам заключать сделки с перебежчиком!

По залу прокатился одобрителный гул.

– Другие мнения есть? – осведомился Тит Красс.

– Есть, – раздался спокойный бас Марка Проба, и кентурион, громыхнув калигами по каменному полу, воздвигся во втором ряду. – Бросить в огонь мы её всегда успеем... – он откашлялся в кулак и огладил короткую бородку. – У Такфаринаса как минимум трёхкратный перевес в живой силе. А с учётом того, что половина наших кентурий набрана из рабов и либертинов, больше привыкших к лопате, чем к мечу, то перевес этот можно считать пятикратным... К тому же, лучников у нас маловато, чуть больше сотни... Так что при умелом штурме, если пойдут они одновременно несколькими колоннами, через три-четыре часа этот храбрейший из храбрых будет сидеть в этом зале в кресле префекта и пересчитывать наши обрезанные уши, нанизанные на верёвочку... – зал загудел, Марк Проб поднял широкую ладонь и повысил голос: – Можно, конечно, надеяться на то, что Такфаринас не умеет штурмовать крепости. Во всяком случае, до сих пор ни одной серьёзной крепости он штурмом не взял. Но ведь, справедливости ради надо сказать, что он никогда и не пытался. Обычно города сами открывали перед ним ворота... Так вот, мне как-то не хочется, чтобы Тубуск стал первым из городов, взятых Такфаринасом штурмом... И ещё одно... Тут многие надеются на помощь из Ламбессы. Да что там многие – мы все на эту помощь надеемся! Но, во-первых, мы не знаем, добрались ли до Ламбессы наши гонцы. Ведь вполне возможно, что Такфаринас заранее перекрыл дорогу на Ламбессу. И во-вторых... Даже если они благополучно добрались до Ламбессы... Войско Долабеллы сможет подойти сюда самое раннее ещё дня через три... А если Такфаринас догадается выставить по дороге

из Ламбессы в Тубуск, скажем, на том же Лысом хребте, пару мощных заслонов – то и дней через пять, а то и все шесть... Так что, я думаю, у нас есть все резоны потянуть время. А для этого надо с Такфаринасом поторговаться... Префект, если тебе не трудно, зачитай нам, что хочет от Тубуска этот засранец?

Тит Красс усмехнулся.

– Я прочитаю. Мне не трудно.

Он повернул керу восковой стороной к себе, вытянул руку и, дальнозорко откидывая покрытую редким седым волосом голову, начал читать:

– Начальнику гарнизона крепости Тубуск, префекту, трибуну-ангустиклавию, всаднику Титу Валерию Аттиану Крассу... Вот ведь поганец! – оторвался он на миг от письма. – И титул мой знает, и полное имя!.. Так... Аттиану Крассу... Трибун, почтительно извещаю тебя... ишь, хрен вежливый!.. извещаю тебя о том, что моё войско... Ну ладно, вступление пропустим. Перейдём непосредственно к требованиям... Итак. Что просит, а точнее, что требует от нас этот, как верно сказал старина Марк, засранец. А требует он от нас ни много ни мало... Лошадей – триста... Мулов – двести... Коров – двести... Овец – пятьсот... Рабов: мужчин – двести пятьдесят, женщин – пятьдесят... – по мере того как Тит Красс зачитывал список, в зале поднимался и ширился гомон. – Денег!.. – повысил голос префект. – Денег – триста двадцать пять тысяч сестерциев...

Зал взорвался. Загремели возмущённые голоса. Застучали по полу калиги. Раздался чей-то звонкий залиvistый свист.

– А морда у него не треснет?! – зычно крикнул кто-то из задних рядов.

Тит Красс опустил руку с керой и оглядел волнующийся зал.

– Самое интересное... – начал он, но его не услышали.

– Тихо!! – вдруг, словно проснувшись, крикнул Гай Корнелий Рет и стукнул кулаком по столу.

Он, вероятно, хотел, чтоб этот окрик получился у него грозным, но его тонкий голос только вызвал среди присутствующих смех. Впрочем, шум действительно немного утих.

– Самое интересное... – повторил Тит Красс, – Самое интересное, что эта сволочь совершенно точно знает, чего у нас можно потребовать, а чего – нет. Ни по одному пункту он не указал больше, чем у нас на сегодняшний день есть. А по деньгам – так вообще, определил с точностью почти до сестерция.

– Гнида какая-то в крепости завелась!.. – послышалось из зала.

– Точно! Кто-то сведения ему сливает!..

– Штабные, кто ж ещё!..

– Но-но, ты за собой смотри!..

– А что мне за собой смотреть?! Я днюю и ночую в караулах! Как и мои люди! Это вы тут, бездельники, жируете!..

– Точно! Дармоедов развели – плюнуть некуда!..

– Себе на голову плюнь!

– Главного сигнифера надо спросить – откуда Такфаринас про деньги знает?!..

– Эй, толстомордый! Корникулярий! Может, ты нам что-нибудь скажешь по этому поводу?!..

– Где твой сигнифер?! Зови его сюда! Мы его за ноги живо потрясём!..

– Да его самого надо за ноги потрясти! Сволочь толстозадую!..

В зале поднялся невообразимый шум. Многие вскочили со своих мест. Возле дальней стены, у входной двери, кто-то кого-то уже таскал за грудки. На розовом мраморе между фальшивыми колоннами заплясали уродливые многорукие тени. Лишь три нумидийских вождя в первом ряду сидели молча и только встревоженно вертели вправо-влево своими, увенчанными высокими шлемами, головами.

– Тихо!.. – Тит Красс вскинул узкую сухую ладонь. – Тихо!.. – в зале постепенно успокоились.

– Вы мне корникулярия не трожьте! – веско сказал префект. – Мы с Манком Ёльпием вместе уже почти сорок лет. Мы с ним ещё при Августе начинали. С легионами Друза Германика, брата кесаря нынешнего, до самого Северного моря дошли! Мы, почитай, всю Паннонию и Далмацию вдоль и поперёк! Плечом к плечу! Он уже кентурией командовал, когда многие из вас ещё мамкину сиську сосали! Да как командовал – вам всем здесь ещё учиться да учиться!.. Если бы в Тевтобургском лесу ему ноги не перебило, он бы сейчас уже, чего доброго, примпиллом был!.. – префект перевёл дух. – Я, кстати, ещё не всё прочитал, – он вновь заглянул в керу. – Тут ещё девять пунктов... В основном – по оружию. Копья, мечи, щиты, кольчуги... Кстати, сто луков со стрелами, – он усмехнулся. – А у нас их всего сто восемь...

Слева у стены кто-то громко выругался. Из второго ряда вновь поднялся Марк Проб.

– Префект! – перекрывая гул своим мощным басом, сказал он. – Хрен с ними, с деньгами. Деньги – это вода. Хрен с ними, с коровами и овцами. И тем более, – с рабынями!.. Но если мы отдадим лошадей и луки со стрелами – мы останемся без кавалерии и без лучников! А если отдадим рабов-мужчин – не досчитаемся, практически, двух кентурий! Слабых, конечно, кентурий, необученных, но всё же... А где гарантия того, что Такфаринас сдержит своё слово и не станет после этого штурмовать Тубуск?! Кто может положиться на слово клятвоотступника?! Где гарантия того, что, взяв всё по списку, он не захочет взять и всего остального?!.. А без лучников и кавалерии мы, вздумай он идти на штурм, и часа не продержимся!.. Я уже не говорю про мечи, копья и кольчуги. Мы что тогда, голыми воевать будем?! Деревянными мечами?!..

Зал опять затрясся от криков и топота ног.

– Тихо!!.. – надсаживая глотку, заревел Марк Проб. – Тихо!!.. Дайте я доскажу!.. Отдавать лошадей и рабов нельзя! Тем более нельзя отдавать оружие!.. Но и отказывать сразу по всем пунктам списка тоже нельзя! Не забывайте, мы без легиона Долабеллы – Такфаринасу на один зуб!.. Префект, когда нам надо дать ответ?

– Немедленно, – сказал Тит Красс. – Переговорщики ждут в Южной башне.

Марк Проб выругался и покрутил головой, как будто ему натирало кольчугой шею.

– Чтоб его!.. Я предлагаю, префект, отправить их сейчас обратно к Такфаринасу без ответа. Сказать, что ответ будет завтра. Что нам надо подумать... Понятно, что всё это шито гнилыми нитками. Такфаринас не дурак, он, конечно, поймёт, что мы тянем время. Но возможно, день-другой мы таким способом выиграем... А потом можно будет отдать ему коров и овец. И деньги. И рабынь. И ещё день-два протянуть... А там, глядишь, и Долабелла подойдёт со своим легионом...

– Всё ты хорошо говоришь, кентурион, – задумчиво сказал Тит Красс. – Всё складно... Только, боюсь, Такфаринас не попадётся на эту удочку. Он ведь действительно не дурак... Но то, что ты предлагаешь, по крайней мере имеет смысл. День-другой мы, возможно, таким образом в самом деле протянем... – он повернулся и кинул керу через стол корникулярию. – Пиши... Пиши, Манк. Пиши ответ этому... храбрейшему из храбрых...

Утром следующего дня Саксум нашёл Ашера и, уединившись с ним на пустыре за лазаретными палатками, горячо зашептал ему в ухо:

– Надо уходить, Аши! Немедленно!

– Куда уходить? – не понял Ашер.

– Туда! – нетерпеливо махнул Саксум рукой. – К Такфаринасу! Нельзя больше ждать! Сегодня же надо уходить!

– Подожди, – сказал Ашер, – но ведь не сегодня-завтра начнётся штурм, а мы...

– Слушай, что я тебе скажу! – перебил брата декурион. – Никакого штурма не будет! Завтра, в крайнем случае, послезавтра Такфаринас от Тубуска уйдёт, и момент будет упущен!..

– Подожди, – сказал Ашер. – Откуда ты знаешь, что штурма не будет?

– Знаю! – сказал Саксум. – Я хорошо знаю Такфаринаса. Я с ним не один котелок каши съел. Он никогда не станет штурмовать хорошо укреплённую крепость. Даже имея значительный перевес в силах. Не любит он штурмовать крепости. Понимаешь? Не умеет... Он – воин степи. Он, понимаешь, простор любит. Не станет он тут ковыряться в нашей крепости, как пальцем в носу... Я слышал, наш прим говорил, что сегодня ему скот отдадут. Мулов и овец. А завтра – деньги и рабынь. И он уйдёт! Он больше не станет ждать! Поскольку он понимает, что Долабелла уже спешит к нам из Ламбессы. Он возьмёт с Тубуска этот клочок шерсти и уйдёт дальше, не знаю – на Тимгád или на Зарáйю... А может, обратно к себе, в Туггурт, вернётся... Так что уходить надо сегодня же! Ночью. Понимаешь?.. Тебя сегодня куда определили?

– Пока никуда, – сказал Ашер, он выглядел растерянным. – Я этой ночью в карауле был. Наверное, сегодня я в резерве буду.

– Отлично! – потёр ладони Саксум. – А я сегодня как раз во внешнем дозоре. У северных ворот, – он огляделся по сторонам и опять склонился к уху брата. – Уходить будем сразу. Во время первой стражи. Нечего тянуть! Да и подозрительней оно, если поздно ночью... Понесёшь мне кувшин вина и узелок – вроде как ужин. На воротах будет Гней Келс дежурить. Знаешь его? Ну, высокий такой... со шрамом на щеке, – Саксум показал рукой. – Вот тут. Ну! Я его предупрежу – он тебя пропустит... В узелок шлем положи. А под плащ кольчугу надень и меч. Только запахнишь, чтобы незаметно было. Понимаешь?.. С Кепой уйдём. Втроём. На лошадях.

Ашер поёжился.

– Да я на лошади как-то... Не умею я. Особенно если быстро.

– Ничего, – сказал Саксум, – быстро и не надо. Мы потихонечку уйдём. На цыпочках. Шагом. Ничего... Ну, что ты?

Ашер виновато потупился.

– Я боюсь, Шими. Честно, боюсь...

– Да не бойся ты! – декурион улыбнулся. – Лошадь смиренная будет. И мы – потихонечку, шагом...

– Да нет... – Ашер дёрнул головой. – Я не это... Я... вообще боюсь!.. Ну, уходить. Я в бой не боюсь идти, а тут... Страшно!

Симон вздохнул и обнял брата за плечи.

– Аши, братишка, я тебя понимаю. Но послушай меня! Я старше тебя и я знаю, о чём говорю. Здесь нам ловить нечего. Я здесь уже всё прошёл. Не надо тебе повторять мой путь. Ни к чему это. Понимаешь?.. Там... – он показал рукой в сторону стены. – Там – воля! Там – свобода! Там – деньги! А здесь... – он потыкал пальцем себе под ноги. – Здесь – только тоска и скука! И раны! И болезни! И смерть!.. А если не смерть – то нищая старость! Без семьи, без дома, без детей и без внуков. Потому что, когда ты через тридцать лет вернёшься к себе домой – старый, израненный, больной, ни на что, понимаешь, не годный... да ещё и без денег, без хороших, понимаешь, денег – кому ты там такой будешь нужен?!.. А так мы – вольные птицы! Лети, куда хочешь! И денег заработаем, и мир посмотрим!.. Ну? Согласен?!

– Но ведь обратно уже дороги не будет, – медленно сказал Ашер. – Ведь так?.. И домой, в Ха-Галиль к себе, мы уже тоже тогда вернуться не сможем! Схватят как дезертиров.

– И не надо в Ха-Галиль! – отмахнулся декурион. – Земли много. С деньгами мы где угодно жить сможем. Захотим – здесь останемся. Вон, за Типасу уйдём, туда Тиберий ещё не скоро доберётся. Если вообще доберётся. И там будем жить... А не захотим – обратно в Израэль вернёмся. Только уже не в Ха-Галиль, а... Знаешь куда? На другую сторону Кинеретского озера уйдём! Куда-нибудь к Сусите. Там поселимся! Там спокойно. Там нас не достанут. Там вообще никому до нас дела не будет!.. Лодку купим! Большую, с парусом! Сможем тогда время от времени к своим плавать. А может, потом и к себе их всех перевезём! И маму, и отца. И Хану с Наамой! И Андреаса с семьёй!.. А, Аши? Что скажешь?

Ашер вздохнул и не ответил. Он стоял, виновато потупившись, глядя в землю. Тогда Саксум взял лицо брата в ладони, поднял и заглянул ему в чёрные влажные глаза.

– Аши, братишка, помнишь, когда ты был маленьким, ты воды боялся? Ну, не совсем воды – возле берега-то ты всюду плескался – а открытой воды. Боялся в лодке плавать. А когда отец тебя один раз далеко от берега увёз, ты голову рубахой накрыл и домой просился, плакал – помнишь?.. Отец ругаться стал, а я тебя к себе на колени посадил и дал весло. А ты сперва всё равно боялся, а потом воду стал веслом плескать. И брызгать. И смеяться начал. И уже на обратном пути не боялся. Помнишь?

– Помню, – сказал Ашер. – Я это очень хорошо помню. Ты меня ещё песенку тогда петь научил. Про весёлую рыбку... – он вдруг подался вперёд, почти вплотную, лицо в лицо, и быстро и горячо зашептал: – И знаешь, как я плакал, когда ты в армию ушёл?! В легион этот свой! Я тогда сразу поклялся, что за тобой пойду! И найду тебя! Я ведь два раза из дома сбежал. Один раз даже до Ципори добрался! И вот, видишь, нашёл!.. – он освободился из ладоней брата и встал прямо. – Ладно, Шимон. Я тебе верю. Я знаю – ты умный. И опытный... Я согласен!

– Вот и славно! – обрадовался декурион. – Умница! Я знал, что ты согласишься!..

– Потому что... – сказал Ашер. – Потому что... Мы ведь братья! Правда? Куда я без тебя? – он помолчал. – А ты – без меня. Верно?

Саксум улыбнулся.

– Верно, Аши! Верно!.. Значит, сегодня, во время первой стражи. Примерно через час после заката. Только смотри – аккуратно! Чтоб никто не увидел, как ты собираешься!.. И не говори никому ничего. Упаси господи!

– Хорошо, – сказал Ашер. – Сегодня, во время первой стражи... – он повернул голову и посмотрел туда, где над жёлтой кирпичной стеной, вдалеке, в белёсом осеннем небе, неторопливо плыли серобрюхие плоские облака, и повторил: – Сегодня!..

Однако уйти не удалось.

Незадолго до заката, когда подразделение Саксума уже готовилось выдвигаться к северным воротам для заступления в ночной дозор, к декуриону подошёл Идигер и, тронув за локоть, тихо сказал:

– Саксум-анá, моя твоя хотеть говорить.

Декурион, седлавший в этот момент коня, нетерпеливо оглянулся.

– Ну, говори!

Нумидиец отрицательно замотал головой:

– Келя!.. Нет! Моя хотеть говорить эдьмён-дад... эта... шозём... тихо, да. Моя хотеть говорить... эта... моя рот – твоя ухо, да.

Это было что-то новенькое. Никогда прежде Идигер никакой секретности при разговорах со своим декурионом не разводил. Саксум тщательно затянул подпругу, навесил седельные сумки, приторочил к седлу щит, и только после этого, похлопав коня по лоснящемуся крупу, кивнул нумидийцу:

– Пошли!

Они отошли к глухой стене соседнего дома, под которой уже начала сгущаться лиловая вечерняя тень, и остановились среди высоких – почти по пояс – зарослей пыльной полыни.

– Н-ну, я слушаю, – Саксум сорвал с ближайшего куста серо-серебристый венчик и, растерев между пальцами мягкие шершавые шарики, вдохнул пряный горький аромат. – Только давай покороче – нам уже, понимаешь, выходить пора.

Идигер закивал.

– Моя покороче, да... Саксум-ана, моя слышать – три имухар говорить. Они хотеть сегодня ночь тахурй... эта... дверь в стена открывать, да. Саксум-ана, они дверь в стена открывать – Такфаринас заходить, нас всех инра... эта... убивать, да! Нельзя, Саксум-ана! Их всех надо хватать, да!..

– Подожди, подожди!.. – декурион нахмурился. – Что ты бормочешь?! Какая ещё «дверь в стена»?

– Большой дверь в стена! – вновь горячо зашептал Идигер. – Эта... в башня – там, – он показал рукой. – Куда мы ходить, да!

– Ворота, что ли? – догадался декурион.

– Ворота, да! Три имухар говорить: когда четвёртый стража стоять, ворота открывать, да – Такфаринас заходить. Саксум-ана, их надо хватать!

– Да кого «их»?! – рявкнул декурион, но тут же, спохватившись и оглянувшись по сторонам, взял тоном ниже: – Кого «их», дурья твоя башка? Что ещё за имухар? Кто говорил про ворота?

– Имухар... эта... мусуламия, да. Улудж и Бадиш. И ещё одна... эта... ятти... такой, – Идигер поднял руку над головой, показывая.

– Большой? Высокий?

– Высокий, да! – вновь закивал нумидиец. – Моя не знать, как его называть, да... Ур эшинёр... Он на белый эйс... эта... конь белый ходить, да. Красивый конь. Один в Тубуск такой.

– А-а, Мунатас. Знаю... – догадался Саксум. – Так, ясно... Давай ещё раз. Значит, ты говоришь: Улудж, Мунатас и этот... как его?.. Бадиш, они хотят сегодня во время четвёртой стражи открыть ворота и впустить Такфаринаса в крепость? Так?

– Эулля, – кивнул Идигер. – Впустить, да.

– Какие ворота? В Северной башне? Вон те?

– В Северной, да. Там.

– Ты не ошибаешься? – недобро прищурился декурион. – Ты это хорошо слышал?! Сам?! Своими ушами?

– Хорошо, да! – закивал Идигер. – Схари! Вот эта ухо, да... Они эта... назади тар-ахамт... назади дом говорить. А моя здесь, за угол, стоять, эйс... эта... конь поить и всё-всё слышать, да! Схари слышать! Хорошо, да! Хулан!

– Ну что ты будешь делать! – Саксум зло сплюнул себе под ноги. – Вот ведь паскудники! Шакалы трусливые! Обосрались уже! Штурмом, понимаешь, ещё и не пахнет, а они уже обосрались!.. Так ты говоришь – Улудж, Бадиш и Мунатас?.. Это что же получается? Это получается – две нумидийские алы из трёх. Так?.. Ах, как это некстати!.. Как, понимаешь, некстати!.. – задумавшись, декурион рвал и мял в ладонях пыльные полынные венчики. – Так, а ну, пошли! – принял он наконец решение и, крутанувшись на носках, быстро, не оглядываясь, зашагал вдоль дома...

Декурия готовилась к выходу. Солдаты, негромко переговариваясь, в последний раз проверяли снаряжение и оружие, затягивали на лошадях упряжь, справляли в кустах под крепостной стеной малую нужду.

– Кепа! – крикнул, проходя, помощнику Саксум. – Я – к приму. Никому никуда не расходиться! Ждать меня! Понял?!

– Понял, – отозвался Кепа, в глазах его мелькнуло беспокойство. – Что-нибудь случилось, декурион?

– Ничего не случилось! – отмахнулся Саксум. – Пока ничего.

Кепа встревоженным взглядом проводил эту странную пару: широко шагающего, со свирепым выражением на лице, декуриона и, с трудом поспевающего за ним, выглядящего изрядно перепуганным, Идигера, но больше ничего спрашивать не стал...

Прим Сертор Перперна сразу же уловил суть проблемы.

– Ты это сам слышал?! – тряхнул он за плечо нумидийца. – Сам?! Своими собственными ушами?!

Тот истоиво закивал.

– Моя слышать, да! Эулля! Вот эта ухо, да!

Прим – приземистый, квадратноплечий, с большой круглой головой, постриженной неряшливыми короткими ступеньками, – хлопнул себя ладонью по боку и грязно и витиевато выругался.

– Ну что ты скажешь! – обратился он уже к декуриону. – Две алы из трёх! Вот как тут воевать?!.. Союзнички хреновы! Так и норвят в спину нож воткнуть!.. Это ж они хотят нашей кровью свои грехи смыть! Перед Такфаринасом выслужиться... Нет, ну что за подлый народ эти мусулами!..

Прим хотел ещё что-то сказать, но тут его неожиданно прервал Идигер:

– Кея! Мусаламия не подлый, нет! – он движением плеча сбросил с себя руку Сертора Перперны и гордо выпрямился. – Твоя, прим, икмён... эта... плохо говорить, да! Зачем эта говорить?! Имухар эта... разный, да! Я – имухар! Моя отец – имухар! Моя брат – имухар! Ак имухар акал ирха эннит!.. Есть хороший имухар, да! Храбрый! А есть другой! Инуба! Рур дабэг-ги! Эта... сын шакал, да! Совсем плохой! Икмон! Эулля! Нельзя эта говорить, прим!

Идигер наконец остановился, чтоб отдышаться. Саксум и Сертор Перперна с изумлением смотрели на разгорячённого нумидийца. Ноздри того раздувались, чёрные глаза грозно сверкали, узкое скуластое лицо полыхало раскалённой бронзой.

– Ого! – хмыкнул прим. – А он у тебя, оказывается, ещё та штучка! Ты смотри, как его разобрало!

– Он прав, – сказал декурион. – Он прав, прим. Они, и вправду, разные. Мы все разные. Нельзя всех мерить одной меркой... Он, между прочим, в своё время на Пагиде бился до последнего. Не струсил, не побежал, как многие, понимаешь, доблестные легионеры. Носители романского духа, понимаешь!.. А стоял и дрался!.. Он, кстати, тогда Кепе жизнь спас... Извини, – обратился он к Идигеру и неловко потрепал его по плечу. – Прим погорячился. Ты – молодец! Ты – хороший имухар!

– Ладно, – пробурчал тогда и Сертор Перперна. – Имухар так имухар... Ты это... не обижайся, парень... Это я так – сгоряча... – он потрепал Идигера по другому плечу, помолчал, а потом вновь повернулся к Саксуму. – Ну что, декурион, по-моему, в нашем маленьком городке запахло жареным. Тебе так не кажется?

– Кажется, – сказал Саксум. – Ещё как кажется! Что будем делать?

– Как что? – удивился прим. – Тут и думать нечего! Пошли к префекту!..

Они гуськом шли по узкой кривой немощёной улочке, и Саксума вновь поразило то, как преобразился за последние дни город. Жители Тубуска по-своему переживали осаду и готовились к предстоящему штурму. Все окна в домах на первом этаже были плотно закрыты деревянными ставнями, а в окнах верхних этажей – почти ни в одном – не горел свет. На протянутых через улицу многочисленных верёвках не сушилось, как раньше, разноцветное бельё. И сами улицы городка были в этот вечерний час непривычно пустынно и тихи. Большинство лавок и магазинчиков было закрыто. Не тянуло вдоль улиц вкусными запахами от многочисленных, стоящих прямо у стен домов, жаровен. Не спешили, перепрыгивая через помойные лужи, возвращающиеся домой, запоздалые прохожие. Вообще, в городе теперь было поразительно тихо. Нигде не звучала музыка. Не раздавалось разудалое пение, весёлые крики и звонкий женский смех из закусовых и попин. Не переговаривались над головой, высунувшись по пояс из окон, словоохотливые соседи. Лишь откуда-то издалека доносился торопливый стук молотка припозднившегося медника, спешащего, вероятно, закончить срочный заказ. Да звучал в быстро густеющих сумерках одинокий встревоженный женский голос: – Парке-ени-ий!.. Парке-ени-ий, домо-ой!..

На Главной площади тоже было почти пусто, лишь за столиком возле единственной открытой попины сидели за кувшином вина четверо молчаливых легионеров из первой кентурии, да у коновязи возле преториума пожилой темнокожий раб вяло тёр скребком одинокую серую лошадь.

Часовой на входе в преториум при виде прима грохнул калигой в пол и вскинул подбородок.

– Эти – со мной, – бросил ему, проходя, Перперна.

Они миновали вестибюль, где на скамьях, стоявших вдоль стен, отдыхала дежурная смена и, войдя в само здание, пошли по анфиладе штабных комнат, уже почти пустых в это вечернее время.

На входе в комнаты префекта дорогу им заступил молодой рослый легионер:

– Не велено!

– Кем не велено? – удивился прим. – Ты что, солдат?!

– Не велено! – угрюмо повторил легионер и, набычившись, исподлобья уставился на визитёров.

– Ты слышал, декурион? – даже как-то растерявшись, оглянулся прим на Саксума. – Не велено!.. Эй, парень! – он поднял руку и костяшками пальцев постучал легионеру, который возвышался над ним почти на целую голову, в начищенный до зеркальности шлем. – Как может быть мне не велено?! Я – Сертор Перперна! Командир третьей турмы! Ты что, меня не узнаёшь?!

– Не велено! – в третий раз повторил часовой, отстраняя голову от пальцев прима. – Никому не велено! Приказ корникулярия.

– Что?! – изумился прим. – Какого ещё корникулярия?! Это с каких это таких пор корникулярий здесь командует?! Ты что, мальчик?! Да у меня к префекту дело срочное! Ты можешь это понять?!.. А ну, пусти!..

Он двинулся было квадратным своим плечом на часового, но в этот момент дверь приоткрылась и в коридор неслышно выскользнул Манк Ульпий. Полное лицо корникулярия было бледным, вокруг глаз темнели широкие траурные круги.

– Тихо!.. – хриплым шёпотом сказал он, осторожно прикрывая за собой дверь и опираясь на неё спиной. – Чего вы тут расшумелись?! Префекту плохо!

Прим замер.

– Ты что?.. Это... Как «плохо»? В каком смысле «плохо»?

– В таком... – устало сказал Манк Ульпий. – Не знаешь, как людям бывает плохо? – он похлопал себя ладонью по груди – Сердце.

– Ох, ты ж!.. – расстроился Перперна и опять оглянулся на Саксума, на этот раз нерешительно. – Что ж делать-то?

– Ничего не делать, – сказал Манк Ульпий, он вялой ладонью потёр лицо – старый, предельно уставший, совершенно невыспавшийся человек. – Идите. Завтра придёте. С утра. Может, ему, если поспит, к утру полегчает.

– Да ты что! – вновь вскинулся прим. – Какое утро! Тут такие дела творятся, а ты – утро! Извини, корникулярий, но дело срочное! Сердце, не сердце – а что-то делать надо немедленно! – он вновь решительно двинулся вперёд.

– Подожди!.. – движением руки остановил его Манк Ульпий. – Хорошо... Но только ты один. Остальные пусть ждут здесь. Ты ведь можешь один?

– Могу-могу! – нетерпеливо отозвался Перперна, он оглянулся на своих спутников. – Здесь подождите пока. Если что – позову... – он нетерпеливо затеребил Манка Ульпия: – Пойдём, пойдём, корникулярий! Дело срочное! Сейчас сам всё узнаешь!

Они вдвоём с начальником канцелярии протиснулись в дверь, плотно прикрыв её за собой. Саксум отошёл к стоящему у окна столу и, присев на скамью с резными – в виде вставших на дыбы львов – ножками, уставился в вечеряющее тёмно-синее небо. Идигер нерешительно двинулся к противоположной стене, где, помедлив, опустился на корточки и замер в своей обычной позе – нахохлившись и повесив кисти рук между коленями. Оставшись у дверей в одиночестве, упрямый часовой потоптался на месте, потом, покосившись на Саксума, сделал шаг назад и в сторону, прислонил к стене своё короткое копьё-пйлум, после чего и сам привалился плечом к дверному косяку.

Некоторое время ничего не происходило. Из-за тяжёлой, окованной медью, двери не доносилось ни единого звука.

Потом дверь, скрипнув, приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова Перперны. Прим пошарил по комнате глазами и, отыскав Идигера, поманил его к себе. Нумидиец торопливо поднялся, боком протиснулся в комнату префекта, после чего дверь захлопнулась вновь.

Потом из-за двери выглянул корникулярий.

– Хост! – окликнул он часового. – Командиров манипул и турм – к префекту! Быстро! Но только тихо! Без криков и беготни! Подошёл, тихо сказал и отошёл. Понял?.. Мусуламиев не звать! Они не нужны... Квинтула и Менатия Макера с собой возьми. В помощь, чтоб быстрее было... Если кто что спросит, говори: ничего не знаю, какие-то хозяйственные дела. Понял?.. Ну, давай, бегом! – часовой кивнул и, подхватив свой пилум, быстро зашагал к выходу, цокая по каменному полу подкованными калигами; Манк Ульпий посмотрел на Саксума. – Зайди.

За дверью, в большой – на четыре окна – квадратной комнате, не было никого. На просторном столе в центре помещения, прямо на разбросанных папирусах документов, стоял почему-то оловянный таз с водой. На лавке у стены лежал небрежно брошенный панцирь-торакс префекта. Тут же валялись его котурны.

Манк Ульпий, хромая, обогнул стол и вошёл в неприметную дверь в задней стене. Саксум, вертя головой по сторонам, следовал за ним.

Во второй комнате – маленькой и тесной – пахло ладаном и ещё чем-то неприятным и едким – по-видимому, каким-то лекарством. Здесь было душно и почти темно – ни один светильник не горел, а единственное узкое окно, за которым быстро угасал день, было плотно задёрнуто льняной шторой. У стены напротив окна, на деревянном ларарии, возле чаши с подношениями несмело тлели две благовонницы. У дальней стены, на высокой, стоящей поперёк комнаты, кровати, белел мучнистым лицом среди подушек префект Тит Красс. Узловатые длиннопалые руки его бессильно лежали вдоль туловища, из-под короткой туники торчали худые, костлявые, совсем старческие ноги. Дышал он часто и хрипло.

– А-а, Саксум... – тихим скрипучим голосом сказал префект, глядя на декуриона, нерешительно замершего в дверях. – Подойди.

Саксум приблизился и остановился рядом с Перперной и Идигером, молчаливыми тёмными статуями стоящими у кровати. Глаза декуриона немного привыкли к темноте, и он заметил ещё одного человека, находящегося в комнате. Это был гарнизонный медик – маленький остролицый Фауст Пассёр. Он совершенно неподвижно сидел в изголовье кровати и, не мигая, отрешённо смотрел прямо перед собой.

– Твой?.. – всё так же тихо спросил префект, слабым движением подбородка указывая Саксуму на Идигера. – Не трепло?.. Доверять можно? – говорил он, слегка задыхаясь, делая между словами длинные паузы.

– Мой, – твёрдо сказал декурион. – Можно... – и, немного подумав, добавил: – Я за него ручаюсь.

Префект едва заметно кивнул, повернул голову и, уставившись в потолок, некоторое время молчал.

– Невовремя... – наконец прохрипел он. – Совсем невовремя... Впрочем... предательство всегда... невовремя... – он переглотнул. – Две алы из трёх... Крепость теперь не удержать.

– Префект, – тихо сказал Саксум. – Штурма не будет.

Тит Красс скосил на него глаза и сейчас же устало прикрыл веки.

– Ты-то... откуда знаешь?

– Знаю, – твёрдо сказал Саксум. – Я хорошо знаю Такфаринаса. Он не будет штурмовать крепость. Он не любит штурмовать крепости. И не умеет... Он рассчитывал, что ему откроют ворота. А теперь, понимаешь, ворота ему уже не откроют. А без этого он на штурм не пойдёт... Я служил вместе с ним. Я его хорошо знаю.

Префект открыл глаза, повернул голову и на этот раз долго и внимательно изучал лицо декуриона.

– Надейся на лучшее... – разлепил он наконец тонкие бескровные губы. – Готовься к худшему... Будем готовиться к худшему... декурион... Понял?

Саксум кивнул. Идигер возле его плеча вдруг шумно выдохнул, переступил с ноги на ногу и снова замер, как будто окаменел.

Префект вновь перекатил голову по подушке и слепо уставился в почти уже невидимый в темноте потолок.

– Невовремя... – тихо прохрипел он. – Ах, как это невовремя!..

Две нумидийские алы разоружили в течение часа. Всё прошло мирно, спокойно и без лишнего шума. Рядовых мусуламиев без долгих разговоров заперли в казарме. Декурионов и примов отвели в дальнее крыло преториума, где – до конца следствия – определили в помещение без окон, расположенное за комнатами ординарцев. А троих заговорщиков: племенных вождей, командиров ал – Улуджа и Мунатаса и брата последнего, Бадиша, – бросили в каменный мешок.

Внешний караул от северных ворот убрали, но предварительно всё пространство перед воротами на двести шагов устали маленькими копнами сена, пролив для надёжности между ними тонкие масляные дорожки.

Всех лучников выставили на привратную башню и прилегающие к ней участки стены, строго распределив между ними сектора обстрела. Рядом с лучниками установили переносные жаровни с углями из расчёта одна жаровня на четверых стрелков.

После этого оставалось только ждать.

За час до рассвета наблюдатели заметили возле ворот какое-то осторожное движение.

И тут же взвились в воздух горящие стрелы. Занялись и запылали копны, быстрые огоньки побежали по масляным дорожкам, и весь участок перед северными воротами озарился жёлто-оранжевым светом многочисленных вспыхнувших костров. И на этом освещённом пространстве, как на ладони, стали видны сотни затаившихся, изготовившихся к штурму мусуламиев. И вот тут лучники взялись за дело по-настоящему. Засвистели стрелы, закричали под стеной первые раненые, послышались гортанные отрывистые команды, и тут же вся масса нападавших пришла в движение, заметалась, закручиваясь в водовороты, сбиваясь в разновеликие островки и вновь рассыпаясь, ударилась в запертые ворота, откатилась и вдруг бросилась врассыпную, назад, через освещённое поле – в спасительную темноту. А стрелы, звеня, летели вслед, впивались жадными жалами в спины, в бока, в затылки, вырывая из бегущей толпы вскрикивающих, взмахивающих руками и оставляя их лежать неопрятными неподвижными кучками на озаряемой светом уже затухающих костров, чёрной, обугленной, дымящейся земле.

Всё было кончено менее чем за четверть часа.

На рассвете префект Тит Красс, так и не сомкнувший глаз в эту ночь, принял доклад о полном и безусловном успехе операции.

А ещё через час пятидесятишестилетний военачальник, трибун-ангустиклавий, участвовавший в сотнях походов и боёв, прошедший под началом Друза Германика всю Европу, выживший в кровавом «Тевтобургском побоище», умер от очередного сердечного приступа...

Командование гарнизоном перешло к Гаю Корнелию Рету...

Тело скончавшегося трибуна ещё не успело остыть, а рабы-похоронщики мусуламиев ещё не успели вывезти из-под северных ворот крепости все трупы, когда от Такфаринаса прибыли новые переговорщики.

В письме, доставленном ими, «Великий Вождь» обвинил коменданта крепости в подлом ночном нападении на своих людей, посланных всего лишь «для разведки местности», и в резкой форме потребовал ускорить выдачу отступного, указанного им в предыдущем послании. В противном случае «храбрейший из храбрых» грозился немедленно начать штурм.

Поэтому неудивительно, что первым приказом трибуна-лактиклавия в новой должности стало распоряжение о немедленной отправке Такфаринасу денежного откупа в размере трёхсот двадцати пяти тысяч сестерциев. Вместе с деньгами вождю мусуламиев было доставлено и личное послание от нового коменданта крепости Тубуск, в котором в витиеватых выражениях выражалось глубокое сожаление о непредвиденной ночной схватке и понесённых войском «досточтимого Великого Вождя» значительных потерях и сообщалось о передаче «храбрейшему из храбрых» в самое ближайшее время – в качестве знака доброй воли – трёхсот пятидесяти лошадей, вместо запрошенных трёхсот, и восьмидесяти молодых рабынь, вместо запрошенных пятидесяти...

Солнечные часы на Форумной площади показывали полдень.

Солнце висело над зеленовато-золотистой двускатной крышей храма Капиталийской Троицы – жёлтое, мутное, тусклое, то и дело закрываемое серыми клочьями быстро мчащихся по небу низких облаков. Порывами налетал холодный северо-западный ветер, ероша пепельно-салатовые кроны стоящих по периметру площади приземистых олив, взвивая мелкий мусор и песок, заставляя ходить по замощённому жёлтым камнем пространству низкие неустойчивые пылевые смерчки.

Над площадью стоял отчаянный женский плач.

Здесь готовили к отправке согнанных со всего города рабынь. В пёстрой, тесной, исходящей криком толпе стояли, прижимаясь друг к другу, и совсем молоденькие, десяти-двенадцатилетние, девочки – с едва начавшими оформляться женскими формами, и пожилые, пятидесятилетние, давно уже поседевшие старухи. Многих из них вырвали из семей, разлучили с родителями, с детьми. И всем им в ближайшие часы была уготована одинаковая участь: попасть в солдатские бордели

мусуламиев и стать там безропотными и бездушными предметами, обыкновенными грязными подстилками – объектами грубой мужской похоти, бесправными, а потому безотказными.

Несколько поодаль от этой рыдающей толпы двумя разновеликими кучками стояли легионеры из декурии, назначенной для сопровождения живого товара. Лица легионеров были мрачны. Понять их было несложно – приказом нового начальника гарнизона в число передаваемых армии Такфаринаса рабынь были «рекрутированы» все жрицы любви из городских лупанариев. Таким образом получалось, что солдаты своими руками отдавали противнику одну из своих, и без того немногочисленных, солдатских радостей.

Вообще, трибун-лактиклавий несколько погорячился, беря перед Такфаринасом повышенные обязательства по сдаче живого товара. Тубуск был городком небольшим и небогатым, и в нём с огромным трудом удалось набрать необходимое число более или менее подходящих рабынь. В этих условиях о каком-то качестве товара можно было уже и вовсе не говорить. Дабы набрать требуемое количество женщин, новоявленный префект был даже вынужден отдать четырёх своих личных рабынь, привезённых им из Ламбессы. Впрочем, поступком этим трибун-лактиклавий немало гордился и не упускал возможности в разговорах упомянуть об этом факте, горько сетуя на несоразмерность жертвы, безвозмездно принесённой им на алтарь общественного блага...

А на площади у южных ворот было не протиснуться от пригнанных туда трёхсот пятидесяти лошадей, отобранных у двух разоружённых ал нумидийцев и также предназначенных для передачи Такфаринасу.

Над площадью, тесно забитой табуном, стояло фырканье и ржанье. Густо несло конским потом, мочой и навозом. Лошади вели себя беспокойно, топтались на месте, мотали мордами, скалили длинные жёлтые зубы. Иные взвизывались на дыбы, лезли копытами друг на друга.

А под аркой ворот, налившись кровью и бешено выкатив глаза, дико орали друг другу в лицо два младших командира: худой и долговязый декурион Гней Келс, назначенный для сопровождения табуна и требующий немедленно открыть ворота, и начальник внутреннего караула – невысокий, но широкий в своей нижней части, декан Прóкул Кикерóн, приказа на открытие ворот не имеющий, а потому эти самые ворота открывать не собирающийся. Гней представлял кавалерию, а Прокул – пехоту, и вечное соперничество двух родов войск лишь подливало масло в огонь баталии. Принцип нашёл на принцип. Уступать никто не хотел. Разговор уже давно миновал стадию обсуждения самого предмета спора и перешёл на личности спорящих.

– Сволочь толстозадая!!.. – орал, нависая над начальником караула Гней Келс. – Выблядок этурийский!!.. Яйца тебе оторвать, да над жаровней подвесить!!..

– Блевотина шакаля!!.. – не уступал в красноречии и Прокул Кикерон, подпрыгивая, задрал голову, на своих толстых коротеньких ногах и обильно брызгая слюной в лицо оппонента. – Мать твоя – проститутка, волчица!!.. Иди у раба отсоси!!

– Сам иди соси у раба!! – срывался на фальцет багровый и потный Гней. – Чтоб тебе у всех рабов в городе отсосать!!..

В трёх шагах от спорящих тесной группой стояли солдаты обоих подразделений, с огромным интересом наблюдая за перипетиями шумного толковища.

Неизвестно, долго бы продолжалась эта словесная битва, но тут на стене у башни появился помощник префекта рыжебородый Секунд Руф и, свесившись вниз, громогласно заорал:

– Эй, вы, там!! Сосуны долбанные, в рот вам калиги! Почему ещё ворота не открыты?!.. Я сейчас вниз спущусь – вы у меня оба отсосёте!!

Все вопросы были сняты. Кавалерия торжествовала победу. Посрамлённый Прокул Кикерон, обиженно поджимая губы, дал приказ своим солдатам открыть ворота, а сам удалился в караульное помещение – зализывать душевные раны и переживать позор поражения.

Табун вывели наружу и, окружив редкой цепью, погнали к расположенному в четырёх стадиях от крепостной стены неприятельскому лагерю.

Следом в открытые ворота вышла небольшая колонна рабынь, сопровождаемая шестью конными легионерами. Женщины шли обречённо, прижимая к себе свои убогие узелки, утопая по щиколотки в мягкой коричневой пыли и подгоняемые резкими порывами холодного, летящего с вершин Атласских гор, ветра.

Обязательства, взятые Гаем Корнелием Ретом перед «Великим Вождём» Такфаринасом, были выполнены...

А буквально через час после того, как за уводимыми рабынями закрылись тяжёлые двустворчатые ворота, от наблюдателей на стенах стали поступать сообщения о том, что противник уходит.

Услышав об этом, Гай Корнелий Рет побледнел и кинулся к ближайшей башне.

Сомнений быть не могло. С высоты четвёртого этажа совершенно отчётливо было видно, как солдаты противника спешно разбирают свои лагеря, сворачивают палатки, навьючивают мулов и верблюдов. Вскоре вдоль недалёкой фисташковой рощицы и вдоль ближнего холма, и дальше – вдоль синеющего у горизонта леса, пыля, потянулись на юг обозы, длинные пешие колонны и конные отряды.

А ещё через два часа стала ясна причина столь поспешного отхода противника – к северным воротам Тубуска подошла на взмыленных конях передовая ала легиона Публия Корнелия Долабеллы.

Трибун-лактиклавий был вне себя от бешенства – он понял, что «Великий Вождь» Такфаринас переиграл его...

Командир передовой алы трибун Трэбий Помпéй Кинкинáт – насквозь пропылённый, с побелевшими от усталости, ввалившимися глазами на обветренном осунувшемся лице – прибыл в преториум на доклад к начальнику гарнизона. Тяжело опустившись на предложенный стул, трибун некоторое время сидел неподвижно, а потом принялся разматывать завязанный на шее, бывший когда-то белым, а теперь совершенно серый платок. Вытащив грязную тряпицу из-под кольчуги, он стал вытряхивать прямо на мраморный пол кабинета набившийся в неё песок.

– Пить... – попросил Трэбий.

Манк Ульпий, хромая, лично принёс ему кувшин с вином. Трибун осторожно принял сосуд (руки его слегка подрагивали) и надолго припал к нему, закрыв глаза и роняя тёмно-красные капли на серебристого запылённого Пегаса, распростёршего крылья на его, поцарапанном в нескольких местах, с глубокой вмятиной на правой груди, тораксе. Напившись, трибун, кивнув в знак благодарности, отдал кувшин Манку Ульпию, и, откашлявшись, принялся, не торопясь, размеренно рассказывать о том, как они, сбив по пути два заслона мусуламиев, прорывались к осаждённому Тубуску, о том, что на перевале уже лежит снег, что тропы замечены и стали скользкими, и это стоило ему троих всадников и одиннадцати коней, и о том, что основные силы легиона отстали не меньше, чем на два дневных перехода, и придут к Тубуску никак не ранее послезавтрашнего вечера.

Гай Корнелий Рет слушал гостя невнимательно. Он то и дело кивал в самых неподходящих местах, время от времени вскакивал и, заложив руки за спину, принимался нервно прохаживаться по комнате. Видно было, что мысли трибуна-лактиклавия заняты чем-то совсем другим.

– Сколько у тебя всадников, трибун? – неожиданно прервал он рассказ Трэбия Кинкината.

– Четыреста пятьдесят пять, – не задумавшись ни на миг, ответил командир алы. – Из них девятнадцать раненых.

– Мне нужны твои люди, трибун, – сказал префект. – Нам надо ударить вслед Такфаринасу и отбить у него обоз. Немедленно!

Некоторое время Трэбий внимательно смотрел на префекта из-под тяжёлых морщинистых век.

– Мои люди не спали две ночи, – наконец сказал он. – Мои люди не ели со вчерашнего вечера... Но и это было бы ещё ничего. Но мои кони... Они загнаны до предела. Я боюсь, что к завтрашнему утру я не досчитаюсь, по крайней мере, половины своих коней... У тебя нет, случайно, свежих коней, префект?

Гай Корнелий Рет нервно дёрнул щекой.

– У меня нет коней! – резко сказал он. – Кони есть у Такфаринаса. Много коней. Их можно отбить.

– Для этого их надо, по крайней мере, догнать, префект, – всё тем же усталым размеренным голосом сказал трибун. – Боюсь, нам это не под силу.

– Ладно! – вскочил Гай Корнелий Рет. – Обойдёмся!.. Объявляй тревогу! – приказал он стоявшему тут же, в дверях, Секунду Руфу. – Всех – к южным воротам! Всех! До последнего человека! Немедленно!.. – он бросился вон из комнаты. – Эвтик! Седлай коня!.. Витáлис! Где мой торакс?!..

– Стой! Ты куда?! – поймал Саксум за плечо бегущего со всех ног от казармы Ашера.

– Туда! – мотнул головой Ашер. – Тревога! Общее построение! С боевой выкладкой! – он, тяжело дыша, смотрел на брата, щёки его горели, на лбу выступили капли пота.

– Ничего не понимаю, – сказал декурион. – Что случилось-то?

– Понятия не имею, – пожал плечами Ашер. – Куда-то пойдём. Сказали, что вроде будем выдвигаться к южным воротам...

– Саксум! – окликнул декуриона из окна казармы Сертор Перперна. – Собирай людей! Всех на Южную площадь!

– Что случилось, – задрал голову к окну декурион, – ты можешь объяснить?!

– Я сам ничего не знаю! – отмахнулся прим. – Никто ничего не знает! Приказ префекта.

– Чёрт знает что! – возмутился Саксум.

– Я побегу! – сказал Ашер.

Он вывернулся из-под руки брата и побежал к толпящейся на перекрёстке группе легионеров, неловко перекосившись на один бок, неся в левой руке щит и зажимая этой же рукой под мышкой пилум, а правой – пытаясь надеть на голову свой приметный, с обломанным гребнем и вмятиной на самом темечке, шлем. Саксум проводил Ашера глазами, сплюнул в пыль и пошёл поднимать свою, отдыхающую перед ночным дежурством, декурию...

Саксум вёл свой небольшой отряд по улочкам городка и не переставал удивляться – улицы были запружены народом. Не иначе, новости в Тубуске распространялись со скоростью звука. Не успели ещё ворота закрыться за замыкающими всадниками алы Требия Кинкината – усталыми, пропылёнными, с висящими за спинами, зелёными овальными щитами – как уже самый наираспоследний раб в городе знал о том, что помощь пришла, а стало быть, осаде конец.

Город загудел, как растревоженный улей. Население высыпало из домов. Люди восторженно кричали, обнимались, плакали. Многие бежали к Северной башне – своими глазами увидеть своих освободителей. Другие, надев праздничные одежды, спешили на Форумную площадь, к храму Капиталийской Троицы – возложить дары на алтарь и возблагодарить богов за чудесное спасение. На перекрёстках улиц закручивались людские водовороты. Звучала музыка. Радостная, возбуждённая малышня с писком и криком носилась среди взрослых, путалась в ногах и лишь усиливала всеобщую сумятицу. На площадях и перекрёстках, рядом с поспешно открывшимися закуточными и попинами, собирался народ, живо обсуждая самые последние новости и самые наисвежайшие слухи.

Как это водится, новости и слухи, по мере своего распространения по городу, искажались, дополнялись, дофантазировались. И вот уже одна домохозяйка восторженно сообщала другой о том, что легион Долабеллы («...вот клянусь, своими ушами слышала!..») прибудет в Тубуск уже сегодня к закату солнца. А два продувных лоточника, собрав вокруг себя небольшую толпу и не забывая активно торговать своим товаром, наперебой, в цветах и красках, со всеми подробностями повествовали разинувшим от изумления рот горожанам о страшном кровавом сражении, которое произошло сегодня на рассвете севернее города, сражении, в котором доблестные манипулы Долабеллы наголову разбили отряды подлых мусуламиев, а сам разбойник Такфаринас не то ранен, не то убит, не то трусливо бежал, а может быть, даже захвачен в плен и скоро будет привезён в город, как дикий зверь, в железной клетке...

Когда декурион со своими людьми добрался наконец до южных ворот, площадь возле башни была пуста.

– Где все? – окликнул он сидящего под стеной на табурете Прокула Кикерона.

– Уже ушли, – равнодушно ответил тот, ковыряясь кончиком ножа в редких почерневших зубах. – Четыре манипулы... И нумидийская ала... И три наших турмы... Во главе с самим трибуном... Лактиклавием.

– Дерьмо! – процедил сквозь зубы Саксум и кинулся мимо толстозадого декана в башню.

Он взлетел на самый верхний этаж и увидел на смотровой площадке незнакомого офицера. Тот стоял к Саксуму боком, опираясь локтем на парапет и, вытягивая шею, смотрел куда-то влево; ветер яростно трепал его плащ – изрядно выгоревший на солнце, но всё ещё багряный, с хорошо видимой золотой полосой.

– Не помешаю, трибун? – спросил, подходя, Саксум, с любопытством разглядывая вставшего на дыбы серебристого Пегаса на выдавшем виды тораксе офицера.

Тот равнодушно скользнул по декуриону взглядом.

– Не помешаешь.

Саксум подошёл и тоже заглянул за парапет.

Убегающая на юг от ворот дорога была пуста. Покинувшее город войско обнаружилось слева. Манипулы – длинной бурой (под цвет щитов и плащей легионеров) змеёй – уходили прямо по заросшему бурьяном полю на восток. Впереди колонны ясно виднелся белоснежный плащ трибуналактиклавия, окружённый небольшим разноцветным отрядом всадников. Нумидийская ала пылила чуть в стороне, правее.

Замысел Гая Корнелия Рета был очевиден: он собирался отсечь от основного войска Такфаринаса его, ещё остающиеся севернее Тубуска, немногочисленные отряды и, главное, – не успевшие уйти на юг обозы.

– Дурак! – процедил сквозь зубы трибун. – Сумасшедший дурак!

Саксум не успел ответить. Он вдруг ощутил, как ледяной комок возник у него под ложечкой, возник и начал медленно проворачиваться, наматывая на себя кишки и внутренности, – слева, из-за ближайшего холма, вдруг полилась широкая голубая река мусуламийской конницы. Полилась и привольно растеклась по равнине, покатила, охватывая полукольцом голову вдруг замершей на месте, насторожившейся бурой змеи, налетела, засверкала бликами клинков, отсекала змее голову, закрутила её водоворотом и понесла, закручивая в его центре мелькающий одиноким белым пёрышком, приметный плащ. А река всё текла, всё новые сотни и сотни всадников в голубых одеждах выливались из-за холма, и вот уже бурая змея полностью окружена ими, разрезана на несколько частей, и каждая её часть бьётся в агонии, вздрагивает от обжигающего прибой голубых волн, сжимаясь и разжимаясь живой пружиной, кружась на месте, медленно сокращаясь и всё же понемногу отползая в сторону спасительной крепости, оставляя на серо-зелёной скатерти степи неподвижные бурые и голубые крошки.

– А-а-а!!! – страшно заорал Саксум и, прыгая через три ступеньки, понёсся вниз.

Следом стучали шпоры незнакомого трибуна.

– Открыть ворота!!! – гаркнул, выбегая из башни, декурион и с разбега взлетел в седло.

Сброшенный его яростным криком с табурета Прокул Кикерон, трясая тяжёлым задом, опрометью бросился выполнять приказание.

– Отря-ад! За мно-ой!!.. К бою!! – скомандовал Саксум, срывая коня с места в галоп и бросая его в узкую щель между медленно открывающимися створками тяжёлых ворот.

В лицо ударил выжимающий слезу ветер. Кусты типчака и дрока понеслись навстречу, хлеща по ногам мчащегося во весь опор, но всё равно нещадно понукаемого коня. Буро-голубая мозаика стремительно приближалась, рассыпаясь на отдельные картинки и эпизоды. Закружились в смертельном танце голубые плащи-алашо, наскакивая на ошестинившийся копытами, уже весь изломанный и дырявый бурый строй; засверкали длинные кавалерийские мечи-спаты, с глухим стуком обрушиваясь на пехотные щиты; замельтешили перекошенные от злобы, яростно оскаленные, окровавленные лица; замелькали смуглые руки, задранные морды коней. Саксум метнул в ближайший голубой плащ свою трагулу, на полном скаку ворвался в этот кипящий водоворот и тоже заплясал, завертелся, нанося удары мечом налево и направо, прикрываясь щитом, стремительно вращая на месте своего коня, поднимая его на дыбы и вновь швыряя в самую гущу ненавистных голубых плащей. Краем глаза он замечал яростно рубящегося слева от себя, оскаленного Кепу – с коротким дротиком, застрявшим в щите, и яростно рубящегося справа от себя, бешено визжащего Идигера, уже до самых глаз измазанного не то своей, не то чужой кровью, и всё искал, искал и не находил в этой одержимой, сплетающейся и расплетающейся, кружащейся в каком-то отчаянном смертельном танце, безумной толпе знакомый поцарапанный шлем с обломанным гребнем и приметной вмятиной у самого темечка...

Он узнал Ашера не по шлему. Он узнал его по знакомой, виденной сотни раз когда-то давно, в прошлой жизни, позе. Брат лежал на земле ничком, уткнув голову в руки, согнув одну ногу в колене и выпрямив другую, – так он любил спать в детстве – на полу, на тростниковой циновке, в тесном глинобитном домике, в маленькой и бедной рыбацкой деревушке на берегу самого большого и самого синего на свете Кинеретского озера.

Саксум на всём скаку слетел с коня и, упав рядом с братом на колени, перевернул его на спину.

Удар пришёлся Ашеру в лицо. Тяжёлая трагула размозжила ему зубы, проломила череп, выбила мозг. В сплошном кровавом месиве белели острые осколки костей. От страшного удара выпали оба глаза и сейчас висели на тонких ниточках на залитом кровью, почти неузнаваемом, мёртвом лице.

Саксум стоял на коленях над мёртвым телом брата, баюкал в руках его мёртвую липкую руку и раз за разом повторял, не слыша собственного голоса:

– Как же так, Аши?!.. Как же так, братишка?!.. Как же так, Аши?!..

Он ослеп и оглох. Он больше не видел и не слышал ничего вокруг. Он не видел, как после удара в спину копьем валится на землю окровавленный Идигер. Он не видел, как в пяти шагах от него, разевая в беззвучном крике чёрный рот, яростно бьётся в окружении голубых плащей огромный Марк Проб – с иссечённым в лохмотья щитом, со срубленным нашлаемным гребнем, с обломком дротика, торчащим из продырявленного правого бока. Он не видел, как вдруг смешались, попятились назад голубые плащи-алашо, как они дрогнули и, рассыпаясь, покатались прочь под натиском неведь откуда взявшихся всадников с овальными зелёными щитами, ведомых офицером с серебристым Пегасом на тораксе. Он не слышал, как восторженно взревели, ощутив подмогу, уже совсем было отчаявшиеся и не надеявшиеся выжить в этой кровавой каше, поредевшие ряды легионеров. Он не слышал отчаянного, полного ужаса, предостерегающего крика Олуса Кепы.

И он, конечно, не увидел, как, проносясь мимо на полном скаку, смуглый скуластый мусуламый в развевающемся голубом плаще, переломившись пополам и свесившись с коня на сторону, рубанул его сзади, сверху вниз, своим длинным окровавленным мечом...

От Клавдия Агриппе привет.

Дружище! Поздравляю с первенцем! Наследник – великое дело! Мой поклон и пожелания здоровья Кипре.

Твой отъезд из Румы наделал много шума. Кредиторы твои просто взбеленились. Особенно Сенека. Этот прохода грозился до Кесаря дойти. С огромным трудом удалось с ним договориться. Отдали ему твой дом в Кампании вместе со всем имуществом и рабами в пользование, то есть оформили на него узуфруктарию. За это он согласился не начислять тебе проценты по долгу и отсрочить выплату самого долга до твоего возвращения из Палестины. По моему, Сенека сделкой остался доволен, хотя и кричит на каждом углу, что не видит никакого прока от этого своего нового владения, где ни пашни нет хорошей, ни луговины. Думаю, хитрит по своему обыкновению. Во всяком случае, управляющего своего он туда тут же направил. Остальным кредиторам достались деньги, вырученные от продажи твоего имущества из дома в РOME. Денег хватило в обрез, поскольку продавать всё пришлось спешно, а, сам знаешь, спешка в таком вопросе совсем не на пользу делу. Так что всё вроде бы уладилось, живи себе спокойно в своей Палестине, но возвращаться теперь тебе в Рому без денег нет никакого резона. На службе ты, конечно, денег таких никогда не заработаешь (знаю я твои дырявые руки!), но есть у меня по этому поводу одна интересная мысль. Впрочем, об этом после.

А сейчас новости!

Сразу предупреждаю: если стоишь, лучше сядь. Потому, что...

Моя сестрица Ливилла – любовница Сеяна! Каково?! И полгода ещё не прошло со дня смерти бедняги Друза, как говорится – пепел ещё не остыл, а эта волчица почти в открытую живёт со злейшим врагом своего (почившего, между прочим, при весьма странных обстоятельствах) мужа. Нет, кто бы что ни говорил, а я теперь знаю твёрдо: к смерти Друза наш досточтимый префект претория руку, определённо, приложил. И скорее всего, дело не обошлось без участия и «безутешной вдовы». Со своей Апикатой Сеян развёлся. А точнее, попросту сослал её в деревню. Говорят, он её бил и даже грозился убить. Впрочем, теперь много что говорят.

И ещё одна сногшибательная новость. Мой безумный шурин в конце концов докатился до убийства. Клянусь небом, я не раз предупреждал Ургуланиллу, что до добра его вечные пьянки не доведут. Так оно и случилось. Этот урод в очередной раз напился до беспамятства и в припадке бешенства выкинул свою Апронию из окна. Что он там себе вообразил, какая дурная мысль пришла в его больную голову – никто теперь уже не узнает. Бедняжка Апрония отбила и переломала себе всё, что можно, и к утру, напоследок изрядно помучившись, скончалась. Марка, разумеется, арестовали. Бабка Ургулания (вот где кремень-старуха!), дабы не запятнать род судом бесчестья, прислала ему кинжал. Так этот недоделок даже заколоться подобающим образом не смог – истыкал только себя всего и всё вокруг перемазал кровью. Дежурил тогда при арестанте Паул Персик – брат его первой жены Нумантины. Он-то и доделал дело. Думаю, не без некоторого удовольствия. Всё это произошло как раз накануне Луперкалийев, так что, сам понимаешь, праздники для нас оказались безнадежно испорченными.

Ну, что ещё? Если говорить о делах сенатских, то консулами на этот год избраны Сервий Корнелий Кетег и Лукий Висселий Варрон.

Начало года не обошлось без скандала. Наши brave понтифики в приступе безудержной лести, вознося молитвы о благополучии Кесаря, не нашли ничего лучше, как препоручить попечению тех же самых богов и Нерона с Друзом Третьим. Тиберия это, конечно, задело. Он и так-то в сторону детей Германика неровно дышит. А тут такое! Короче, на следующий день Кесарь выступил в Сенате с разгромной речью. Сказал, что, мол, негоже уравнивать неоперившихся юнцов с заслуженными и зрелыми людьми и предупредил сенаторов, чтобы впредь «никто возданием преждевременных почестей не распаял честолюбия в восприимчивых душах юношей». Вот так! Агриппина же, узнав об этой речи Кесаря, высказалась в его адрес столь непочтительно, что я её слов даже приводить здесь не буду. А Тиберий, кроме того, дабы уципнуть побольнее провинившихся понтификов, при распределении денег на сакральные нужды приказал квесторам выплатить из сумм, причитающихся жрецам, два миллиона(!) сестерциев некой Корнелии, ставшей в этом году весталкой. Понтифики зубами, конечно, поскрипели, но эту «фигу» от Кесаря проглотили. В общем, мой милый Агриппа, как видишь, у нас тут довольно весело.

Помнишь ли ты, мой друг, Кассия Севера? Помнишь, как мы, будучи ещё безбородыми юнцами, заслушивались его речами на Форуме? Пока его Кесарь Август за длинный язык на Крету не отправил. Так вот. Примерно в декабре месяце появилась в РOME рукопись, якобы принадлежащая перу неугомонного старика. Те, кто её читал, говорят, что неслабо в ней досталось богатеям, особенно некоторым из всаднического сословия. Наши толстосумы возмутились. Дело дошло до Сената. Действительно ли статью написал Кассий, разбираться никто, разумеется, не стал. Старика припомнили старые грехи, вlepили конфискацию и, лишив «огня и воды», сослали на остров Сериф. Как остроумно заметил Косс Лентул: «туда, где даже лягушки немеют». Честно говоря, старика немного жаль. Оратором он, и в самом деле, был замечательным.

Ну что я ещё забыл из новостей? Да! О твоём «ненаглядном» Такфаринасе. Этот разбойник оказался живее всех живых. Где-то в конце октября он вновь потрепал наши войска в Нумидии. Выполз из песков, осадил какую-то нашу крепостёнку, взял с неё немалую дань и опять был таков. Долабелла примчался туда уже в пустой след. Зря Тиберий вывел из Африки Девятый «Испанский» легион! Теперь это совершенно всем ясно. Но никто ведь и не подумает сейчас сказать Кесарю по этому поводу хоть слово. Все засунули языки в задницы и сидят на них!

Ну вот, вроде с новостями всё.

Теперь по поводу обещанного дела.

Я тут недавно узнал весьма интересные цифры. Знаешь ли ты, мой друг, сколько дают в Хиеросолиме за наши золотой ауреи? Три серебряных сикля! Это получается примерно восемь наших денариев!

А у нас, в РOME, за тот же самый аурей дают, как ты помнишь, двадцать пять денариев! Идею улавливаешь? Если ты найдёшь возможность скупать у вас там, в Палестине, золото и найдёшь к тому же надёжный способ переправки его в Рому, то я здесь, пожалуй, смогу организовать его продажу и отправку вырученного от продажи серебра тебе обратно. Даже со всеми издержками на дорогу и прочее доходность предприятия не подлежит сомнению. Разумеется, если иметь дело с достаточно большими суммами. Если мы с тобой сможем наладить этот золото-серебряный круговорот, то тогда, считай, мы сможем решить и все свои финансовые проблемы: ты наконец расплатишься со всеми своими кредиторами (да ты их, пожалуй, годика через три всех купить с потрохами сможешь!); я же избавлюсь от унижительной денежной зависимости от моего прижимистого дяди. Начальный капитал в размере порядка ста тысяч денариев я, пожалуй, смогу здесь изыскать. Ну, как тебе такой план? Подумай, друг Агриппа. Крепко подумай! На мой взгляд, дело стоящее!

P.S. Занесло меня тут как-то на днях на Туфельную улицу, в книжную лавку Аттика. И что, ты думаешь, я там увидел на верхних стержнях, рядом с Овидием и твоим любимым Страбоном? Нашего пройдоху Сенеку! Представляешь?! Этот любитель ахайских вин и чужих денег ещё, оказывается, и книжонки пописывает! Совсем как его отец. Причём, обрати внимание, Сенека-старший пылится на нижних стержнях, куда, считай, никто и не заглядывает, а его ушлый сынок сияет на верхних, в компании с Овидием и Кальпурнием! Не иначе как проплатил владельцу магазина. И знаешь, как называется его «бессмертный» труд? «Письма о морали»! Каково?! Жучара-ростовщик и туда же, о морали рассуждать! Нет, воистину, мир сошёл с ума!

Не стал я там ничего покупать, а пошёл я на Этрусскую улицу... Нет, не туда, куда ты подумал, а в лавку Соссия. И купил я там для тебя две книги Патеркула и ещё одну – некоего Квинта Аскония Педиана. Это совсем молодой автор из Патавии. Ты о нём не знаешь. Да я и сам узнал совсем недавно. Полюбопытствуй. На мой вкус – совсем даже недурно. Хороший слог, и мысли дельные.

P.P.S. Привет Кипре от Ургуланиллы.

Скол второй
Нумидия. Ламбесса – Туггурт – Авзёя
DCCLXXVII ab U. c., Februarius-Martius

1

Утро было солнечным. Опустылевшие за две последние недели проливные дожди сначала поутихли, потом перешли в мелкую морось, и вчера наконец прекратились совсем. А ночью поменялся ветер, северный Аквилон сменил западного Эвра, очистил небо от туч, и розовогрудая Аврора явилась поутру во всём блеске своего великолепия.

Тем не менее было свежо. Саксум, кутаясь в тёплый шерстяной плащ, сидел в госпитальном дворике и, жмурясь от тёплых лучей утреннего солнца, наблюдал за проделками стайки черноголовых синиц, затеявших возню возле глиняной плошки с остатками утренней каши. Это была миска госпитального кота Кассия – поджарого, узкомордого бандита: жёлто-серого с чёрными полосками на хвосте – непревзойдённого охотника на крыс и разную птичью мелочь. Кассия в госпитале любили и подкармливали все, начиная от начальника госпиталя – ламбессийского архиатра, жизнерадостного толстяка Плата Ульпия – и заканчивая последним из ходячих больных. Синицы, пользуясь опрометчивым отсутствием хозяина миски, ловко таскали из неё кусочки полбяной каши, успевая при этом ещё и ссориться и драться друг с другом. Смотреть на это было забавно.

Сегодня Саксум чувствовал себя хорошо. Лихорадка, терзавшая его весь предыдущий месяц и едва не сведшая его в могилу, вроде бы – тьфу-тьфу-тьфу! – окончательно отступила. Сейчас о ней напоминала лишь постоянная сухость во рту да какая-то звенящая лёгкость во всём теле.

Рана тоже почти не болела. Ноющая, выкручивающая боль в плече пропала ещё несколько дней назад, а сегодня и рубец – с левой стороны, возле самой шеи – перестал наконец саднить и теперь лишь слегка чесался...

Вероятно, мусуламый хотел ударить в промежутке между шлемом и кольчугой, но слегка промахнулся. Меч нумидийца скользнул по боковине шлема и всей своей тяжестью обрушился на плечо Саксума. Защита не выдержала. Широкое лезвие спаты рассекло кожаный наплечник, плетёную из бронзовых колец кольчугу, толстый войлочный подкольчужник и развалило плечо декуриона на добрых четыре пальца вглубь, перерубив ключицу и самую малость не задев шейную артерию.

Гарнизонный медик, маленький остролицый Фауст Пассер, назначенный в своё время на эту должность из интендантов и почитавший за наилучшее лечение воскуривание фимиама Эскулапию Милосердному, осмотрев страшную рану, только горестно вздохнул, наложил на плечо Саксума утягивающую повязку и приказал отнести декуриона в одну из лазаретных палаток – умирать.

Спасибо Олусу Кепе. Верный помощник, сам раненый дротиком в руку, первые двое суток вообще не отходил от мечущегося в беспомощности декуриона, а потом выпросил, вымолил, вытребовал у вновь назначенного коменданта крепости Требия Помпея Кинкината право переправить Саксума в Ламбессу, в госпиталь.

В первый раз декурион очнулся как раз в пути – на перевале через Лысый хребет, который маленький санитарный обоз преодолевал по широкой тропе, проторенной в снегах когортами и алами Долабеллы. Саксум открыл глаза и увидел медленно проплывающий мимо горный склон: жёлто-коричневый, упирающийся в мутно-серое небо, с белыми шапками снега, повисшими на чёрных, торчащих прямо из каменистых осыпей, кустах. Телега шла мягко, бесшумно, лишь поскрипывало где-то в ногах у Саксума плохо смазанное колесо, да изредка почмокивал губами где-то в головах у Саксума невидимый возница – то ли понукая таким образом лошадей, то ли борясь с собственной дремотой. Саксум поднял правую руку и ощупал левое плечо. Плечо стягивала плотная повязка. Повязка была влажной на ощупь и припахивала гнилью. Саксум прислушался к ощущениям. Это было непонятно, но плечо совсем не болело. Ощущения были странными – плечу, скорее, было щекотно. Саксум попытался приподняться, но уши ему тут же заложило мягкой ватой, мир вокруг начал тошнотворно проворачиваться, закручиваться в тугую жёлто-чёрную спираль, завертелся, размылся, рассыпался и потемнел. Потом, всю дальнейшую дорогу, плавающему в горячечном бреду декуриону казалось, что там, под повязкой, у него завёлся муравейник, и маленькие шустрые насекомые снуют под льняным полотном, щекотно перебирая своими маленькими тонкими ножками.

Всё прояснилось уже в Ламбессе. Принимавший Саксума в госпитале молоденький раб-капсарий размотал пропитанную кровью, почерневшую повязку и в испуге всплеснул руками – вся рана на плече декуриона кишела мелкими белыми червями. Впрочем, весёлый курчавый грек-ахеец Зéнон А́ргос – врач, лечивший в дальнейшем Саксума, – потом, когда декурион пошёл на поправку, рассказал ему, что эти-то черви как раз и спасли ему жизнь, сожрав всю скопившуюся в ране гниль и тем самым предотвратив смертельное воспаление.

Но это было потом. А тогда, маленький, но решительный, с неожиданно сильными, цепкими пальцами, грек очистил страшную разверстую рану, тщательно промыл её винным уксусом и, напоив декуриона настоем из корня мандрагоры, отчего тот впал в нечувствительное оцепенение, принялся за дело. Для начала Зенон перевязал шёлковыми нитями всё ещё кровоточащие сосуды, потом состыковал концы перерубленной ключицы и зафиксировал их с помощью бронзовой пластины, после чего стянул края рассечения струнами из бараньих жил, не забыв вставить в рану бронзовую же трубку для беспрепятственного отхода лимфы. После этого за дело вновь взялись капсарии – они обложили прооперированную рану смоченными в каком-то пахучем лекарственном растворе губками и плотно перебинтовали её, выведя наружу конец дренажной трубки.

Через полтора месяца, когда края ключицы срослись, Зенон провёл ещё одну операцию, удалив из плеча Саксума ставшую ненужной бронзовую пластину.

Рука теперь вроде бы действовала, но каждое движение ею вызывало режущую, прошибающую потом, боль в плече.

Другой напастью для выздоравливающего декуриона стала лихорадка.

Первый её приступ свалил идущего на поправку Саксума сразу же после Сатурналий, как раз перед наступлением нового – семьсот семьдесят седьмого от основания Города – года. Провалился тогда Саксум в госпитале без малого две недели и только начал было вставать на ноги, как новый приступ – гораздо сильнее первого – вновь уложил его в кровать, теперь уже на целый месяц, и чуть было вообще не отправил ослабевшего декуриона к праотцам.

Теперь Саксум пребывал на положении выздоравливающего. Это положение предполагало: усиленное питание – в виде огромных порций полбы с козьим молоком и мёдом; ежедневное посещение терм и, кроме того, выматывающие, изнурительные, слёзовыжимающие – два раза в день – занятия по разработке подвижности раненого плеча, которые с достойным лучшим применением старанием проводил с декурионом младший госпитальный лекарь Кэсо Прастина Кек – огромный, одноглазый и угрюмый, как недобитый Аполлоном киклоп.

На пятый день своего «выздоровления» Саксум уже чуть ли не прятался от неумолимого Кэсо Кека, на полбу без содрогания смотреть тоже не мог, единственное, что ещё доставляло ему удовольствие, было посещение терм. Каждый день после обеда он шёл в расположенное рядом с госпиталем, только недавно отстроенное, просторное здание и часами нежился там, лениво перемещаясь из кальдэрия во фригидэрий и обратно, плескался в тёплом, отделанном пэросским мрамором, бассейне, засыпал под ласково-умелыми пальцами раба-банщика, умащивающего его тело ароматными маслами, просыпался и вновь шёл в наполненный горячим паром кальдэрий... Впрочем, счастье никогда не бывает полным, заканчивалось всё это всегда одинаково – в термы приходил Кэсо Кек и райская идиллия превращалась в кошмар...

Во дворик ленивой походкой утомлённого роскошью патрися вышел Кассий. Вышел и сразу замер, уставившись на вакханалию, царящую вокруг его миски. Во всём облике кота проступило выражение некой растерянности и даже ошарашенности. Подобной наглости от пернатых, которым он, в общем-то, спуска никогда не давал и постоянно держал в страхе, кот явно не ожидал. Впрочем, длилось оцепенение недолго. Усы Кассия растопорщились, шерсть на загривке встала дыбом, кончик хвоста начал подёргиваться. Видимо, кот смекнул, что полба с птичьим мясом – это гораздо вкуснее, чем просто полба без мяса, и... охота началась. Кассий припал к земле, походка его сделалась пружинистой и текучей. Это уже не был утомлённый жизнью, праздный и ленивый патрися, это была пущенная в цель стрела, идущий в атаку дикий зверь – стремительный, беспощадный и неотвратимый, как Фатум. Синичьей стае сегодня явно суждено было быть изрядно прореженной. Саксум, откинувшись затылком на прохладную стену, с интересом наблюдал за развитием событий.

В это время где-то в глубине госпиталя грохнула дверь, застучали по полу подкованные калиги, и в маленький госпитальный дворик буквально ворвался рослый розовощёкий легионер в

ярко-красном плаще преторианского гвардейца. Синицы брызнули в стороны. Кассий шарахнулся и нырнул под стул декуриона.

– Эй! Браток! – оглядевшись и заметив неподвижно сидящего под стеночкой Саксума, басовито осведомился гвардеец. – Где-то тут у вас декурион лежит, Симон Саксум. Не подскажешь, как его найти?

– Подскажу, – нехотя разлепил губы Саксум. – Это я.

Гвардеец недоверчиво посмотрел на закутанного в выдавший виды плащ декуриона, но потом, опомнившись, вскинул в приветствии руку, грохнул калигой в пол и мотнул головой так, что надраенный до зеркального состояния шлем съехал ему на глаза.

– Декуриону Симону Саксуму приказано прибыть к проконсулу!! – оглушительно проорал он и замер, замороженно выпрямившись и далеко выпятив поцарапанную неумелым бритъём нижнюю челюсть.

– Вольно, – сказал Саксум, непроизвольно поморщившись. – Когда приказано прибыть?

– Э-э-э... – затруднился розовощёкий преторианец. – Не понял.

– Когда декуриону Саксуму приказано прибыть к проконсулу? – терпеливо повторил декурион. – В какие сроки? Через сколько времени?

На лице бравого гвардейца отразилось смятение. Он явно не представлял себе иных вариантов прибытия к проконсулу, кроме срочного, немедленного и самого незамедлительного.

– Ладно, – сказал Саксум. – Ступай. Скажи, что скоро буду.

– Э-э-э... – опять затруднился посыльный. – Кому сказать? Проконсулу?! – в глазах его на мгновение мелькнул священный ужас.

– Тебя кто посылал? – спросил Саксум уже почти ласково.

– Дежурный кентурион Квинт Мафёнас Планк!

– Вот ему и скажи.

– Понял... – фигура гвардейца слегка оттаяла, он поднял руку и в задумчивости пошкрябал затылочную часть шлема, отчего, вероятно, ему в голову пришла новая мысль: – Может, декуриона сопроводить? – на этот раз участливо спросил он.

– Не надо, – выбираясь из плаща и вставая, сказал Саксум. – Декурион не маленький. У декуриона, понимаешь, пуповинка уже отпала и даже родничок на темечке зарос. И головку он держит тоже хорошо... Так что ступай, солдат. Ступай. Видишь, мне переодеться надо. Не в таком же, понимаешь, виде мне к проконсулу идти!

На этот раз до посыльного дошло. Он снова грохнул калигой в пол, мотнул головой и, стуча копытами по каменному полу, умчался.

– Видал жеребца? – спросил Саксум у вылезшего из-под стула, жмурящего жёлтые глаза, Кассия. – Ишь как землю роет!.. В стойле конь удал, да в поле, понимаешь, увял.

Кот не ответил. Он лишь беззвучно открыл и закрыл рот, дёрнул хвостом и пошёл проверять свою, разорённую наглыми птицами, миску...

Саксум надел верхнюю тунику и критически оглядел себя. Туника висела на нём, как на огородном пугале. Теперь всё висело на нём, как на огородном пугале. Во всяком случае, в эту тунику, которая после нескольких стирок слегка подседела и которая, помнится, в Тубуске была Саксуму уже слегка маловата, сейчас совершенно свободно можно было всунуть двоих Саксумов и ещё, пожалуй, хватило бы места для одного Олуса Кепы.

Саксум вздохнул, потуже затянул пояс и загнал образовавшиеся складки назад, за спину. Некоторое время он размышлял, надевать или не надевать повязку для раненой руки, и в конце концов решил, что не стóит. Затем обулся, накинул плащ и вышел из комнаты.

От тыльных ворот, недалеко от которых располагался госпиталь, к центральной площади вела прямая, как стрела, пересекающая весь лагерь вдоль, Преторианская улица. Саксум шёл по отсыпанной мелким щебнем дороге, с удовольствием вдыхая свежий утренний воздух и с любопытством поглядывая по сторонам. По сути, он, провалявшись почти безвылазно три с половиной месяца в местном госпитале, толком и не видел ещё Ламбессы.

Рабочий день был в разгаре. Вокруг кипела работа. В гарнизоне шла большая стройка. Ламбессу, до сих пор бывшую стационарным, но всё же полевым лагерем, было решено превратить в крепость – основную базу Третьего «Верного Августу» легиона.

На настоящий момент в лагере были закончены лишь четыре каменных здания: храм Юпитера, преториум, термы и сакеллум – небольшое хранилище, где содержались значки когорт,

легионный орел и бюсты императора, и в подвале которого разместили кассу с солдатскими сбережениями, а также склад металлолома, который здесь, в Нумидии, ввиду отсутствия местного металлопроизводства, ценился чуть ли не наравне с золотом. На разных стадиях строительства находились акведук, амфитеатр, комендатура, несколько домов для старших офицеров и четыре каменные латрины – в каждом из четырёх углов лагеря. Началось строительство и внешней каменной стены – на расстоянии одного стадия от опоясывающего лагерь земляного вала. Параллельно перекрывались деревянные казармы легионеров – на месте соломенных крыш появлялись черепичные. Две большие мастерские, расположенные снаружи лагеря, недалеко от тыльных ворот, исправно поставляли на стройки терракотовую черепицу и кирпич.

Медленно идущего декуриона то и дело обгоняли обливающиеся потом рабы с доверху загруженными ручными тележками. Рабы с уже пустыми тележками спешили навстречу. Между двумя этими потоками неспешно прогуливался кентурион-надсмотрщик, выразительно похлопывая себя по голени узловатым вѣтисом – тростью из виноградной лозы – ускорителем нерадивых.

На углу, на выходе с Преторианской улицы на центральную площадь, на подиуме у позорного столба, стояли двое солдат. Один – заросший по самые глаза густой двухнедельной щетиной, высокий и кривоногий – явно тяготился похмельем. Он был красен и потен, налитые кровью глаза его опасно выкатились, острый кадык елозил вверх-вниз по длинному волосатому горлу. Он хрипло дышал и то и дело быстрым движением языка облизывал серые, все в неопрятной коросте, губы. На табличке у ног легионера было написано: «Тур Герра. Пьяница». На соседней табличке значилось: «Лукий Гонорат. Сплю на посту». Её обладатель – молодой, лопухий, стыдливо прячущий взгляд, – держал в руках глиняный ночной горшок, судя по расходящемуся от него «аромату», – полный. Саксум замедлил шаг и взгляделся. Чем-то этот молодой легионер напомнил ему Ашера – такой же совсем юный, почти мальчишка, такой же тонкошей, горбоносый и густобровый.

– Эй, браток! – сиплым шёпотом окликнул декуриона волосатый Тур Герра. – Попить бы мне. А?.. Хотя б глоточек!.. Может, принесёшь, браток? А?

Саксум остановился и пристально посмотрел на говорившего.

– Чтоб рядом с тобой встать? Ты что, правил не знаешь? Нет, солдат, даже не проси! – он круто повернулся и пошёл дальше.

– Ну и провались!.. – крикнул, не крикнул даже, а каркнул ему вслед Тур Герра. – Чтоб тебя лярвы забрали! Пропади!..

Саксум не обернулся. Он пересёк центральную площадь – уже на три четверти замощённую жёлтыми квадратными плитами из песчаника – и поднялся по ступеням преториума.

– Декурион Симон Саксум. К проконсулу. По вызову, – отчётливо сказал он в пространство между стоящими по обе стороны открытой двери двумя преторианцами – такими же рослыми, розовощёкими и «замороженными», как и его госпитальный визитёр.

– Декурион Симон Саксум. К проконсулу. По вызову, – обернувшись, крикнул в дверь стоявший справа гвардеец; он был чуть постарше своего напарника и, судя по шраму на подбородке и по перевязи с посеребрёнными медалями, надетой поверх кольчуги, успел побывать в деле.

– Пропустить! – после небольшой паузы донеслось из преториума.

Обладатель шрама движением меченого подбородка указал Саксуму на дверь. Саксум шагнул через последнюю ступеньку и вошёл в полусумрак вестибюля.

Напротив двери, широко расставив ноги и положив ладонь на рукоять меча, стоял офицер с висящим на груди значком дежурного кентуриона.

– Декурион Симон Саксум. К проконсулу. По вызову, – повторил Саксум.

Кентурион критически оглядел его.

– Почему не по форме, декурион? – строго спросил он. – Порядков не знаешь?

– Я из госпиталя, – ответил Саксум, кляня себя за то, что не надел повязку. – Нахожусь на излечении после ранения.

Кентурион ещё раз оглядел его, посопел носом, пожевал нижнюю губу и наконец буркнул:

– Ладно. Пошли... После ранения он...

Они поднялись по гладкой мраморной лестнице на второй этаж и двинулись через бесконечную анфиладу комнат. Всюду кипела работа. В одних помещениях за заваленными папирусами столами уже всюю скрипели перьями писцы, сновали, увешанные целыми

гирляндами свитков, делопроизводители, громко отдавали распоряжения штабные офицеры. В других – ещё стояли стремянки, ползали под потолком заляпаные мелом и позолотой маляры или стучали молотками каменотёсы и висела в воздухе мелкая, лезущая в ноздри, каменная пыль, – строители доделывали недоделки и исправляли недочёты.

Миновав ещё одну, на этот раз уже плотно закрытую, дверь, возле которой опять дежурили двое угрюмых преторианцев, они вошли в просторную светлую комнату, где из-за широкого стола с резными, чёрного дерева, боковинами и блестящей мраморной столешницей им навстречу поднялся невысокий пожилой человек в белой, с узкой красной полосой, тунике трибуна-ангустиклавия.

– Декурион Симон Саксум, трибун, – почтительно тряхнув нашлемным гребнем, негромко произнёс кентурион. – К проконсулу, по вызову.

Трибун цепким взглядом близко посаженных глаз оббежал фигуру Саксума и кивнул кентуриону:

– Спасибо, Квинт. Свободен.

Кентурион вновь тряхнул гребнем, развернулся налево кругом и вышел, плотно, но бесшумно прикрыв за собой дверь.

Трибун продолжал пристально смотреть на Саксума. Лицо у него было гладко выбрито, узкие губы плотно сжаты, над прямым эллинским носом залегли две глубокие вертикальные морщины. Стрижен трибун был коротко, «ёжиком», волосы имел густые, чёрные, обильно пересыпанные сединой – «соль с перцем».

– Ты – Симон Саксум из Галилеи? – вдруг быстро спросил он.

– Да, трибун, – ответил декурион.

– Зачислен в легион в июне шестьдесят восьмого в Кирте?

– Да.

– Где проходил службу? В каких подразделениях? Под чьим командованием?

– Кирта, вторая учебная кентурия, – начал старательно перечислять Саксум, – кентурион Гней Корнелий Скипион... Потом Гиппо-Регия, шестая турма алы префекта Нумы Прастина Филия... Командир турмы Гай Аспренас... Потом Тивеста. В составе той же турмы... Потом Тубуск. Декурион второй декурии третьей турмы алы префекта Тита Валерия Аттиана Красса. Командир турмы Сертор Перперна... Всё.

– Хорошо...

Трибун, потирая гладкий подбородок рукой, прошёлся по комнате, мягко ступая по ковру изящными котурнами из светлой телячьей кожи. Дойдя до окна, он некоторое время стоял, глядя наружу и покачиваясь с пятки на носок. Потом резко обернулся.

– Ты знаком с Такфаринасом?

– Д-да... – запнулся Саксум. – Он был моим декурионом в Гиппо-Регии... Чуть больше года, – подумав, добавил он.

– Почему ты сбился? – сейчас же «вцепился» трибун.

Декурион откашлялся в кулак.

– Да так... Нипочему. Просто... давно это было... Да и потом... Ты же знаешь, трибун, Такфаринас, он ведь... – Саксум замолчал.

Трибун подождал продолжения, не дождался, кивнул и опять быстро спросил:

– Какие у вас были отношения?

Саксум повёл плечом.

– Он был моим декурионом... Иногда хвалил, иногда ругал... Нормальные отношения...

– Он звал тебя с собой, когда решил дезертировать?

– Нет, – на этот раз быстро и без запинки сказал Саксум.

– Как ты думаешь, почему?

Саксуму опять захотелось откашляться, но он сдержался.

– Не знаю... Наверно, потому, что я не местный. Я был единственный в декурии не нумидиец.

– А если б он позвал тебя, ты бы ушёл?

– Нет, – твёрдо сказал декурион. – Я ведь давал клятву императору... К чему этот вопрос, трибун? Меня в чём-то подозревают?

Трибун отмахнулся.

– Никто тебя ни в чём не подозревает. Не в этом дело... Ты – храбрый воин, декурион. Ты неоднократно доказал свою храбрость и преданность императору на поле боя. Так что не переживай и выкинь все свои ненужные вопросы из головы. Здесь дело совсем в другом. Просто мне надо было кое в чём убедиться...

Он вновь подошёл к Саксуму и встал перед ним, по-прежнему потирая подбородок и внимательно глядя исподлобья.

– Меня зовут Маний Клавдий Карзиан, – после непродолжительной паузы сказал он. – Я – советник проконсула. Префект-эксплоратор... Я... и проконсул, мы хотим дать тебе одно поручение. Сразу скажу – сложное и опасное поручение... Но сначала ты должен мне поклясться – своей жизнью и своей честью поклясться! – что ничего из того, что ты услышишь за этой дверью, – он кивнул в сторону портьеры из плотной, тёмно-синей с золотыми полосами, ткани, – никогда, ни при каких обстоятельствах не узнает ни единый человек. Никогда и ни при каких обстоятельствах!

– Хорошо, – подумав, сказал Саксум. – Я клянусь.

Брови Мания Карзиана удивлённо поползли вверх. Декурион спохватился. Он приложил правый кулак к груди и отчётливо произнёс:

– Я, Симон Саксум из Галилеи, клянусь своей жизнью и своей честью, клянусь здоровьем моей матери, что я никогда и ни при каких обстоятельствах не разглашу ту тайну, которая будет мне доверена... э-э... префектом Манием Клавдием Карзианом.

– И проконсулом Долабеллой, – подсказал префект.

– И проконсулом Долабеллой, – послушно повторил Саксум.

Префект удовлетворённо кивнул.

– Хорошо. Теперь пойдём к проконсулу, – он вновь оглядел декуриона. – М-да... Видок у тебя, конечно, ещё тот... Ну, ладно, чего уж теперь. Пошли!

Он отодвинул портьеру, за которой оказалась массивная дверь с позолоченной ручкой в виде головы льва, держащей в пасти кольцо, и осторожно потянул на себя створку.

– Ты позволишь, проконсул?

Ответом ему был звонкий собачий лай.

– Фу, Амата! – раздался за дверью густой, чуть хриловатый голос. – Фу! На место!.. Входи, Маний!

Легат императора Тиберия и проконсул Африки, сенатор Публий Корнелий Долабелла оказался грузным мужчиной лет сорока, с короткими и редкими, чуть седоватыми волосами на массивной круглой голове, посаженной на короткую шею. Широкое лицо его было обрамлено аккуратно постриженной рыжеватой бородкой. Слегка приподнятые уголки пухлых губ придавали лицу проконсула нестрогое, немного даже ироничное выражение. Этому же способствовали и короткие морщинки, лучиками разбегающиеся от внешних уголков глаз.

Долабелла, облачённый в вызывающе роскошный плащ-палудамэнтум – тончайшей мутинской шерсти, пурпурный, с массивной золотой застёжкой на левом плече – сидел в кресле с высокой спинкой и специальной подставкой для ног и держал на коленях развёрнутый книжный свиток.

– Фу, Амата! – ещё раз сказал проконсул. – Свои. На место!

Белая поджарая узкомордая Амата, недовольно ворча, отошла от Саксума и Карзиана, остановившихся на пороге, и, покрутившись, улеглась у ног хозяина.

– Это – Симон Саксум, проконсул, – негромко сказал префект, делая жест в сторону декуриона. – Я тебе докладывал.

– Да-да, – сказал сенатор, откладывая свиток на маленький, инкрустированный слоновой костью, столик. – Я помню. Проходи, Маний, присаживайся... И ты... э-э... Симон, тоже.

Маний Карзиан прошёл в комнату, взял стоявший у стены стул и, развернув его, сел к проконсулу лицом. Саксум, оглядевшись, сделал два шага и осторожно присел на краешек широкой кушетки. Он чувствовал себя неуютно под взглядом сенатора, который с неприкрытым любопытством разглядывал его.

– Э-э... Симон... – начал Долабелла, вдоволь насмотревшись на декуриона. – Префект доложил мне о твоих подвигах... И на Пагиде. И под... э-э... Тубуском... Ты – храбрый воин. И умелый... И ты пролил свою кровь за... э-э... императора. Мы ценим это... Кстати, как твоя рука?

Саксум откашлялся.

– Лучше. Гораздо лучше. Уже почти не болит.

Долабелла покивал.

– Лихорадка тоже... э-э... я надеюсь, тебя больше не мучит?

– Да... Тоже... Благодарю тебя, проконсул.

Долабелла улыбнулся.

– Не за что. Забота командира о своих... э-э... солдатах есть его первейший долг. Не так ли, Маний?

Трибун невнимательно кивнул, он, не отрываясь, смотрел на декуриона.

– Скажи, Симон, – продолжал тем временем проконсул. – Ты ведь, кажется, родом из... э-э...

Палестины?

– Да, – подтвердил Саксум. – Из Галилеи.

– У тебя там остались родственники?

– Родители, – сказал Саксум. – И две сестры. Младшие... И старший брат. Андреас... Но он уже отдельно живёт, – подумав, добавил он.

– Андреас? – тут же откликнулся Маний Карзиан. – Почему греческое имя? Твой отец – грек?

– Нет, – покачал головой Саксум. – Просто у нас там много выходцев из Македонии живёт. Стадиях в десяти от нашей деревни у них целая община... Андреас-македонец был из этой общины. Он был учителем. Это он научил грамоте моего отца... Он умер незадолго до того, как у отца родился первенец... А старший сын Андреаса-македонца, Никóлас, учил уже нас с братом. И грамоте, и романскому, и греческому...

– Милáте эллиникá? – сейчас же спросил Маний.

– Э-э... милó лиго эллиника, – с трудом вспомнил декурион. – Я лучше читаю, чем говорю.

– Похвально... Похвально... – покивал проконсул. – Не так часто приходится видеть столь образованного легионера... Твой отец – мудрый человек, коль он учит своих детей грамоте и языкам. Я надеюсь, он в добром здравии?

– Прошлым летом всё было в порядке.

– А твоя... э-э... матушка?

– С ней тоже всё было хорошо. Благодарю тебя, проконсул.

– Ты скучаешь по своим родным?

– Пожалуй, да.

– Как часто ты... э-э... думаешь о них?

– Думаю... – сказал Саксум. – Не так часто.

– Но ты бы хотел к ним вернуться?

Декурион повёл плечом.

– Хотел бы... Конечно... Но не сейчас. Мне надо заработать денег... Достаточно денег, чтобы завести своё хозяйство. Купить лодку... Чтоб можно было жениться... Ну и там... – он замолчал.

– Хорошо... Хорошо... – задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику Долабелла. – А скажи... э-э... Симон, – опять обратился он к декуриону, – кто убил твоего младшего брата?

Саксум почувствовал, как кровь прилила к его лицу.

– ...Мусулами, – наконец сдавленно ответил он.

– Ты видел, кто конкретно это сделал?

– Нет.

– Ты нашёл брата уже мёртвым?

– Да.

– Его, кажется, убили трагулой, ударом в лицо?

– ...Да.

– Скажи, что бы ты сделал, если бы... э-э... узнал, кто убил твоего брата?

– Ашер... – тихо сказал Саксум. – Его звали Ашер.

– Что?... А, ну да... – проконсул опять покивал. – Так что бы ты сделал с тем, кто убил твоего... э-э... Ас-шера?

Саксум помолчал.

– Я бы порвал его голыми руками, – наконец сказал он.

– Очень хорошо... – кивнул Долабелла. – А скажи... э-э... Симон, а если бы тебя, к примеру, попросили встретить этого... э-э... человека... ну, который убил твоего брата... Ас-шера... Если бы

тебя попросили встретить его, как... э-э... дорогого гостя, пригласить его, к примеру, к столу, лично подливать ему вина... э-э... произносить здравницы в его честь... Ты бы смог это сделать?

– Зачем? – спросил Саксум.

Проконсул замялся.

– Н-ну... Низачем. Просто попросили.

– Кто попросил?

– Ну... к примеру, я... Или... э-э... сам кесарь Тиберий.

– Чтоб потом... после всего этого... я смог бы его... убить? – тихо спросил Саксум.

– Э-э... Да, – слегка замешкавшись, подтвердил легат.

Саксум помолчал.

– Да. Смог бы.

Долабелла удовлетворённо кивнул и откинулся на спинку кресла. Саксум вдруг почувствовал, что у него онемело лицо и что горячие ручейки пота стекают у него из подмышек.

– Хорошо, – сказал проконсул. – Я полагаю, Маний, он... э-э... нам подходит... Продолжай.

Всё это время молчавший и наблюдавший за декурионом префект встал и, потирая подбородок, прошёлся по комнате.

– Мы хотим поручить тебе одно дело, декурион, – сказал он, останавливаясь напротив Саксума. – Задание... Трудное задание... Очень опасное задание. Я бы даже сказал – смертельно опасное задание... Ты, разумеется, можешь отказаться. Никто тебя за это не осудит. Если ты откажешься, то ты вернёшься к себе в турму, в Тубуск, и спокойно продолжишь службу... Но в любом случае, согласишься ты или откажешься, я напоминаю тебе о той клятве, которую ты дал мне в соседней комнате. Ты меня понимаешь?

Саксум кивнул.

– Да.

– Хорошо... – Маний вернулся к своему стулу, сел и задумчиво потрогал пальцем кончик носа. – Хорошо... Ладно!.. – он хлопнул себя ладонями по коленям. – Значит, так. Слушай меня внимательно, декурион... Ты должен будешь отправиться на юг. В Туггурт... Или дальше. Не важно. Твоя задача – найти Такфаринаса. И не просто найти, а вступить в его войско. И не просто вступить в его войско, а наладить связь с Такфаринасом... Войти к нему в доверие. Подружиться с ним. Понимаешь?

– Нет, – сказал Саксум. – Зачем?

– Затем, – нетерпеливо сказал префект. – Твоя задача – подружиться с Такфаринасом, стать ему необходимым, стать, как говорится, его правой рукой. Вы же служили вместе! Значит, тебе это будет несложно... Ну, я, пожалуй, неточно выразился. Не то что несложно, а... возможно. Легче, чем другим. Легче, чем кому-либо ещё... Теперь понимаешь?

Саксум медленно кивнул.

– Да... – сказал он, – кажется, понимаю... Я должен буду подружиться с Такфаринасом, войти к нему в доверие, а потом... убить его. Так?

Маний замотал головой.

– Не совсем так. Нет, то есть потом ты, конечно, сможешь его убить, но сначала ты должен будешь убедить его выйти из песков. Уйти из Туггурта. Уговорить его направить свою армию на север. Далеко на север. Желательно, к самому морю... Во всяком случае, выйти из-за Атласских гор на равнину.

Саксум усмехнулся.

– Так он меня и послушает...

– А ты сделай так, чтоб он тебя послушал, – наставительно, с мягким нажимом сказал префект. – Поэтому я и говорю, что тебе надо будет с ним подружиться, войти к нему в доверие... Понимаю, – сказал префект, – задача непростая. Очень непростая. Сложная... А может даже, и вовсе невыполнимая... В любом случае ты в конце концов сможешь Такфаринаса убить. Но сначала... Сначала ты должен попытаться – хорошо попытаться, постараться изо всех сил! – выманить его армию из-за гор на равнину, сюда. Понимаешь?... Ну? Что ты скажешь на это? Ты согласен?

– Не знаю, – сказал Саксум. – Мне надо подумать.

– Думай, – жёстко сказал префект. – Но только здесь. Не выходя из этой комнаты. Ты должен принять то или иное решение, не выходя из этой комнаты. Ты понял?

Саксум кивнул. Наступила тишина.

Декурион сидел на роскошной кушетке проконсула, напряжённо выпрямив спину и глядя прямо перед собой, в окно в противоположной стене. За окном на фоне синего неба сверкал свежей позолотой скат крыши храма Юпитера. Над крышей носились стрижи.

Амата, лежавшая у ног хозяина, вдруг приподняла свою узкую лисью морду, широко, с прискуливанием, зевнула и вновь уронила голову на лапы.

– Хорошо, – сказал Саксум. – Я согласен.

Проконсул и префект переглянулись.

– Ну вот и славно! – сказал Долабелла. – Я рад, что ты... э-э... декурион, согласился вновь послужить императору. Учти, если твоя миссия удастся, тебя ждёт не просто щедрое, а очень щедрое вознаграждение.

– Более того, – подхватил префект, – даже если ты погибнешь при выполнении задания, вознаграждение всё равно будет выплачено. Его получит твоя семья в Палестине. Помни об этом.

– Ну-ну, не будем о грустном, – ободряюще сказал проконсул. – Я почему-то думаю, что всё закончится... э-э... благополучно. Я надеюсь, что я сам, лично, вручу... э-э... декуриону именной меч от кесаря Тиберия, – он прищурил глаза и плавно повёл рукой. – Торжественно. Перед развёрнутым строем всего легиона. На форуме, у стен храма Юпитера Освободителя...

– Однако не будем терять времени, – Маний вновь поднялся. – Как у тебя со здоровьем, декурион? Ты уже в состоянии отправиться в путь? Или тебе требуется какой-то срок на долечивание?

Саксум открыл было рот – он предвидел этот вопрос и уже собирался испросить себе ещё недельку на блаженствование в термах да на лениво-неторопливые сборы – но тут перед его глазами вдруг всплыла во всех своих страхолюдных подробностях угрюмая рожа Кэсо Прастины Кека, плечо немедленно заныло, как будто его уже схватили неумолимые железные пальцы одноглазого костолома, ноздри декуриона вдруг уловили тошнотворный сладковатый запах подгоревшей полбы на козьем молоке, и он тоже встал.

– Благодарю тебя, префект. Я вполне здоров. Я готов отправиться в путь немедленно.

Маний кивнул:

– Я почему-то так и думал... Что ж, затягивать с выходом не станем. Весна в этом году ранняя, снег на перевалах уже сошёл. Такфаринас, наверняка, тоже об этом знает и готовит свою очередную вылазку. Нам надо, чтоб эта вылазка пошла уже по нашему плану... Значит, так. Сегодняшний вечер и весь завтрашний день – тебе, декурион, на подготовку, а послезавтра с утра – в путь. Управишься?

– Управлюсь, – сказал Саксум. – Но у меня есть одно... уточнение.

– Какое? – немедленно спросил префект.

– Мне нужен помощник...

– Зачем? – всё так же быстро спросил Маний.

– Ну... – Саксум тщательно подбирал слова. – Скорее, даже не помощник, а... связной. Как иначе я сообщу вам, куда направляется Такфаринас?.. И вообще, откуда вы узнаете, успешно ли прошла моя... моё внедрение к нему?

Проконсул и префект опять переглянулись.

– Ну, допустим, обо всех перемещениях Такфаринаса мы и так узнаём достаточно быстро, – сказал префект. – Хотя, конечно... одно дело знать после того, а другое дело знать заранее. Определённый резон в твоих словах есть... – он погладил пальцами подбородок. – У тебя есть подходящая кандидатура?

– Есть, – сказал Саксум. – Олус Кепа. Мой помощник. Он сейчас находится здесь, в Ламбессе. Это он привёз меня сюда после ранения... Он сейчас временно приписан к восьмой когорте.

– Хм... – сказал Маний Карзиан и медленно прошёлся по комнате.

Долабелла постучал пальцами по подлокотнику:

– Я надеюсь, он умеет держать язык за зубами, этот твой... э-э... помощник?

– Умеет, – твёрдо сказал Саксум.

– Ну, хорошо, – префект остановился и круто развернулся к декуриону. – Хорошо. Я не возражаю. В конце концов, на кону стоит ТВОЯ жизнь. Хорошо! Пусть будет Олус Кепа... Проконсул?

Долабелла кивнул:

– Я тоже не возражаю. На кону действительно твоя жизнь... э-э... декурион, так что решение привлечь помощника – целиком на твоей совести... Кстати, а он, твой этот... э-э... помощник, он согласится?

– Согласится, – сказал Саксум. – Он – рискованный парень. Да и вообще, мы с ним – не разлей вода. Куда я – туда и он.

– Это замечательно, – одобрительно закивал Долабелла. – Замечательно. Войсковое, так сказать... э-э... товарищество. Замечательно!

– Хорошо, – решительно сказал префект. – Договорились. С помощником своим поговоришь сам. Но чтобы больше – ни одна живая душа! Ты меня понял?... Кстати, помощнику своему тоже объясни как следует, чтоб язык держал за зубами!

– Я понял, – сказал Саксум.

– Так... – Маний Карзиан шагнул к большому столу, стоявшему у окна. – Теперь детали. Подойди.

Декурион подошёл и увидел расстеленную на столе карту Африки, густо испещрённую непонятными значками и символами.

– Знаешь, что это такое? – спросил префект, обводя рукой папирусную склейку.

– Да, – сказал Саксум. – Карта. Я видел когда-то такую же в Гиппо-Регии. Нас тогда отрядили помогать тамошнему корникулярию... Это – Африка.

– Отлично, – сказал Маний, – Смотри внимательно. Вот это – Ламбесса... – ткнул он в квадратик, рядом с которым на карте стояла маленькая глиняная фигурка аквиліфера – легионного знаменосца с имперским орлом в руках. – Вот – твой Тубуск... Здесь – Такфаринас... – палец префекта скользнул ниже и остановился почти у самого обреза карты, возле изображения одинокой крепостной башенки, затерянной в песках; возле башенки было написано «THUGGURT» и стояла фигурка скачущего всадника. – Твоя задача: убедить Такфаринаса отправиться вот сюда... – палец префекта двинулся вверх, по широкой дуге обогнул Тубуск, пересёк островерхие, но совсем не страшные на карте, отроги Атласских гор, миновал перечёркнутый чёрным крестиком значок крепости с надписью «AUZIA», прошёл через Типасу и возле верхнего обреза карты упёрся в берег моря, в изображение дворца с надписью «CAESAREA», рядом с которым на маленьком глиняном троне сидела маленькая глиняная фигурка в красной мантии и царской короне.

– Кесария?! – Саксум изумлённо уставился на префекта.

– Кесария, – подтвердил тот.

Проконсул поднялся и тоже подошёл к карте. Амата сейчас же вскочила и, виляя хвостом, затанцевала у ног хозяина.

– Да... э-э... декурион, Кесария, – подтвердил и Долабелла. – Надо убедить Такфаринаса идти на столицу.

– Постарайся внушить Такфаринасу мысль, что именно Птолемей является ныне его злейшим врагом, – постучал префект по карте рядом с глиняной царской фигуркой. – Что именно Птолемей постоянно просит Рому покончить с мятежником. Что, не уничтожив Птолемея, ему никогда не удастся подчинить своей власти все местные племена. И что проще всего завершить войну одним решительным ударом... Ну, а со своей стороны мы тоже подольём масла в огонь... Ты повезёшь с собой моё личное письмо префекту Тубуска, которое благодаря тебе попадёт в руки Такфаринасу. В письме я между делом сообщу своему старому другу Требию Кинкинату, что Птолемей перевёз сокровищницу африканских царей из Кирты к себе в Кесарию и что, увы, армия Ромы теперь не в состоянии обеспечить её надёжную охрану. Пусть Такфаринаса ведёт не только запах крови, но и запах золота.

– А вот это замечательно! – воскликнул Долабелла. – Это прекрасная идея, Маний! Ты мне ничего не говорил об этом.

– Это пришло мне в голову буквально на днях, проконсул.

– Отличная идея! Отличная! – Долабелла с энтузиазмом потёр ладони. – Ну что... э-э... декурион, ты видишь, только от тебя зависит, чтоб лисица угодила в заготовленный для неё капкан. Ты выманишь Такфаринаса из его норы, он выйдет на равнину, ну, а уж мы тут...

– А мы уже не дадим ему больше ускользнуть обратно... – подхватил префект. – И ещё. Постарайся убедить Такфаринаса в том, что у нас в войсках дела обстоят из рук вон плохо. Что нам не хватает лошадей, снаряжения, провианта. И, самое главное, – людей! Что после ухода Девятого легиона нам катастрофически не хватает людей. Что наши отряды расплывены по всей

Нумидии, что их очень трудно, практически невозможно собрать в единый кулак... Впрочем, об этом я тоже упомяну в своём письме префекту Тубуска... Тебе всё понятно?

– Да, – сказал Саксум.

Маний удовлетворённо кивнул.

– Значит, до Тубуска поедешь спокойно – сопроводительные документы тебе... и твоему напарнику будут сделаны. Декурион и его помощник после излечения в госпитале возвращаются к месту службы – ничего подозрительного, всё законно. В Тубуск ты, естественно, не заходишь, а отправляешься дальше, на юг. Будь осторожен, чтоб не попасться своим. А то ещё вздёрнут, особо не разбираясь, как дезертира.

– Не попадусь, – уверенно сказал Саксум. – Я под Тубуском каждую тропку, каждый кустик знаю.

– Надеюсь... – усмехнулся Маний. – Ну а дальше... Дальше уже по обстановке... Вопросы есть?

– Я всё понял, префект, – кивнул Саксум. – Вопросов нет.

– Ну, боги тебе в помощь! – с чувством сказал Маний Карзиан и протянул декуриону руку.

Саксум крепко пожал её и повернулся к проконсулу.

И тогда легат императора, проконсул Африки, сенатор Публий Корнелий Долабелла подошёл к декуриону, положил унизанную перстнями руку ему на больное плечо, крепко сжал и проникновенно произнёс:

– Я надеюсь на тебя... э-э... декурион! Мы все надеемся на тебя! Император... э-э... кесарь Тиберий надеется на тебя! Не подведи!

Саксум, едва сдерживаясь, чтоб не зашипеть от боли, вскинул подбородок, приложил правый кулак к груди и, глядя проконсулу прямо в глаза, твёрдо сказал:

– Не подведу!..

Саксум отыскал Олуса Кепа в казарме третьей когорты. Кепа играл в «чёт-нечёт».

Обстановка вокруг стола, за которым напротив друг друга сидели Кепа и его противник, была напряжённой. Десятка полтора болельщиков, обступив играющих плотной стеной, орали, брызжа слюной, стучали кулаками по столешнице, выкрикивали проклятья или слова благодарности богам. На несколько мгновений – пока игроки торговались – наступала тишина, а затем камни вскрывались и новый взрыв выкриков, свиста и стука сотрясал казарму.

На Саксума никто не обратил никакого внимания. Он подошёл поближе и, привстав на цыпочки, выглянул из-за спин обступивших стол болельщиков.

Игра шла по-крупному, Кепа явно выигрывал: перед его соперником – здоровым носатым сикилийцем – на столе лежало всего несколько бронзовых монет; перед Кепой же, наоборот, высилась целая куча денег, в которой были небрежно перемешаны бронзовые ассы, аурихалковые сестерции и дупондии и даже выглядывало несколько серебристых бочков благородных денариев. Сикилиец нервничал. Кепа был невозмутим.

Только что, похоже, он снова выиграл и безмятежно, с почти материнской нежностью взирал на потного и красного сикилийца, водящего дрожащим пальцем над своим, разложенным на столе, «богатством».

– Два асса! – наконец определился сикилиец и выдвинул на середину стола две бронзовые монетки.

– Согласен, – Кепа положил рядом с монетами соперника свой дупондий.

Руки соперников нырнули на мгновение под стол, снова вынырнули вверх уже со сжатыми кулаками и повисли над центром стола друг против друга. В казарме наступила напряжённая тишина.

– Чёт, – хрипло сказал сикилиец.

Кепа, не говоря ни слова, свободной рукой пододвинул к лежащей на столе ставке ещё два асса. Сикилиец громко запыхтел. Капля пота, сорвавшись с его подбородка, разбилась о доски стола.

– Отвечаю! – наконец прорычал он и придвинул к ставке ещё две своих монеты.

Кепа задрал брови, иронично посмотрел на своего соперника и подтолкнул к центру стола ещё два асса. Сикилийца затрясло. Дальше поднимать ставки он не мог – оставшимися у него деньгами он мог только вскрыть игру. Он сгрёб все оставшиеся у него монеты, швырнул их на середину и раскрыл потную ладонь:

– Открываю!

На ладони лежали два камня.

Кепа вздохнул, лицо его приняло страдальческое выражение. Он медленно, как будто нехотя перевернул свой кулак и разжал пальцы – на ладони белел одинокий камушек!

Болельщики взвыли.

– Сволочь!.. – растеряно сказал сикилиец. – Мошенник!.. Чтоб тебя гром разразил!

Кепа не отвечал, рассеянно принимая поздравления от своих болельщиков и неторопливо – по одной монетке – перекладывая выигрыш в свою кучу.

– Олус Кепа! – громко сказал Саксум. – На выход!

Все обернулись.

– Саксум!! – заорал Кепа, расплываясь в счастливой редкозубой улыбке. – Это ты! Ты как здесь?! Тебя выпустили?!.. А я тут выигрываю! Ты не поверишь, прёт весь день, как какому-нибудь новичку!

– Олус Кепа, на выход! – отчётливо повторил декурион, стараясь придать своему лицу абсолютно служебное выражение. – Ты что, не понял?!

Улыбка сползла с лица помощника. Он вскочил и стал поспешно запихивать деньги в висящий на поясе кошель.

– Эй!! Эй!! – заорало сразу несколько глоток. – А отыграться?! Куда?!..

– Стой!! – заорал, вскакивая и хватая Кепу за руку, и носатый сикилиец. – А отыграться?! Имею право!! Ты куда это его уводишь?! – повернул он к декуриону перекошенное злобой лицо. – Ты кто такой?!

– Я – декурион Симон Саксум! – стараясь перекричать шум, гаркнул декурион. – Олуса Кепу срочно вызывает префект Маний Карзиан!

Голоса сразу смолкли. Видимо, в Ламбессе хорошо знали имя Мания Клавдия Карзиана. Лишь проигравшийся сикилиец всё никак не мог успокоиться:

– Отыграться!.. – хрипло повторял он, теребя у горла ворот туники. – Имею право!.. Отыграться!..

– Ты слышал, что тебе сказали, солдат?! – ледяным тоном осведомился Саксум. – Или тебе напомнить о том, что игры на деньги на территории лагеря категорически запрещены?! Розог давно не пробовал?!

Сикилиец, бормоча что-то себе под нос, потупился. В помещении повисла тяжёлая тишина. Кепа поспешно выбрался из-за стола и встал навытяжку перед Саксумом.

– Я готов, декурион!

– Пошли, – кивнул ему Саксум.

Они вышли на улицу.

– Ну ты дал, командир! – тут же восторженно зашептал Кепа. – Как ты их! Молодец!.. А я уже и не знал, как мне оттуда выбраться!.. Эти сикилийцы – ну, чисто бандиты! Не дали бы они мне с выигрышем уйти, как пить дать, не дали!..

Саксум, не слушая Кепину болтовню, размашисто шагал по немногочленной в этот вечерний час поперечной Рыночной улице к окраине лагеря.

– А я сразу заметил – продолжал тараторить Кепа, – этот носатый, когда я угадываю камни, начинает часто моргать. Я и давай задирать ставки! Смотрю – моргает, я – раз! – сразу сестерций на кон! А то и два! А он – жадный, нет, чтоб сразу вскрыть или сбросить, тоже начинает ставки повышать, прям в залупу лезет! Раз я его так ободрал, другой – а он только потеет да пыхтит! У всех вокруг уже денег позанимал! То-то они все взбеленились, когда ты игру прикрыл! Это ты здорово придумал – про Мания Карзиана. Они его тут почему-то все до поноса боятся! Больше, чем самого проконсула, клянусь! Я префекта сам ни разу не видел, он всё время где-то в преториуме сидит, но местные говорят, что – чисто волк! Они, прям, как мыши перед котом, – от одного его взгляда замирают... Славно я нынче приподнялся! Сестерциев сорок выиграл, не меньше, клянусь! Теперь погуляем! И на выпивку хватит, и на девочек! А, декурион?!.. Подожди, декурион, где это мы? Ты куда это меня ведёшь?!..

Они пришли в дальний угол лагеря. Саксум завёл Кепу за недостроенную латрину. Здесь не было ни души. За выведенной строителями на высоту человеческого роста стеной лежали аккуратные пирамиды красного кирпича, желтели квадратные блоки песчаника, возле траншеи, на отвале земли, лежала кверху колесом оставленная кем-то, перевернутая тачка.

– Декурион, ты чего меня сюда затащил?! – озираясь по сторонам, недоумённо вопрошал Кепа. – Ты, прям, как этот... как влюблённый, который свою подружку отодрать хочет, да людей стесняется, – он хихикнул. – Я надеюсь, ты, декурион, не это?.. Не в любви объясняться меня сюда привёл?

Саксум вздохнул и повернулся к помощнику.

– Кепа! Я тебя, конечно, люблю и, прямо скажем, ты мне, по сути, жизнь спас, но... честное слово, я тебя когда-нибудь удавлю!.. Ты можешь хотя бы чуть-чуть помолчать?!

– Всё, уже молчу, декурион, – с готовностью отозвался Кепа. – Как скажешь. Ты же знаешь, если надо, я могу хоть целый день молчать. Ты же со мной в дозоры ходил, помнишь, наверняка... Я, если хочешь знать, однажды на спор три секстария вина выиграл, клянусь! В молчанку с одним кекубийцем играли... – он наткнулся на бешеный взгляд Саксума. – Всё, молчу, молчу!.. – Кепа сделал жест, как будто запирает свой рот на ключ. – Чего ты, в самом деле?

Саксум несколько мгновений смотрел на Кепа и молчал, стараясь дышать ровно.

– Ох, Кепа, – наконец сказал он, – дождёшься ты когда-нибудь. Язык тебе отрежу и скажу, что так, понимаешь, и было... Ладно, проехали... – он взял помощника за локоть, ещё раз внимательно огляделся по сторонам и, приблизив губы к его уху, тихо спросил: – Ты уходить ещё не передумал?

– Куда уходить? – тоже оглянувшись по сторонам, шёпотом спросил Кепа.

– Куда-куда... К Такфаринасу.

– Нет. Не передумал... А что?

– А то... – сказал Саксум, цепким взглядом ощупывая Кепа. – Послезавтра...

2

– Это был последний пикет, – оглянувшись, сказал Кепа Саксум. – Дальше дозоров не будет. Наши дальше не заходят.

Они шли друг за другом по неглубокой, заросшей ивняком и низкорослым шиповником, лощине, держа лошадей под уздцы.

Кепа сейчас же откликнулся:

– Хорошо бы. А то надоело уже от каждой тени шарахаться... – он снял с головы платок и вытер мокрое лицо и шею. – Пить охота... И жрать... Да и отдохнуть не помешало бы. А, декурион, ты как?

Саксум нетерпеливо повёл плечом.

– Подожди ты с пожрать. Отойдём чуток подальше – тогда.

Кепа вздохнул и, взглянув на висящее в безоблачном небе, добела раскалённое солнце, вновь повязал платок на голову.

Стадиев через пять лощина вывела их к сухому руслу реки.

– Нам – туда, – уверенно сказал Саксум, показывая вдоль русла на юг. – Дальше можно уже верхом.

– Попить бы... – жалобно сказал Кепа. – Да и вообще...

Декурион взглянул на него.

– Хорошо, – сказал он, – привал.

Кепа тут же радостно засиял, засуетился и принялся извлекать из седельных сумок припасы. Первым делом он достал большую плоскую флягу, поспешно выдернул пробку и надолго присосался к горлышку, запрокинув голову и блаженно прикрыв глаза; острый кадык на его потной грязной шее заелозил вверх-вниз.

– Уф... – сипло сказал Кепа, оторвавшись наконец от фляги и тыльной стороной ладони вытирая рот. – Степилось... Будешь, командир? – он протянул флягу декуриону.

Саксум принял флягу, напился тёплого, отдающего медью, разбавленного вина и принялся равнодушно жевать поданный ему Кепой кусок вяленого мяса и жёсткую пшеничную лепёшку.

– Далеко нам ещё? – спросил Кепа

Он уже лежал в жидкой тени одинокой приземистой ивы прямо на заросшей редкими листьями астрагала, сухой потрескавшейся земле. Свой кусок мяса и лепёшку Кепа расположил прямо у себя на груди, время от времени беря и откусывая то от одного, то от другого.

Саксум помолчал, прикидывая.

– До передовых разъездов мусуламиев ещё дня два-три пути будет... – наконец сказал он. – А если до самого Туггурта, то – дней шесть... а то и семь, не меньше.

Кепа вздохнул:

– Скорей бы уже дойти! Надоело по этому солнцепёку тащиться.

Декурион усмехнулся:

– Ты ж, понимаешь, жаловался на перевале, что мёрзнешь. Вот и отогревайся теперь.

Кепа от возмущения даже приподнялся на локтях.

– Кто жаловался?! Никто не жаловался!.. Подумаешь, один-единственный раз сказал, что ноги мёрзнут!

– Сказал же... – невозмутимо заметил Саксум и, подумав, добавил: – И вовсе не один единственный раз.

Кепа хотел что-то сказать, но не нашёлся, фыркнул, надулся и принялся с остервенением грызть свой сухарь.

Остаток трапезы прошёл в благостной тишине...

– Ну всё, подъём! – сказал декурион, отдавая Кепе полегчавшую флягу и поднимаясь. – Нам ещё до заката стадиев сто надо пройти... А лучше – сто пятьдесят.

– Теперь полегче будет, – тоже вставая, откликнулся Кепа. – Теперь можно верхом. Да и прятаться уже ни от кого не надо, – он принялся распахивать оставшиеся припасы по седельным сумкам.

– Воды бы где найти – лошадей напоить... – задумчиво сказал Саксум. – Ладно. Сколько можно, пойдём по руслу – может, где какой бочажок невысохший найдём.

– Найдём! – уверенно сказал Кепа. – Не должно было ещё всё высохнуть – дожди-то какие прошли!.. – он оглянулся на декуриона. – Ты это... езжай, командир. Я сейчас. Я догоню. Мне тут... надо...

– Хорошо, – сказал Саксум, запрыгивая в седло. – Догоняй. Только не долго... И повнимательней место выбирай – змеи тут, понимаешь, могут быть.

– Ладно... – отмахнулся Кепа...

Он нагнал декуриона быстрее, чем этого можно было ожидать, и, поравнявшись с ним, заносчиво спросил:

– А?!.. Ну как?!

Саксум оглянулся... и чуть не упал с лошади – с Кепиных плеч ниспадал роскошный ярко-красный плащ преторианского гвардейца.

– Перед отъездом в канáбе купил, – небрежно сообщил Кепа. – В лавке у какого-то грека... Посмотри – пряжка какая! – он выставил вперёд правое плечо. – Почти как у проконсула!.. Тридцать пять сестерциев за всё про всё. Грек-пройдоха пятьдесят просил. Битый час торговались... Почти всё, что у сикилийца выиграл, на плащ и пряжку пошло. Зато – красотища! А?!..

– Кепа! – покачал головой Саксум, наконец обретший дар речи. – Зачем тебе это?!

– Как зачем?! – изумился Кепа. – Красиво же!.. Я в этом плаще – вылитый преторианец!

– Ты в этом плаще – вылитый попугай!

– Что б ты понимал! – немедленно обиделся Кепа. – Завидуешь – так и скажи! А нечего тут попугаями бросаться!

– Кепа! – как можно более убедительно сказал декурион. – Ну какой из тебя преторианец?! Ты на себя посмотри – ни кожи, понимаешь, ни рожи. Преторианцы, они все – ого!.. – он сделал жест руками, как будто обнимал что-то большое, объёмное. – А на тебя хоть три плаща надень – тебе всё равно до преторианца... как до луны!

Кепа, к удивлению декуриона, не ответил. Он ехал теперь чуть впереди, и Саксуму были видны только его ярко-красная прямая спина и гордо поднятая и чуть отвёрнутая в сторону, от декуриона, голова. Саксум почувствовал укол совести.

– Ладно, Кепа, – примирительно сказал он, – не обижайся... Красивый плащ... И пряжка тоже замечательная... И тридцать пять сестерциев за такую красоту – вполне приемлемая цена.

Кепа повернул к декуриону лицо, глаза у него блестели.

– Знаешь, Саксум, – сказал он задумчиво. – Я, когда маленький был, страшно завидовал своему старшему брату. Он в гвардии служил. Он как раз вот таким и был – ого!.. – Кепа повторил жест декуриона. – А я в мать пошёл. Она у нас маленькая... Брат носил вот такой же точно плащ. И шлем с гребнем. Он, изредка когда домой выбирался, я прямо млел. Придёт, мне на голову шлем наденет – а шлем большой, я из-под него не вижу ничего! – а он хохочет. Вылитый, говорит, преторианец, хоть сейчас на парад... Кинжалом своим ещё давал поиграться... Погиб он потом. По-

глупому погиб – в пьяной драке зарезали. Свои же... И отец наш в том же году умер... Бедствовали мы потом страшно. Ты не поверишь, я в легион босым пришёл наниматься – клянусь! – у меня даже сандалий не было! Какая уж там гвардия!.. Направили меня сначала в Туллианум. Заключённых охранять... Это тюрьма такая подземная. В РOME. Под Капитолием... С северной стороны... Темнотища, сырость, холод собачий... Я там через полгода волком взвыл! Ну они-то, те, кого я охраняю, ладно, они – преступники. Но я-то при них за что заживо гнию?!.. Так что, когда в Африку стали добровольцев набирать, я первым пошёл. Да что там пошёл – побежал!.. Мне порой кажется, что я после Туллианума этого никогда не отогреюсь!

Он замолчал.

– Ты никогда не говорил о своём брате, – осторожно сказал Саксум.

– Да как-то... к слову не приходилось, – Кепа вздохнул. – Я плащ-то этот чего купил. Подумал: куда я с такими деньжищами да к мусуламиям. Отберут ведь. Как пить дать отберут! А плащ – вряд ли. Плащ не деньги. Куда мусуламию в таком плаще? Верно?

– Ну, вообще-то, и плащ могут отобрать, – сказал Саксум. – И очень даже запросто. Это во-первых... А во-вторых... Даже если и не отберут. Ты ведь в этом плаще на поле боя будешь, как мишень. Все стрелы, все дротики – твои. Понимаешь?.. Одно дело, когда таких плащей на поле сотни, когда все в таких плащах, и совсем другое дело, когда ты такой один единственный. Улавливаешь мысль?

Кепа на этот раз молчал долго. Очень долго. Даже для нормального человека такое молчание было бы слишком долгим, а для Олуса Кепа оно вообще было бесконечным. Саксум уже успел забыть о своём вопросе и думал о чём-то совсем другом, когда Кепа вдруг повернулся к нему и решительным, не терпящим возражения, тоном сказал:

– Ну и пусть, как мишень! Зато красиво!..

Вопреки прогнозам Саксума, они наткнулись на дозор мусуламиев уже на следующий день.

С десяток полуголых нумидийцев на своих приземистых гнедых лошадках вдруг показались справа на холме и, гортанно крича и посвистывая, покатались вниз, охватывая остановившихся путников полукольцом.

– Что-то мне ссыкотно, командир... – нервно сжимая рукоять меча, вполголоса сказал Кепа. – Порубят они нас сейчас в капусту! Как пить дать, порубят!

– Спокойно, Кепа... – подбодрил своего напарника декурион. – Спокойно... Главное – не делать резких движений...

Он запустил руку в седельную суму, извлёк вручённую ему перед отъездом префектом Карзианом керу и поднял её высоко над головой.

– Такфаринас!!.. – крикнул он навстречу приближающимся всадникам. – Такфаринас!!..

Мусуламией накатили, накрыли облаком пыли, заулюлюкали, затанцевали вокруг. Замелькали закутанные до глаз лица, смуглые тела, обнажённые клинки, оскаленные морды лошадей.

– Кесарь Тиберий!!.. – снова громко крикнул декурион, потрясая над головой керой со свисающими с неё разноцветными печатями. – Письмо!!.. Царь Такфаринас!!..

От всадников отделился один – в буром легионерском плаще, накинутом прямо на голое тело. На широком, тоже легионерском, ремне, рядом со свинцовой пряжкой, изображавшей опёршегося на дубину Геракла, у него висел кинжал в шикарном позолоченном ножнах.

– Твоя кесарь?! – крикнул он Кепе, тыча в его сторону коротким мечом-гладиусом.

Кепа испуганно замотал головой.

Полуголый повернулся к декуриону.

– Его кесарь?! – он снова ткнул мечом в сторону Кепа. – Эта... Кто эта... мидд уа тишэг-гер-эт?!

– Нет! – сказал Саксум. – Кепа! Он не кесарь! Он просто мой попутчик... друг... амиди!.. Вот! – он снова показал нумидийцу керу. – От Кесаря Тиберия!.. Царю Такфаринасу... э-э... Аменукаль Такфаринас!.. Послание!.. Письмо!

Мусуламией приблизился.

– Давай! – требовательно протянул он сухую тёмную руку.

Декурион отрицательно покачал головой:

– Кепа!.. Только аменукаль Такфаринас!

Мусуламией недобро прищурился и ещё раз требовательно потряс рукой:

– Давай!!

– Келя!.. – твёрдо повторил декурион и спрятал керу обратно в сумку. – Нет! Нельзя!.. Веди нас к Такфаринасу! В Туггурт! Понимаешь?!.. В дом Такфаринаса!.. Тар-ахамт Такфаринас! Понимаешь?!

Мусуламый убрал руку, что-то пробормотал себе под нос, всё так же не спуская с декуриона злых прищуренных глаз, потом фыркнул, дёрнул за повод и круто развернул коня.

– За моя ходить!.. – кинул он декуриону через плечо. – Такфаринас ходить! Н-ар-ерём Туггурт!..

Он что-то гортанно крикнул своим людям, махнул рукой и, не оборачиваясь, поскакал вперёд, сразу переведя коня с шага на рысь. Саксум и Кепа пришпорили своих коней. Мусуламии тоже дружно взяли с места и помчались за своим предводителем, рассыпавшись по степи в цепь, широким полумесяцем охватывающей декуриона с его напарником...

На ночёвку остановились в стойбище пастухов: обширный, но пустой загон для скота, шесть разновеликих квадратных шатров из плотной тёмно-серой шерстяной ткани, колодец, с десятков лежащих и стоящих там и сям верблюдов.

Путников встретила пожилая женщина – высокая, суровая, простоволосая, в свободной тёмно-синей рубахе-такаткате: снизу – длинной, почти до самой земли, а сверху – с большим вырезом, обнажающим тёмную морщинистую шею и почти не скрывающим вялую обвисшую грудь. Лицо хозяйки стойбища обильно покрывала татуировка: два ряда вертикальных точек на лбу над переносицей, крестообразные рисунки на щеках и густо заштрихованная, опрокинутая остриём вниз пирамида на подбородке. Женщина разговаривала с пришельцами неприветливо, хмурилась, она была явно не рада незваным гостям. Мужчин, как заметил Саксум, в стойбище не было вообще – только женщины и дети.

Ужинали в большом шатре, разделённом на две половины натянутым между столбами шерстяным ковром – с вытканными по синему фону жёлтыми и красными ромбами. За перегородкой слышались женские голоса, стук посуды, тоненько заплакал и почти сразу же замолчал грудной ребёнок.

С этой стороны перегородки, на мужской половине, в неглубокой яме, вырытой прямо в песке, горел костёр, вокруг которого были расстелены толстые ковры из козьей шерсти с разбросанными по ним подушками. Дым от костра уходил в небольшое отверстие в потолке, подпираемом четырьмя высокими – в два человеческих роста – шестью.

Во время ужина, состоявшего из «есінк» (фасолевая каша с бараниной) и горячего травяного отвара с мёдом, в стойбище вернулось стадо, а с ним и мужчины – пятеро взрослых и с ними двое совсем юных, ещё не закрывающих лица, подростков. Пока всё небольшое население стойбища сообща таскало воду из колодца и поило вернувшихся с пастбища животных, хозяйка о чём-то долго беседовала со старшим из мужчин. Разговор шёл на повышенных тонах – хозяйка была явно чем-то недовольна, она трясла головой, грозно раздувала ноздри и то и дело рубила воздух узкой сухой ладонью. Мужчина – невысокий, кривоногий, с длинными, чуть ли не до колен, руками – поначалу пытался оправдываться, спорить, но вскоре замолчал и только послушно кивал, потупившись и глядя в сторону и вниз.

– Э-ге... – негромко сказал Саксуму Кепа. – А ведьма-то эта здесь в авторитете. Глянь, как она мужичонку-то... Разве что присесть не заставила.

После ужина старший из мусуламиев, которого все звали Амекрэн, отправил куда-то двоих всадников из своего отряда, а с остальными стал располагаться на ночь в шатрах. Саксуму и Кепе отвели самый маленький из всех шатров, стоявший на краю стойбища.

Кроватей, разумеется, в шатре не было. Внутри, прямо на земле, лежали два затёртых до неразличимости цвета, узких ковра. Неразговорчивый мусуламый, приведший их в этот шатёр, ткнул пальцем в сторону каждой из лежанок, буркнул что-то неразборчивое себе под нос и вышел, вскоре, впрочем, вернувшись и швырнув Кепе небольшую, набитую шерстью, подушку.

– А ты у них в почёте, – заметил Саксум, укладываясь на неудобном ложе и пристраивая под голову сумку. – И еду тебе первому подавали. И миска у тебя была медная, а не деревянная... вот, теперь подушка... Я думаю, это всё – твой плащ. Они тебя явно за главного принимают.

– А что, – редкозубо улыбнулся Кепа, – могу и за главного побыть. Не всё же время мне на побегушках... Думаю, начальник из меня выйдет очень даже ничего!.. Хэх! А что, покомандую – не хуже других!.. Не расстраивайся, командир, – взбивая свою подушку и продолжая улыбаться,

подначил он Саксума, – когда меня назначат командиром турмы, я, так и быть, возьму тебя к себе декурионом.

– Не знаю, не знаю... – озабоченно отозвался Саксум. – Насчёт командира турмы – это всё как-то пока вилами по воде... Но вот что я знаю точно, так это то, что рядовым легионерам Такфаринас благоволит, а вот больших начальников – тех он очень даже не жалует. Не любит он, понимаешь, больших начальников, и всё тут! И знаешь, что делают мусулами с теми, кого не любит Такфаринас? Нет?.. Они их сажают на кол... Бараньим жиром кол, понимаешь, смазывают и – хоп!

Улыбка сползла с Кепиного лица, глаза округлились.

– Ты это что... серьёзно?

– Абсолютно! – с наслаждением вытягивая ноги, сказал Саксум. – Ты, главное, смотри, чтоб кол поострее заточили. Тогда не так долго мучиться. А то, понимаешь, на тупой посадят, да если ещё и с заусенцами – тогда совсем беда!

Кепа ошарашенно молчал, держа в руках забытую подушку и глядя перед собой широко распахнутыми глазами.

– Да пропади он совсем! – вдруг спохватился он, вскакивая и отбрасывая подушку в сторону. – Да я его!.. Да я его теперь вообще не надену!.. – он схватил свой плащ и стал с остервенением комкать его. – Я его теперь!.. Я его сейчас пойду и сожгу!

– Сядь! – сказал Саксум, открывая глаза. – И не ори!.. Чего ты орёшь?! Хочешь, чтоб пришли и успокоили?!.. – он приподнялся на локтях и строго посмотрел на своего напарника, застывшего посреди шатра. – Сядь!.. – (Кепа сел). – Поздно метаться! Твой плащ уже все видели, понимаешь?.. Ты его теперь хоть сожги, хоть закопай. Хоть на ленточки распусти и съешь. Ты теперь всё равно... этот... как его... мидд уа тишег-гер – красный человек... У меня на родине говорят: в своём селении у тебя есть имя, в чужом селении – только одежда. Видел – двое ускакали? Через три дня уже вся округа до самого Туггурта будет знать, что к Такфаринасу едет какой-то красный человек. Мидд уа тишег-гер, понимаешь... С письмом от кесаря Тиберия.

– Так что ж теперь делать? – потерянно спросил Кепа.

– Соответствовать... – спокойно сказал Саксум, вновь откидывая голову на котомку. – Ты теперь – важная персона. Так что – соответствовать... – он усмехнулся. – Ну и зад свой разминать. На всякий, понимаешь, случай... Ладно, красный человек, будущий командир турмы, спокойной ночи!..

Вечером следующего дня отряд Аmekрана передал Саксума и Кепу другой группе всадников. Эти все были, как на подбор, – в традиционных светло-голубых плащах-алашо и такого же цвета тюрбанах-лисамах, закрывающих лицо до самых глаз. В отличие от босоногих спутников Аmekрана, все всадники нового отряда были обуты в кожаные сандалии-ибузаганы. У многих на шее или на поясе висели на цепочках амулеты – серебряные фигурки быков, леопардов, верблюдов. Сразу чувствовалось, что всадники эти не из простых, что это – один из отрядов «гвардии» Такфаринаса, элитных подразделений повстанческой армии, набранных из богатых представителей местных племён и имевших львиную долю в любой добыче.

Сам Аmekран, отправив своих подчинённых назад, присоединился к новому отряду. Но если среди своих полуголых попутчиков Аmekран, благодаря своему добротному плащу и роскошным ножнам, смотрелся, как аурихалковый дупондий в пригоршне затёртых бронзовых ассов, то в новой компании он уже сам выглядел, как старый почерневший асс в россыпи благородных серебряных денариев.

Саксуму понравилось это, только что пришедшее ему на ум, сравнение и он поспешил поделиться им с Кепой.

– А мы с тобой тогда кто в этом кошельке с монетами? – хмыкнув, спросил декуриона напарник.

– Мы?.. – Саксум задумался. – Ну, я-то, пожалуй, сойду за обычный сестерций. А ты, понимаешь, – бери выше – ты в своём плаще на целый аурей потянешь.

Кепа опять хмыкнул:

– Сестерций с ауреем, говоришь. Может быть, может быть... Вот только, сдаётся мне, декурион, мы с тобой не настоящие монеты, а... как бы это... поддельные... А знаешь, что с поддельными монетами делают, когда находят?.. Молотком плющат. И – на переплавку... – он поёжился. – Что-то мне опять ссыкотно, командир. И чем дальше – тем ссыкотней.

Саксум с любопытством посмотрел на своего напарника.

– Никак, взрослеешь, красный человек?.. Ну что ж, в самый раз... – он помолчал и добавил задумчиво: – В самый раз...

Никакой крепостной башни, как это было обозначено на карте Мания Карзиана, на местности в действительности не оказалось. Вообще не оказалось ничего, хотя бы отдалённо напоминающего крепость. Туггурт предстал перед спутниками самой обыкновенной, хотя и довольно большой, деревней. Несколько десятков приземистых плоскоголовых домов, слепленных из местной красноватой глины, жались боками друг к другу, теснились вокруг сочно-зелёного пятна оазиса у подножия невысокой горы, карабкались по её жёлто-коричневым, изрытым овражными разлогами, голым склонам. Рядом с деревней – пёстро-лоскутным, всех оттенков серого цвета, ковром, расстеленным прямо на негостеприимной, песчано-каменистой почве, – раскинулся большой палаточный городок: не менее трёх сотен разновеликих шатров – от небольших, четырёх-шестиместных, до огромных, на несколько десятков человек. Над деревней и над палаточным городком тут и там поднимались голубоватые дымки многочисленных костров.

– Туггурт! – немного торжественно сказал старший команды – как уже знал декурион, сотник по имени Мисипса, указывая Саксуму и Кепе на открывшийся перед ними с холма вид на столицу повстанческой армии. – Ар-ерем... Тар-ахамт уарёр-н Такфаринас. Э-гмедх!

Саксум молча кивнул, зато «красный человек» Кепа счёл для себя обязательным отреагировать более эмоционально.

– Туггурт!.. Такфаринас!.. Моя понимать!.. – громко, как будто разговаривая с тугоухим, произнёс он, зачем-то коверкая романские слова и, наморщив лоб, добавил одно единственное выученное им за дорогу слово на местном наречии: – Схари! Хорошо!

Они спустились с холма, пересекли обширную, примыкающую к оазисной роще, луговину, на которой пасся огромный – в несколько сот голов – табун лошадей, преодолели неглубокий, сплошь заросший прутьяком, овраг, по дну которого резво бежал прозрачный ручеёк, и наконец въехали в пределы палаточного городка.

Вотчина неуловимого Такфаринаса, негласная столица повстанцев, эпицентр вот уже седьмой год бушующего в стране антироманского восстания, вблизи меньше всего напоминала военный лагерь. В распахнутых насквозь шатрах – в тенёчке, на сквознячке – сидели на коврах, возле дымящихся очагов, степенно беседующие мужчины; женщины, весело переговариваясь, хлопотали по хозяйству; голые ребятишки возились в дорожной пыли или, оглашая окрестности звонкими криками, целыми стайками носились между шатрами. Над деревней витали аппетитные запахи свежеиспечённых пшеничных лепёшек и жареного на углях мяса.

Первые признаки армейской жизни обнаружили только в самом центре поселения. Пять шатров из тёмно-серой шерстяной ткани – один, центральный, огромный и четыре, стоящие вокруг него, чуть поменьше размером – были обнесены невысоким земляным валом с укрепленными поверху рогатинами из жердей и плетёными из веток щитами. На воротах стоял караул: четверо солдат в боевой форме легионеров. Конных через ворота не пропускали. Спешившись и оставив лошадей у коновязи вблизи ворот, Мисипса, Амекран, Саксум и Кепа прошли внутрь; остальные остались снаружи.

Возле большого шатра стоял ещё один караул – тоже четверо, тоже в форме легионеров, один из которых был в шлеме с поперечным гребнем кентуриона.

Мисипса обменялся с «кентурионом» несколькими короткими фразами, после чего тот скрылся в шатре и отсутствовал достаточно длительное время.

Наконец он выглянул и приглашающе помахал рукой.

Мисипса и Амекран сняли перевязи с мечами и кинжалами и отдали их «легионерам». У Саксума и Кепы тоже отобрали оружие и, вдобавок, тщательно и довольно грубо обыскали.

Внутри шатра царил полусумрак и терпко, до щекотания в горле, пахло какой-то душистой травой. Под ногами пружинил толстый, богато вышитый, пёстрый ковёр. Всё пространство внутри шатра было поделено на небольшие комнатки коврами и полотняными шторами, висящими на натянутых между столбами верёвках. Некоторые шторы были задраны или раздвинуты и открывали за собой другие комнатки, точно так же перегороденные коврами и шторами. Почти все помещения были пусты – там лишь валялись на коврах разновеликие и разноцветные подушки да лежала брошенная в беспорядке одежда. Лишь в одной из комнат обнаружили люди: четверо мужчин сидели на ковре вокруг большого медного подноса и, негромко переговариваясь, пили из

посеребрённых пиал что-то, исходящее ароматным цветочным паром. На проходящих мужчины не обратили никакого внимания.

Лабиринт полутёмных комнат («Хрен мы отсюда выберемся, если что!.. Понастроили!..») – еле слышно прошептал над ухом у Саксума Кепа) вывел их наконец в достаточно просторную залу, также огороженную со всех сторон висящими на верёвках коврами. Здесь было гораздо светлее – в потолке, до которого здесь было, наверное, все четыре человеческих роста, почти над центром комнаты, зияла квадратная дыра, в которой ослепительно синело высокое безоблачное небо. Воздух в зале также был несколько свежее, Саксуму показалось, что щекочущий горло, горьковато-пряный запах чувствовался здесь не так сильно. Впрочем, возможно, он уже просто привык.

В центре комнаты, на небольшом возвышении, также сплошь застеленном коврами, вокруг плотно заставленного блюдами, чашами и кувшинами подноса, сидели трое: двое пожилых мужчин и один юноша, почти мальчик – лет пятнадцати, не больше; все трое держали в руках пиалы и все трое дружно повернули головы, когда небольшая процессия во главе с «кентурионом», откинув последнюю штору из плотной синей шерсти, вошла в зал.

Шедший впереди «кентурион», впустив всех в комнату, опять задёрнул штору и, повернувшись к сидящим, громко – по-романски, но с сильным местным акцентом – произнёс:

– От кесар Тыберый к великай вожд Такфаринас послание!

Сидевший справа мужчина – с заплетёнными в косицу чёрными, с обильной проседью, волосами и с грубыми, рублеными чертами продолговатого лица – поставил пиалу на поднос, легко поднялся, в несколько широких шагов пересёк комнату и, остановившись перед враз побледневшим Кепой, глядя на него сверху вниз пронзительными серыми глазами, несколько насмешливо спросил:

– Ты, что ли, посланник от Тиберия?

Кепа гулко переглотнул.

И тогда Саксум шагнул к Такфаринасу сбоку и негромко – и почему-то получилось сипло – сказал:

– Это я посланник, – и уже совсем тихо добавил: – Здравствуй, Юст!..

Ящерка была маленькая, серая с жёлтыми и чёрными пятнышками вдоль спины и хвоста и очень ловкая. Она запросто висела на потолке, быстро бегала по отвесным глиняным стенам, ненадолго исчезала в окне и вновь появлялась, чуть слышно шурша ножками и поблескивая бусинками своих больших выпуклых глаз.

Саксум, заложив правую руку за голову, а левую, раненую, покойно расположив на животе, лежал на своём плаще, постеленном прямо на земляном полу, и с интересом наблюдал за проделками неумолимого геккончика.

Делать было нечего. Пошли уже вторые сутки, как его, приведя в эту комнату в глинобитном домике на склоне горы, оставили одного. Дом, в котором, помимо этой комнатки, были ещё три – такие же маленькие, с земляными полами и крошечным окошком под самым потолком – был совершенно пуст. В соседних домах – по сторонам, выше и ниже по склону – шла жизнь, там дымились костры, раздавались голоса, сухо постукивал ткацкий станок, шуршали жернова ручной мельницы. Здесь же его единственным соседом был маленький ловкий геккон.

За вчерашний вечер и сегодняшний день декуриону трижды приносили еду. Он три раза выходил по нужде и один раз к ручью – утром, умыться. Его никто не охранял. Да и зачем, скажите на милость, было его охранять – одного, безоружного, посреди целой страны, говорящей на чужом языке?!

Саксум лежал и вспоминал вчерашний день, раз за разом прогоняя перед мысленным взором всё то, что произошло в шатре Такфаринаса, стараясь восстановить в памяти мельчайшие подробности их встречи и пытаясь понять – что и в какой именно момент пошло не так.

Собственно, «не так» всё пошло с самого начала. Да и как, понимаешь, всё должно было пойти, чтобы было «так»?!

– Здравствуй, Юст! – сказал он Такфаринасу и... ничего не произошло.

А что должно было произойти?! Чего он, понимаешь, ждал от этой встречи?! Объятий? Поцелуев? Дружеских похлопываний по плечу с криками: «А помнишь?!.. А помнишь?!..»?

Такфаринас оставил в покое Кепу, повернулся к декуриону, ощупал его цепким взглядом прищуренных глаз и, заложив руки за спину, очень спокойно сказал:

– Здравствуй, Симон. Я слушаю тебя...

За те семь с лишним лет, что они не виделись, Такфаринас довольно сильно изменился. Он ссутулился и погрузнел телом, заметно поседел, ещё больше поострожел и как-то обвис лицом, заработал косой белый шрам на переносице и потерял мизинец на правой руке. От прежнего Такфаринаса – лучшего декуриона шестой турмы алы Нумы Прастина Филия – осталось, казалось, лишь его неизменное спокойствие, странным образом сочетавшееся с порывистостью движений, да пронзительный взгляд серых, глубоко посаженных глаз.

Такфаринас внимательно, не перебивая, выслушал рассказ Саксума, вдумчиво – как показалось декуриону, дважды – прочитал письмо Карзиана, якобы направленное префекту крепости Тубуск, задал пару уточняющих вопросов, несколько раз, заложив руки за спину и глядя себе под ноги, прошёлся по комнате, а потом, остановившись на полушаге, вскинул голову и принялся быстро и чётко отдавать распоряжения своим людям. Спустя четверть часа Саксум – без коня, без оружия и даже без своей дорожной сумки – уже находился в этой комнате в маленьком домике на склоне горы. Больше всего на данный момент его волновала судьба Кепы, который вчера остался в шатре «Великого Вождя».

– Не нравится мне всё это! – вслух сказал ящерке декурион. – Ох, как не нравится! Как бы чего не вышло! Понимаешь?!

Геккон ничего не ответил, ему было явно не до человеческих проблем и переживаний – он ловил мух...

Послышались шаги, и в низенькую дверь, пригнувшись и задев мечом за косяк, вошёл вчерашний «кентурион».

– За моя ходить, – поманил он рукой Саксума. – К Такфаринас ходить. Быстро давай!

– Наконец-то! – пробормотал декурион, поспешно подымаясь со своего жёсткого ложа.

Он подхватил плащ, отряхнул его, накинул на плечи и вышел вслед за своим провожатым.

Такфаринас ждал их на улице.

– Так ты говоришь, что проконсул хочет заманить меня в ловушку? – сразу, без предисловий спросил он Саксума, уперев ему в лицо взгляд своих стальных немигающих глаз.

– Да, Юст, – сказал декурион, он не успел застегнуть пряжку плаща и теперь придерживал его рукой у горла.

– И ты говоришь, что я не должен идти в поход на Кесарию?

– Да.

– И ты говоришь, что пришёл ко мне, чтобы драться вместе со мной с романцами?

– Да, Юст, – сказал Саксум.

Такфаринас помолчал.

– Пошли! – он круто повернулся и быстро зашагал вниз по склону.

Саксум поспешил следом. Сзади глухо бухал подкованными каллигами «кентурион».

Они спустились к подножью горы, свернули в кривую узкую улочку, прошли по ней с полсотни шагов, вновь свернули, на этот раз вверх, в гору, и наконец остановились возле большого глинобитного дома. Здесь Такфаринас вновь повернулся к декуриону.

– Слушай меня внимательно, Симон, – хмурясь и потирая свой беспальный кулак, сказал он. – Смотри, что получается... Я готовлю поход на Кесарию. Давно готовлю. Уже четыре месяца. Я готовлю свой главный поход за все семь лет этой дурацкой войны. Я собираюсь в этом походе решить все вопросы и с Долабеллой, и с этим заносчивым мальчишкой Птолемеем. Я скопил небывалые силы – у меня ещё никогда не было столь мощной армии! – и я собираюсь нанести решающий удар... И тут появляешься ты. И говоришь, что Долабелла тоже хочет, чтобы я отправился в поход на Кесарию. А хитроумный Карзиан окольным путём доносит до моего сведения, что золото африканских царей перевезено из Кирты в столицу и что легион Долабеллы якобы разут, раздет и обескровлен... А я, между прочим, и без него знаю и про то, что золото перевезено в Кесарию, и о состоянии дел в Третьем легионе... И вот тут возникает законный вопрос – а не является ли всё это хитрой игрой старой лисы Карзиана?.. Игрой, которая имеет своей целью заставить меня передумать и не идти на Кесарию... И не являешься ли ты, Симон из Галилеи, составной частью этой игры?..

– Юст, я... – вскинулся было декурион, но Такфаринас жестом руки остановил его.

– Я знаю всё, что ты можешь мне сказать. Всё! Но слова сейчас ничего не решают. Сейчас что-либо решить может только поступок... – он помолчал. – От твоего помощника я ничего путного добиться не смог. Он, и вправду, ничего не знает... Если бы знал – сказал... Тебя я решил

проверить другим способом. Если ты действительно тот, за кого себя выдаёшь, для тебя не составит труда сделать то, что я тебе скажу. Если же ты не сделаешь этого...

Такфаринас не договорил. Повисла тяжёлая пауза.

– Ты хочешь, чтобы я кого-то убил, – догадался Саксум.

– Да, – сказал Такфаринас. – Другого пути решить эту проблему я не вижу.

– Кого-то из пленных легионеров.

– Да.

– И, наверное, не из простых солдат, а из командного состава легиона.

– Да... Ты, наверняка его узнаешь. Он одно время командовал в Тубуске.

– ...Я не палач, Юст, – помолчав, сказал Саксум. – Я – воин.

– У тебя нет выбора, – сказал Такфаринас. – Точнее, ты СЕЙЧАС должен сделать свой выбор. Или – или. Твоя монета стоит сейчас на ребре. И на какую сторону она ляжет – на «голову» или на «корабль» – решать тебе.

Саксум молчал.

– Этот человек, безусловно, заслуживает смерти, – сказал тогда Такфаринас. – Он пришёл в мою страну с мечом и захотел сделать меня рабом. Меня и моих детей... Он ничем не лучше тех, кто пришёл с мечом и в твою страну... Поверь мне, это – плохой человек. Его душа пуста, как высохший колодец, и черна, как безлунная ночь... Да и мне, лично, он, прямо скажу, изрядно надоел. Вот скажи, тебе бы понравилось, если бы тебе каждый день говорили, что ты – гнусный изменник и что тебя, как изменника и предателя, скоро распнут на кресте?

Саксум молчал. Маленькая ящерка – копия той, что ещё совсем недавно развлекала декуриона, – выбежала из трещины в стене и замерла, приподняв голову и настороженно блестя бусинками глаз.

– Хорошо, Юст, – сказал декурион. – Я согласен... Куда идти?

– Сюда, – как показалось Саксуму, с некоторым облегчением сказал Такфаринас и указал на низкую дверь, рядом с которой они стояли.

Саксум нагнулся и шагнул в прохладу и полусумрак дома.

Они прошли по узкому коридору и вышли во внутренний дворик, где под стеной на циновке сидели двое вооружённых мечами мусуламиев. При появлении Такфаринаса они вскочили.

– На месте? – отрывисто спросил Такфаринас.

Оба кивнули, а тот, что был повыше, что-то сказал по-нумидийски.

– Схари... – обронил Такфаринас и прошёл мимо них к ещё одной низенькой двери в противоположном конце двора. – Здесь! – кивнул он Саксуму на дверной проём.

Декурион приблизился и заглянул.

В лицо ему пахнуло вонью нечистого человеческого жилья. У дальней стены комнаты, поджав под себя ноги, сидел на грязном вытертом ковре человек. При появлении Саксума он поднял голову, взгляделся и медленно, опираясь на стену, поднялся. Грязно-белая тряпка, свисающая с его плеч, развернулась, и в тот же миг декурион узнал этого человека – перед ним стоял неопрятный, похудевший, заросший спутанной клочковатой бородой, но всё равно узнаваемый трибун-лактиклавий Гай Корнелий Рет.

Саксуму как будто плеснули в лицо кипятком. Он стиснул зубы и шагнул в комнату.

– Возьми мой меч, – в спину сказал ему Такфаринас.

Саксум только повёл плечом.

Человек, повинный в смерти Ашера, повинный в смерти ещё нескольких сот молодых солдат, которых он бросил под клинки и пики врага лишь из собственной блажи, из каприза, из желания исправить свои же собственные глупые ошибки, этот человек стоял сейчас перед декурионом и смотрел на него ввалившимися, обведёнными густой синевой, глазами. Мёртвые, слепые глаза Ашера висели на кровавых ниточках, а эти глаза как ни в чём не бывало смотрели на него! Смотрели настороженно, даже слегка испуганно, но смотрели! Они не должны были смотреть на него! Они вообще не должны были смотреть на этот мир! Не имели права! Саксум двинулся на эти глаза, и они засуетились, забежали, в них вдруг выплеснулся ужас – видимо, Гай Корнелий Рет понял, что сейчас произойдёт, понял, для чего к нему в комнату вошёл и теперь молча и страшно надвигается этот, неотвратимый, как Фатум, источающий жар ненависти и ледяной холод смерти, человек. Саксум подошёл вплотную и, преодолев вялое, ватное сопротивление чужих рук, взял голову трибуна за виски и вдавил большие пальцы в его глазницы. Гай забился и завизжал. А декурион продолжал давить пальцами в ненавистные глаза, давить,

ничего не видя перед собой, не слыша безумного визга, потом стона, потом хрипа. Он давил до тех пор, пока из-под его пальцев не брызнуло горячим, а тело трибуна, дёрнувшись в последний раз, грузно обмякло...

Саксум пришёл в себя на улице. Он стоял шагах в десяти от злополучного дома и тщательно вытирал краем плаща свои руки. Руки дрожали. Саксум чувствовал себя странно: по спине у него тёк пот, но внутри всё было заледеневшее. И ещё что-то мешало ему. Он не сразу понял, что изо всех сил, до боли, стискивает зубы. Саксум с трудом разжал рот и слегка подвигал занемевшей челюстью.

Подошёл и встал рядом Такфаринас.

– Твой помощник сказал, что все тебя называют Саксум. – задумчиво произнёс он. – И я теперь, кажется, понимаю, почему.

– Кепа... – сказал декурион, преодолевая сопротивление непослушного рта. – Его зовут Кепа.

– Что? – не сразу понял Такфаринас. – А, ну да. Кепа. Олус Кепа... А он – ничего, крепкий орешек, твой Олус Кепа. Хорошо держался на допросе. Далеко не всякий так сможет держаться... И мне показалось, что он, в общем, толковый парень. Что скажешь?

– Да... – отозвался Саксум. – Толковый.

– Как думаешь, – продолжал Такфаринас, – потянет он, если его на турму поставить? А то у меня с толковыми командирами совсем плохо. Ко мне ведь кто, в основном, бежит? Всякая шваль да рвань. Плесень. Мусор. Отбросы. Я толковых командиров по пальцам двух рук могу сосчитать... Ну так что, потянет он турму?

– Да... – сказал Саксум и тут же поправился: – Декурией бы ему покомандовать. Для начала... Потом уже.

– Нет! – поразмыслив, решительно сказал Такфаринас. – Поставлю его на турму. Пусть привыкает. Не маленький, справится!

Сзади послышались невнятные голоса, шорох, и двое мусуламиев протащили за ноги мимо них вниз по улице тело Гая Корнелия Рета. Голова трибуна моталась из стороны в сторону, подпрыгивала на неровностях дороги, оставляя за собой след из свернувшихся в большие пыльные шарики капель крови. Саксум отвернулся.

– Был трибун, а стал мешок с потрохами, – с удовлетворением прокомментировал увиденное Такфаринас. – К утру и косточек от кандидата в сенаторы не останется – всё шакалы растащат... Нет, всё-таки, как ты его! Меня, признаться, трудно чем-либо удивить, но тут...

Саксум промолчал. У него вдруг сильно заныло раненое плечо. И как будто угадав это, Такфаринас спросил:

– Твой Кепа ещё сказал, что у тебя после ранения плохо работает левая рука, это так?

– Да... – сказал декурион. – Ещё не совсем прошло... Разрабатывать надо.

– Я поначалу хотел назначить тебя на алу, но раз такое дело, то, пожалуй, оставлю-ка я тебя лучше при штабе. Ты, надеюсь, разбираешься в картах? Помнится, в Гиппо-Регии ты месяца два или даже три работал у тамошнего корникулярия.

– Да, – сказал Саксум. – Четыре. Четыре месяца.

– Ну, тем более! Значит, решено!.. Ну что, – рука Такфаринаса легла декуриону на плечо, – сегодня отдохай, а с завтрашнего дня включайся в работу. Времени осталось мало. Выступаем через восемь дней – на мартовские ноны. Со всеми штабными я тебя познакомлю завтра. Да там и знакомить-то особо не с кем. Там только один толковый работник и есть – Фёртор Лэт – бывший помощник корникулярия из Куйкула. Я думаю, ты найдёшь с ним общий язык. Он, в общем, парень неплохой, выпить вот только любит. Я его даже как-то сёк за это...

– Где Кепа? – спросил Саксум, поворачиваясь к собеседнику.

– Что?.. Ах, Кепа, – Такфаринас небрежно махнул рукой вниз, в сторону палаточного лагеря. – Там где-то. Раны, надо полагать, зализывает... Пстой, ты куда?!..

Кепа нашёлся на краю лагеря. Он сидел на брошенном в траву плаще – голый по пояс, подставляя спину под тёплые лучи вечернего солнца. Вся грудь, плечи и предплечья его были испещрены узкими и длинными следами свежих ожогов. Раны были обильно смазаны какой-то зеленоватой мазью и от этого смотрелись ещё более зловеще.

– А-а, командир... – криво улыбнулся навстречу Саксуму Кепа. – Видал, как они меня?.. Думал, сдохну. Живого места не оставили... Ты-то как?

– Нормально, – сказал декурион, подходя и опускаясь рядом с Кепой на корточки. – Я – нормально... Сильно болит?

– Болит... – Кепа пошевелил плечами и поморщился. – Ты понимаешь, и главное, не могу взять в толк – чего они от меня хотят?! То про меня спрашивают, то про тебя. То про Тубуск, то про Ламбессу. И вопросы все вроде безобидные... глупые даже. Где, мол, в Ламбессе ты ночевал, а где я? Или, к примеру, – в каком месте шрам на лице у Маний Карзиана? А я в глаза никогда не видел этого Мания! Слышал только в Ламбессе о нём. Я им так и говорю: понятия не имею ни про Мания Карзиана вашего, ни про его шрамы, клянусь!.. А они, сволочи, – раскалённой железью! Да по живому!

– Ничего... – сказал декурион. – Это – ничего. Ожоги заживут. Ты – молодец! Такфаринас сказал, что ты хорошо держался. Так что радуйся...

– Радуйся?! – Кепа аж подпрыгнул на плаще и тут же скривился от боли. – Это чему ж тут радоваться?! Этому?! – он приподнял и показал Саксуму свои кроваво-зелёные руки.

– Этому, – кивнул декурион. – У тебя сейчас, по крайней мере, три повода для радости. Во-первых, ты живой. А это уже немало! Это всё, – он кивнул на Кепины руки, – мелочи, ерунда! Согласись, раскалённый прут... или чем они тебя там – это всё-таки лучше, чем, понимаешь, меч в кишках или, – он усмехнулся, – смазанный бараньим жиром кол... Во-вторых, ты прошёл проверку. И не абы какую, а проверку огнём. И поверь мне, Такфаринас этого не забудет. Он никогда ничего не забывает. Он не забывает зла, но он всегда помнит и о добре. Недаром в своё время в Гиппо-Регии все звали его Юст... Ну и, в-третьих. У тебя есть ещё один повод для радости. Ты, кажется, хотел быть командиром турмы? Ну так вот, считай, что твоя мечта сбылась.

– Да ладно! – недоверчиво посмотрел на него Кепа. – Шутишь!

– Никаких шуток, – сказал Саксум. – С завтрашнего дня принимаешь командование турмой. Так что учи нумидийский, у тебя там две трети турмы – из местных. А ты, понимаешь, пока всего одно единственное слово по-нумидийски знаешь: «схари».

– Нет, – покачал головой Кепа, – я за вчера и за сегодня много новых слов выучил: «келя», «эулля» и этот... как его... «абег-ги» – шакал по-ихнему... Это они МЕНЯ шакалом называли! Представляешь?! Сунут раскалённую железью в рёбра и орут в ухо: говори! говори, абег-ги! говори!.. – Кепу передёрнуло.

– Ничего... – поднимаясь, сказал декурион. – Ничего... В местном языке есть много и других слов. Хороших... Вот, например, – он показал рукой, – «тінта» – солнце. Или «тамтáк» – лес... Или, к примеру, «терá» – любовь...

Для Саксума установили новый шатёр – в первом ряду от вала, огораживающего центральную часть лагеря.

Войдя в своё новое жилище, декурион обнаружил шикарный толстый сине-красно-жёлтый ковёр, привольно раскинувшийся от стены до стены, два аккуратно свёрнутых, тоже вышитых, одеяла из тонкой шерсти и восемь штук подушек, беспорядочной кучей сваленных прямо посередине шатра. В правом дальнем углу шатра стоял деревянный сундук, рядом с которым Саксум нашёл всё своё вооружение, всю конскую упряжь, включая седло и свою дорожную сумку. На сундуке лежал подарок от Такфаринаса – золочёный кинжал в изумительно красивых ножнах. Рукоять кинжала была выполнена в виде дракона, кусающего свой хвост. Саксум взял кинжал в руки и вынул его из ножен. Лезвие оказалось удивительно острым, заточка была странная, явно не романская, но и не местная, декурион ещё никогда в жизни не встречал такой необычной заточки. Он опробовал нож на одном из подпирающих шатёр шестов, хмыкнул, вложил кинжал обратно в ножны и открыл сундук.

В сундуке обнаружилось ещё несколько одеял и много богатой одежды: льняные, полушёлковые и шерстяные туники, тоги, богато вышитые плащи, отличной выделки котурни, которые, к тому же, оказались декуриону как раз по ноге.

В шатёр просунулась голова Юдада – молодого весёлого нумидийца, одного из двоих назначенных к Саксуму ординарцев. Вторым ординарцем был огромный неповоротливый германец, бывший галерный раб – большерукий, большеногий, большеголовый, с тяжёлой нижней челюстью, но при этом совершенно белобрысый и голубоглазый. Лоб могучего выходца с берегов далёкого Рейна «украшало» выжженное клеймо в виде буквы «F» – от романского «fuga» – «побег». Имя ему было Вихард.

– Командире Саксум чего-ничего надо? – осведомилась голова Юдада.

– Надо, – откликнулся декурион, захлопывая сундук и распрямляясь. – Командире Саксум много чего, понимаешь, надо...

Первым делом он приказал нагреть большой котёл воды, после чего с огромным наслаждением вымылся, переделался во всё чистое и, поужинав горячим «таджинном» – мясом, запечённым в смеси нута и сыра, – который приготовил расторопный Юдад, растянулся на мягком ковре, обложившись со всех сторон подушками.

Было хорошо. Волнения и переживания последних дней улеглись, и сейчас Саксум ощущал только покой и умиротворяющее спокойствие. И ещё – телесную и внутреннюю чистоту. И ещё – тепло в раненом плече, которое угрюмый неразговорчивый Вихард натёр какой-то своей, хитрой и едко, до слёз, пахнущей, мазью.

Вокруг засыпал лагерь. И было немножко странно вот так вот лежать на непривычном ложе, под непривычным пологом нумидийского шатра в стане недавних своих врагов и тем не менее чувствовать себя дома. Он не испытывал этого чувства уже давно. Очень давно. Во всяком случае, за все девять лет своей службы он не испытал его нигде и ни разу. И было странно испытывать это тёплое детское чувство именно здесь – почти на краю мира, за сотни переходов от маленького глинобитного домика на берегу рыбного Кинеретского озера.

Саксум лежал на спине и смотрел вверх – на туго натянутую, полотняную крышу шатра. По крыше двигались странные размытые тени – это вокруг стоящей на сундуке масляной лампадки порхали залетевшие в шатёр ночные мотыльки. И мысли Саксума точно так же, как эти мотыльки, были просты и незамысловаты и парили, порхали, легко перелетая с одного предмета на другой. Только, в отличие от резвых мотыльков, мысли его были вялы и неторопливы.

Он как раз размышлял над тем, надо ли встать и затушить лампадку или уже – бог с ней – пусть себе горит, пока сама не погаснет, когда полог шатра чуть раздвинулся и в образовавшуюся щель проскользнула молодая женщина: высокая, стройная, завёрнутая в светло-зелёное тонкотканное покрывало-тасуварт.

Некоторое время Саксум и нежданная незнакомка молча смотрели друг на друга, а потом женщина быстро размотала тасуварт и сбросила его к своим ногам. Затем – обнажённая – вышагнула из него, как пенорождённая Афродита из прибоя, рассыпала, тряхнув головой, по мраморным плечам роскошные чёрные кудри и низким, чуть хриловатым голосом, от которого декуриона бросило в счастливый жар, произнесла на родном для Саксума языке, на языке, которого он не слышал со дня гибели Ашера:

– Я – Хавива. Меня прислал Такфаринас...

3

– Юст, послушай, – сказал Саксум, – я тебя в сотый раз прошу – передумай! Ещё не поздно! Если мы сейчас отвернём на юг и через Верблюжье Седло уйдём на плоскогорье, то у нас будет свобода манёвра. Мы можем оставить на перевале одну когорту, и она заткнёт его, как пробка кувшин. Долабелле придётся идти в обход, а это – дней двадцать пути, не меньше... Зачем тебе эта Кесария?! Золота тебе мало?! Да бог с ним, с этим золотом! На плоскогорье, понимаешь, тоже есть чем поживиться! Хочешь, пойдём на Юсадён или на Тагафай. Или на Тамесмат. Это всё – богатые города. И ты сам говорил, что они не платят тебе дань... А потом через Вескеру вернёмся в Туггурт... А так мы сами себя загоняем в ловушку! Ну вот, перевалим мы Джурджур, выйдем к Типасе, Птолемей подтянет туда из Кесарии своё войско. А сзади Долабелла со своим легионом нас подождёт. И окажемся мы, понимаешь, как между молотом и наковальней!.. И кстати, откуда ты знаешь, что на уме у Долабеллы? Может, у них с Манием Карзианом ещё какой сюрприз для нас приготовлен. Может, они давно уже гонцов к Тиберию заслали, и сейчас от Испании штук пятьдесят трирем к африканскому побережью идёт. Ты как относишься к десанту в своём тылу? А, Юст?..

Они стояли на склоне горы, поднявшись вверх от дороги примерно на четверть стадия. По дороге шло войско. В отличие от привычной для взгляда декуриона легионерской колонны, где строго регламентировался и неукоснительно выдерживался порядок следования пеших и конных подразделений, вспомогательных частей и обозов, войско Такфаринаса двигалось единым непрерывным потоком, в котором были перемешаны люди, кони, верблюды, маленькие, запряжённые осликами, тележки с нехитрым походным скарбом и огромные, влекомые волами, возы, нагруженные неподъёмными тюками свёрнутых шатров. Рядом, в одной колонне, двигались пешие и конные вооружённые воины, шли безоружные рабы-рабочие, ехали в телегах женщины,

успевающие на ходу ещё и делать какую-нибудь сугубо домашнюю работу – перебирать нут или фасоль или что-нибудь шить-вышивать (в отличие от романской армии, многие мусуламии отправлялись в поход вместе со своими женщинами – кто с женой, а кто и с наложницей-рабыней). Тут же подростки-пастухи гнали небольшие, но многочисленные отары овец. Над колонной стояла пыль, слышался скрип колёс, шорох и шарканье многочисленных ног, крики погонщиков, овечьё бляенье, приглушённый людской гомон.

Рядом с этим нескончаемым потоком, на обочине, в тени огромного раскидистого кедра, паслись оставленные под присмотром негра-раба три совершенно разные нерассёдланные лошади: приземистая гнедая лошадка Такфаринаса; высоченный нисейский, почти безгривый жеребец Саксума – благородного золотистого оттенка; и буланая ширококостная сарматская кобыла сына предводителя мусуламиев Танана. Сам Танан шуршал камнями и хрустел валежником чуть выше и дальше по склону.

– Танан! – крикнул Такфаринас, с беспокойством взглядываясь в покрывающие склон густые заросли можжевельника и розмарина. – Не заходи за гребень! Там осыпи!.. Слышишь?!

– Ладно! – донеслось из-за кустов.

– Юст! – с горечью сказал Саксум. – Мне иногда кажется, что ты меня слушаешь, но совершенно не слышишь.

Такфаринас повернулся к нему.

– Я тебя прекрасно слышу, Симон. Я уже давно выучил наизусть всё, что ты мне говоришь. Мы уже почти месяц в пути, а ты мне изо дня в день твердишь одно и то же: зачем мы идём на Кесарию?! давай не пойдём на Кесарию!.. – Такфаринас вздохнул. – Ты пойми, я ведь рвусь в Кесарию не из-за золота Птолемеев. Плевать мне на это золото! Я просто хочу, наконец, закончить эту, давно опостылевшую всем, войну!.. Ты видишь вон те руины?.. – Такфаринас указал беспалой рукой на жёлто-чёрные оплывшие развалины стадиях в десяти дальше по дороге. – Это – Авзея. Была Авзея. Столица изавиёнов. Они предали меня и поплатились за это. Как видишь, я уже бывал в этих краях. Я уже один раз шёл на Кесарию. Два года тому назад. Тогда там правил Юба Второй... Предательство вождей изавиёнов стоило мне тогда двух когорт и месяца времени. Пока я возился с Авзеей, пока я вешал и сажал на колья подлых изменников, Квинт Юний Блез сбил мои заслоны на горных дорогах и вышел в долину, а его сын со вторым легионом уже шёл от моря через Джурджур. А конница Юбы стояла на том берегу Шеліфа. И мне пришлось уходить через Верблюжье Седло на плоскогорье... – он помолчал. – Я тогда как раз и оказался, как ты говоришь, между молотом и наковальней. Чуть ноги унёс...

– Ну вот, видишь! – воскликнул Саксум. – Зачем ещё раз испытывать судьбу?!

– Судьбу?! – вскинул голову Такфаринас. – Да я всю жизнь только тем и занимаюсь, что испытываю судьбу!.. – он взял декуриона за локоть. – Послушай, Симон, я об этом никому не говорил – да о таком и не следует никому говорить! – но раз уж у нас с тобой такой разговор... Помнишь гору, у подножия которой стоит Туггурт? Ты, наверняка, слышал, что она называется Тидір. Но у этой горы есть и другое название, очень древнее. Её называют Ардár-Дамалутён – Гора Теней. С той стороны горы много пещер. Там испокон веков хоронили умерших. Там лежит мой отец. И мой дед. И дед моего деда... Я ходил туда накануне похода. Я провёл в пещере ночь. Я спрашивал духов моих предков – что ждёт меня? Как мне следует поступить? И духи ответили мне!.. – он отпустил локоть Саксума и, глядя прищуренными глазами вдаль, принялся привычно тереть искалеченную ладонь. – Когда я на рассвете вышел из пещеры, первое, что я увидел, был орёл. Он летел на восток! В сторону встающего солнца! Это – добрый знак, Симон! Это – знак, который подали мне мои предки! Они как бы сказали: «Дерзай, Такфаринас! Ничего не бойся! Удача будет сопутствовать тебе!» – Такфаринас замолчал и перевёл дух.

– И?.. – выждав некоторое время и не дождавшись продолжения, спросил Саксум.

– Что? – «очнулся» Такфаринас и посмотрел на декуриона.

– И ты после этого решил идти на Кесарию?

– И после этого я решил ИДТИ! – твёрдо сказал Такфаринас. – Идти до конца. А конечный пункт моего похода, как ты знаешь, – Кесария. И семь лет назад, и два года назад, и сейчас – Кесария!

Саксум в затруднении потёр ухо.

– Знаешь, Юст, – тщательно подбирая слова, сказал он, – я, конечно, уважаю твоих предков – я очень уважаю твоих предков! – но... Строить свои планы, исходя из столь... м-м... ненадёжного посыла... из какого-то орла, пусть даже и летящего, понимаешь, в сторону встающего солнца, это

как-то... Согласись, ставить на кон всё – свою жизнь, жизни тысяч людей, которые пошли за тобой, поверили тебе... Наконец, ставить на кон успех всего предприятия, дело всей твоей жизни... Ставить всё на кон, опираясь на столь... неоднозначный... неоднозначную примету – это несколько не... недальновидно. Ты не находишь?

– Что ты хочешь этим сказать? – подозрительно спросил Такфаринас.

– Я хочу этим сказать... Ну, хотя бы вот что. Откуда ты знаешь, чего хотят духи твоих предков? Безусловно, они хотят тебе добра! Но... Что они понимают под добром, ты знаешь? Что в их представлении является добром?.. Может, они просто соскучились по тебе и хотят тебя побыстрее увидеть? И тогда, в их понимании, добром является... твоя скорейшая смерть! Разумеется, доблестная! На поле боя! Но... смерть. Понимаешь?

Такфаринас с любопытством взглянул на декуриона.

– Вот что мне в тебе всегда нравилось, Симон, – сказал он, улыбаясь, – так это твоё своеобразное мышление. Умеешь ты, как говорится, вывернуть проблему наизнанку... Нет, правильно я сделал, что взял тебя в штаб. Правильно!

– Ты очень правильно сделал, Юст, что взял меня в штаб, – сказал Саксум. – И я сейчас, как заместитель начальника штаба, тебе ещё раз повторяю: давай уйдём из этой мышловки через Верблюжье Седло! Пока, понимаешь, не поздно!

Такфаринас рассмеялся:

– Симон, ты нудный, как мой тесть! Он, когда приходит на базар, от него все продавцы прячутся. Однажды он попал на такого же, как и он сам, зануду. Так они из-за одного бронзового кодранта полдня спорили! Охрипли оба. И так и не договорились!..

– Слушай, Юст!.. – начал было декурион, но Такфаринас прервал его.

– Подожди!.. Послушай меня. Я думаю, теперь уже можно это сказать... Ты, конечно, прав, когда говоришь, что нельзя строить свои планы, опираясь даже на самые добрые приметы. И хорош бы я был, если бы строил свои планы и принимал решения, исходя только из одних примет!.. Нет, Симон! На этот раз всё по-другому! Совсем по-другому!.. Помнишь, четыре дня назад ты был возмущён тем, что Мазиппа увёл своё войско?

– Ещё бы! – подтвердил Саксум. – Я и сейчас возмущён! Больше тысячи всадников! Я до сих пор не понимаю, почему ты позволил Мазиппе уйти?!

– Ну, во-первых, я не могу что-либо позволять или не позволять Мазиппе, – усмехнулся Такфаринас. – По той простой причине, что он – мой брат. Ты не знал? Так вот. Мазиппа – мой двоюродный брат. К тому же он – сын старшего брата моего отца. И он сам старше меня. И поэтому я не могу ничего ему приказывать или запрещать. Я могу с ним только договариваться. Это – во-первых... А во-вторых... Мазиппа ведь не просто так ушёл. Мы с ним очень точно всё обговорили. Он ушёл в район солончаков, чтобы дожидаться там, когда мимо него пройдёт легион Долабеллы. А потом отрезать ему дорогу к отступлению. Мы не пойдём дальше на Кесарию, Симон. Пока не пойдём. Сегодняшнюю ночь мы проведём здесь, под Авзеей, а завтра мы развернёмся и пойдём назад, навстречу Долабелле. До него сейчас два дневных перехода. Он считает, что дышит нам в затылок. А мы повернёмся к нему лицом! И ударим! А сзади, в тыл, ему ударит конница Мазиппы! Это Долабелла окажется между молотом и наковальней! Понимаешь?!

– Подожди! – Саксум потряс головой. – Ты что, надеешься одолеть легион Долабеллы в открытом бою?! У нас сейчас около восьми тысяч воинов. Из них только половина действительно что-то представляют собой как бойцы. Остальные – так, заготовки, чучела для отработки учебных приёмов! И ты всерьёз надеешься разбить с их помощью шесть тысяч закалённых в боях легионеров?! Ты в своём уме?!.. Даже если Мазиппа ударит Долабелле в тыл, это не решит исход сражения! Да всю конницу Мазиппы остановит одна когорта! А остальные девять когорт пройдут по нашему войску, как, понимаешь... хорёк по курятнику!

– Не горячись, Симон, – улыбнулся Такфаринас. – Ты просто не владеешь всей обстановкой. Прости, но я никому не мог доверить всё... Для начала – у Долабеллы сейчас не шесть тысяч бойцов. Две его когорты ещё от Куикула отвернули к морю. Я полагаю, Долабелла решил закрыть нам проход через Джурджур. Поэтому за нами сейчас идёт только восемь когорт. Плюс две неполных алы кавалерии. Но кавалерия, в основном, вся распылена – на разведку, фланговое и тыловое прикрытие – вряд ли её удастся в нужный момент собрать в единый кулак... Но и это ещё не самое главное!.. – Такфаринас придвинулся ближе к декуриону и понизил голос. – Самое главное в другом... Я бы вообще не затевал всю эту кампанию, если бы не был уверен в поддержке со стороны мавританских племён. Согласись, соваться в Мавританию, не договорившись с

вождями местных племён, – несколько самонадеянно. И та, двухлетней давности, история с изавиенами – тому лишь подтверждение... Но теперь всё по-другому! Мне удалось договориться с вождями лекбаёлов, менаба́ и мту́га. Чего мне это стоило – это отдельный разговор. Но мне удалось с ними договориться! Они выставляют объединённое войско. Три тысячи всадников! Своих лучших воинов! И эти три тысячи всадников идут сюда! Я жду от них известия в ближайшие несколько часов. Теперь ты понимаешь?!.. Я дам Долабелле бой! Завтра, а может, даже сегодня у меня будет почти двукратный перевес над Долабеллой! Плюс конница Мазиппы у него в тылу. Я выиграю этот бой, Симон! А потом пройду через Джурджур и сомну оставшиеся две когорты Третьего легиона! Ты говоришь – десант?! Плевать! Пусть высаживаются! Пятьдесят трирем, семьдесят – всё равно! Я сомну и десант! И я не думаю, что после того, как я разгромлю легион Долабеллы, мне придётся штурмовать Типасу или Кесарию – Птолемей сам откроет предо мной ворота своей столицы! И, между прочим, ещё долго будет уговаривать меня войти. И вот тогда!.. Вот тогда мне и пригодится всё золото Птолемеёв!.. Я поставлю под одно знамя все мавританские и нумидийские племена, все – от мыса Ма́гнум до Большого Сирта! А когда я сделаю это, тогда я буду говорить с кесарем Тиберием по-другому! Совсем по-другому!.. Я в позапрошлом году ведь уже отправлял Тиберию послание. Я просил у него отделить для моего народа часть Нумидии – совсем небольшую часть! – чтобы мы могли жить на ней спокойно и мирно, как веками жили здесь наши предки. Тиберий не захотел со мной разговаривать и натравил на меня легионы Юния Блеза... Но теперь всё будет по-другому! Теперь я буду диктовать условия императору Тиберию! И теперь меня уже не устроит маленькая часть Нумидии! Теперь мы будем разговаривать с Тиберием обо всей Нумидии целиком! Да ещё и обо всей Мавритании в придачу!..

– Ты всерьёз полагаешь, что кесарь оставит Нумидию в покое? – спросил Саксум. – Что он проглотит обиду и спокойно станет глядеть из РOME, как на однажды отвоёванных им землях хозяйничает, понимаешь, какой-то бывший командир турмы, а ныне изменник и бандит? Так, кажется, тебя «величают» в РOME?

– Нет, конечно, – усмехнулся Такфаринас. – Я прекрасно знаю, что Тиберий не прощает обид. И я понимаю, что нас вряд ли оставят в покое... Но ведь есть же прекрасный пример! Германцы! Они разбили легионы Квинтилия Вара, и романские войска больше не смеют соваться за Рейн. А ведь германские земли гораздо привлекательнее для РOME, чем наши. У нас здесь ведь нет железных и серебряных руд, как в Германии. У нас нет золотоносных жил, как в Испании или в Армении. Или в той же Галлии... Я надеюсь на то, что в РOME умеют считать деньги. И практические доводы там в конце концов возобладают над имперскими амбициями. РOME нужен металл и рабы. Металла здесь нет. А насчёт исправной поставки рабов... Я думаю, мы с Тиберием сможем договориться на этот счёт. К нашей обоюдной выгоде... Африка большая. Здесь есть, где брать рабов.

– Ох, не знаю, не знаю... – в сомнении покачал головой декурион.

Зашуршали кусты, и на поляну выскочил Танан – хрупкий пятнадцатилетний подросток с нежным, почти девичьим лицом, ни единой своей чертой не напоминавшим как будто вырубленное из камня лицо своего отца. Танан был явно взволнован, щёки его горели румянцем, глаза возбуждённо блестели.

– Ти!.. Ти!.. Энхí оудадэн! – звонко крикнул он, указывая рукой куда-то себе за спину. – Шáри доудадэн!

– Схари, Танан! – сказал Такфаринас. – Но я ведь просил тебя говорить по-романски.

– Ладно! – кивнул Танан и опять заторопился. – Отэц! Можно моя брать твоя лук и... эта... ин-дербатэн.

– Стрелы, – подсказал Такфаринас.

– Эулла! – кивнул Танан. – Стрэлы. Можно? Моя... эта... быстро! Ад-анрэр-тэн! Моя убивать эта... оудад!

– Козёл, – опять подсказал Такфаринас. – Горный козёл.

– Эулла! – нетерпеливо притопнул ногой Танан. – Казол. Можно?!

– Можно, – улыбнулся Такфаринас. – Только, я прошу тебя, за гребень не заходи – там опасно!

– Ладно!.. – крикнул Танан – он уже сыпался вниз по склону. – Моя за грэбэн не ходи!.. Ладно!

– Учишь сына говорить по-романски? – спросил декурион. – Полагаешь, это ему пригодится? Ты же не хочешь видеть романцев на своей земле.

Такфаринас чуть помедлил с ответом.

– Рома существует уже почти восемь веков, – наконец сказал он, щурясь и потирая правый кулак левой ладонью. – И, судя по размаху империи, будет существовать как минимум ещё столько же. С этим нельзя не считаться. Всякий образованный человек в нынешнем мире должен знать романский язык. Иначе он обрекает себя на самоизоляцию.

– Готовишь сына на царский трон? – улыбнувшись, спросил Саксум. – Вместо Птолемея?

– Ни в коем случае! – сейчас же откликнулся Такфаринас. – И сам этот трон не займу!.. Пусть правят те, в чьих жилах течёт царская кровь. Иначе не избежать междоусобицы и кровавой драки за власть, – он хитро улыбнулся. – Меня вполне устроит маленькая должность наместника Нумидии... Ну, или, к примеру, главнокомандующего объединёнными войсками Нумидии и Мавритании.

Декурион рассмеялся:

– Очень маленькая должность! Почти незаметная!..

– Саксум!!.. Эй, Саксум!! – слышалось снизу.

Из-под веток могучего кедра выскочила и засуетилась фигурка человека в ярко-красном плаще.

– Что?!! – крикнул декурион. – Чего тебе, Кепа?!!

Фигурка призывно замахала руками:

– Саксум!! Скорей!!.. Спускайся!! Есть новости!!

– Что-то случилось, – сказал декурион Такфаринасу, и они вдвоём стали торопливо спускаться по крутому склону, прыгая с камня на камень и хватаясь за ветки кустов.

– А сын совсем не похож на тебя, – оглянувшись и на мгновение останавливаясь, сказал Саксум. – Наверное, в мать?

– Да... – кивнул Такфаринас. – В мать... Она была очень красивая.

– Была?

– Да... – Такфаринас тоже на мгновение остановился. – Её убили. Вместе с моим младшим сыном.

– Прости, – сказал Саксум. – Я не знал...

– Ничего... – отозвался Такфаринас, он уже опять прыгал вниз по склону. – Это уже было давно... Шесть лет назад!

– Прости! – снова сказал декурион и поспешил следом.

Внизу, приплясывая от нетерпения, их ожидал Олус Кепа. Помимо ярко-красного гвардейского плаща, на нём был надет надраенный до нестерпимого блеска торакс с распластанным на груди могучим золочёным орлом и шлем с поперечным – кентурионским – гребнем. Торакс показался Саксуму знакомым. Помнится, точно в таком же любил разъезжать по Тубуску трибун-лактиклавий Гай Корнелий Рет. Торакс был Кепа явно велик. Несмотря на то, что бывший помощник декуриона, а теперь командир турмы разведчиков, затянул до упора все имевшиеся на тораксе ремни, панцирь сидел на нём, как конское седло на молодом ослике. При желании в промежутки между нагрудной частью торакса и тщедушным телом свежее испеченного прима можно было бы всунуть ещё одного такого же Олуса Кепа. Впрочем, ниспадающий с Кепиных плеч роскошный плащ по большей части скрывал все недостатки амуниции, и, в общем и целом, командир турмы разведчиков смотрелся очень даже внушительно.

– Кепа! – завидев увенчанного имперским орлом своего бывшего помощника, расхохотался декурион. – Ты неисправим! Где ты взял этот торакс?! И шлем! Настоящий кентурионский шлем!

– А что? – самодовольно оглядывая себя, сказал Кепа. – Выиграл. В «чёт-нечёт». Правда, красиво?!

– Красиво! Да! – тут же откликнулся Танан, с нескрываемой завистью глядя на командира разведчиков; он уже держал в руках лук и колчан со стрелами, но почему-то медлил уходить. – Моя такой хотеть! Моя стать воин – такой носить!

– Вот видишь! – воскликнул Кепа, указывая Саксуму на юношу. – Народ понимает истинную красоту!

– Народ!.. – хмыкнул декурион. – Ладно, давай выкладывай, что там у тебя? Что за срочность?

Кепа опять оглянулся на Танана, но теперь уже нетерпеливо. Такфаринас повернулся к своему сыну:

– Ты чего ждёшь, Танан? Поспеш! А то упустишь свою добычу!

– Эта... – нерешительно сказал юноша. – Моя спросить.

– Спрашивай.

– Ты! – ткнул Танан луком в сторону декуриона и сильно покраснел. – Твоя звать Симон. Почему он, – Танан перевёл лук в сторону Кепа, – почему он звать тебя не так? Почему он звать тебя... эта... Саксум? Почему?!

– Ну, потому что у меня два имени, – сказал декурион. – Понимаешь? Родители назвали меня Симоном. А в легионе солдаты прозвали Саксумом. Саксум – это прозвище. Отец ведь тоже иногда называет тебя «агилас» – леопард. Я слышал.

– Эта... потому, что моя быстро бегать и... эта... моя ловкий, – не без гордости сказал Танан. – А что есть Саксум? Моя хотеть знать.

– Экеди, – вмешался в разговор Такфаринас. – Саксум – это значит экеди.

– О-о!.. – уважительно протянул Танан. – Экеди! – он показал рукой в сторону недалёких скал. – Большой человек! Твёрдый человек! Моя понимать!

– Ну ладно, беги! – сказал ему отец. – Горный козёл ждуть тебя не будет!

– Да! – воскликнул Танан. – Моя бежать!

Он сорвался с места.

– Подходи к нему против ветра! – крикнул ему вдогон Такфаринас. – Слышишь?! Чтоб он тебя не учуял!

– Ладно! – не оглядываясь, крикнул на ходу Танан.

– Ну! Что там у тебя?!

– Говори! – одновременно повернулись к Кепа Саксум и Такфаринас.

– За рекой всадники, – негромко сказал Кепа, тревожно переводя взгляд с одного своего собеседника на другого. – Много всадников. Несколько сотен как минимум. Не наши. Судя по одежде и оружию, – мавританцы.

– А?! Что я тебе говорил?! – повернулся к Саксуму Такфаринас, и в его голосе зазвенело торжество. – Они пришли! Как и договаривались!.. Ну что, Долабелла, – на лице вождя мусуламиев проступило злорадное выражение, – теперь повоюем?! Теперь посмотрим, кто кого завяжет в мешок?!.. Это – свои! – объяснил он Кепа, всё ещё непонимающе хлопающего глазами. – Это – армия мавританцев. Они – за нас... Слушай меня внимательно! Сейчас же найди Фертора Лэта и вместе с ним отправляйся к ним. Реку переходите выше развалин. Возле обгоревшего кедра. Увидите. Там брод... У мавританцев найдёте Амезвара – он у них главный – скажете, вас отведут. Пусть Фертор Лэт объяснит ему ситуацию, даст расклад: кто где – где Долабелла, где мы, где ещё две когорты, где Птолемей – короче, всё! Понял? – Кепа кивнул. – Завтра с утра пусть переправляются на этот берег. Прямо с рассветом. Без промедления! Скажешь Амезвару: Такфаринас передаёт своё почтение и просит действовать без промедления. На! Вот это отдашь ему... – Такфаринас вынул из седельной сумки и вручил Кепа буллу – крохотный папирусный свиток со свисающей с него на шнурке свинцовой лепёшкой, на которой была оттиснута фигурка конного воина. – Всё понял?.. – Кепа опять кивнул. – Всё! Тогда давай, не задерживайся!

Кепа бережно принял буллу, сунул её под торакс и, не без лихости взлетев в седло, рванул коня с места в галоп.

– Толковый парень, – провожая глазами быстро удаляющегося всадника, отметил Такфаринас. – Форсить только уж очень любит. Но ничего, это – от молодости. Это пройдёт.

– Пройдёт, – согласился с ним Саксум. – На мой взгляд, командирство пошло ему на пользу. Серьёзней он стал. Гораздо серьёзней. Да и болтать, понимаешь, стал меньше. Так что спасибо тебе!

– Кстати, как там моя Хавива, моя тинтадефи? – неожиданно спросил Такфаринас. – Что-то я её давненько не видел.

– А что? – тут же насторожился декурион. – С ней всё в порядке. Надеюсь, ты не собираешься забрать её обратно?

– Да нет, что ты! – рассмеялся Такфаринас. – Подарки назад не забирают. Хорош бы я был, если бы отбирал уже подаренное!.. Мне сказали, что вы поладили. Хорошо поладили. Это так?

– Да... – несколько смущённо ответил Саксум. – Так... Мы ведь, понимаешь, всё-таки земляки. Так что нам было просто поладить... Она хорошая девушка... Мы поладили... Да...

Такфаринас не прерывал, продолжая молча смотреть на декуриона. Саксум почувствовал, что у него запылали уши.

– Мне кажется, – улыбаясь, сказал наконец Такфаринас, – что каменное сердце Саксума дало трещину. Поправь меня, если я ошибаюсь.

– Ладно тебе, Юст, – смущённо отмахнулся декурион. – Ты меня, понимаешь, прям как мальчишку, в краску вогнал.

– По-нашему это называется «тера» – любовь, – сказал Такфаринас.

– Я знаю, – ответил декурион и, посмотрев на улыбающегося вождя мусуламиев, тоже широко улыбнулся. – Знаю...

– Обними меня, – шёпотом попросила Хавива.

Она лежала, прижавшись к нему всем своим долгим жарким телом, и Саксум чувствовал у себя на щеке её горячее дыхание.

Саксум повернулся на бок, лицом к подруге, и крепко обнял её. Их губы встретились.

– ...Подожди... – сказала Хавива. – Постой... Не сейчас.

– Почему?

Она помолчала, перебирая волосы у него на затылке; Саксум ждал, закрыв глаза, вдыхая сладковато-мускатный запах её пота.

– Мне страшно, Шимон, – наконец шепнула Хавива.

– Почему?

– Не знаю... Мне так хорошо! Как в детстве. Так покойно... Я никогда, ни с кем не чувствовала себя так спокойно, как с тобой... Только с мамой. В детстве. И мне страшно, что всё закончится... Как тогда...

Хавива была младшим ребёнком в семье небогатого купца из Ципори. Ей было семь лет, когда в их дом пришли солдаты.

Отца и старшего из братьев, большого и улыбчивого Нахума, зарубили прямо на пороге. Остальных детей выволокли из дома, связали одной толстой верёвкой и куда-то погнали, подгоняя тычками страшных зазубренных пик. Кинувшуюся вслед за детьми мать один из солдат ударил плашмя мечом по голове и оставил лежать в пыли – маленькую, съёженную, заматаемую несущимся вдоль улиц горящего города чёрным летучим пеплом.

Первый раз им дали поесть только через три дня. К тому времени их, вместе с огромной толпой пленников – тоже, в основном, детей и подростков, – уже пригнали в какой-то большой город на берегу моря и держали в огромном складском помещении – гулком, пропахшем кожей, с настёрно шуршащими и нагло шныряющими повсюду большущими увёртливыми крысами.

А потом их стали сортировать по возрасту и грузить на корабли, и больше она уже никогда не видела своих братьев и сестёр.

Следующий кусок жизни она провела в тесном тёмном вонючем трюме, в мире копошащихся, плачущих, кричащих, дерущихся за чёрствую корку хлеба, неподвижно и страшно лежащих под ногами, детей. Этот мир постоянно качало: то едва-едва, убаюкивающе, то истово, швыряя их друг на друга, заставляя визжать от страха и вцепляться друг в друга – в одежду, в мокрые скользкие холодные руки, в грязные спутанные волосы.

А потом качка прекратилась, трюм распахнули, и они все ослепли от хлынувшего вниз нестерпимо синего света.

Затем их куда-то везли на телегах, потому что идти из них уже почти никто не мог. А потом был пёстрый шумный многоголосый рынок, где какие-то злобные дядьки и тётки громко и непонятно кричали, щупали твёрдыми цепкими пальцами их руки и ноги, заставляли открывать рты, копались в волосах.

Только спустя много месяцев она узнала, что живёт в столице Великой Империи – РOME.

Последующие шесть лет ей особо ничем не запомнились. Она жила с прислугой в большом каменном доме, в центре города, на шумной, оживлённой улице Аргилётум. Их хозяином был Гней Корнелий Кинна – пожилой добродушный патрисий, казалось, никогда и ни на кого не повышавший голос. В обязанности Хавивы входила уборка помещений. Дом был большой, комнат в нём было много, и малолетняя рабыня никогда не оставалась без дела.

Когда Хавиве исполнилось тринадцать, её «повысили в должности», назначив «согревающей постель». И хотя престарелый Кинна больше действительно интересовался ею как грелкой, чем как женщиной, она через два года всё-таки родила от него мальчика. Ребёнок родился маленький, слабенький, он даже не плакал, а лишь тихонечко попискивал и прожил на этом свете всего пять дней. Она даже не успела к нему толком привыкнуть и поэтому почти не плакала, когда он умер.

Потом ещё в течение пяти лет не происходило ничего примечательного. Жизнь текла однообразно и размеренно. А потом умер хозяин дома. Как это часто водится, долгов у него оказалось больше, чем нажитого имущества; всё – дом, мебель, рабы – пошло с молотка, и Хавива оказалась сначала в Неаполе, потом – в Сиракузах, а потом – в Нумидии, куда её привёз купец-грек с целью перепродажи в луперкалий в быстро растущем за счёт легионеров-отставников Тамугасе.

Однако в Тамугас она не попала – обоз, в котором ехала Хавива и ещё несколько таких же несчастных, был взят с боем людьми Такфаринаса.

Ей повезло, она не пошла по рукам, как другие захваченные вместе с ней рабыни, и не была продана дальше на юг – страшным чёрным людям, приходящим из-за пустыни, а почти сразу угодила в шатёр к вождю мусуламиев. Впрочем, пользовался услугами своей «тинтадефи» – «медовой» (так он окрестил её в первую ночь) Такфаринас не часто – в шатре у «Великого Вождя» наложниц-рабынь хватало и без неё. Четыре года она прожила в Туггурте, четыре года ходила за водой, готовила еду, ткала, вышивала, доила верблюдиц, четыре года – до того самого вечера, когда Такфаринас, в очередной раз позвав её к себе, не стал, как это всегда бывало прежде, медленно снимать с неё одежду, что-то тихо и жарко шепча при этом на чужом языке, а приказал немедленно идти в новый шатёр, сразу за валом, – «...к дорогому гостю, твоему, между прочим, земляку»...

– Мне страшно, Шимон, – сказала Хавива.

Саксум медленно провёл рукой вдоль по её телу – по тёплому ребристому боку, через ложбинку талии, по крутому взлёту прохладного гладкого бедра – потом прикоснулся губами к носу подруги.

– Скоро всё кончится, – шёпотом сказал он. – Такфаринас открыл мне большую тайну. Скоро войне конец. Совсем скоро. Две, три недели – и всё. И не будет ни войны, ни крови, ни страха... Знаешь что, – сказал он, – а давай, когда всё это закончится, поселимся в Кесарии. Или в Гиппо-Регии... Или в Тапаруре. Главное, чтобы на берегу моря. Представляешь, как это здорово: утром встаёшь, а за окном – море!.. Лодку купим. Большую. С парусом. Я буду уходить в море за рыбой, а ты станешь ждать меня на берегу.

– Я тоже хочу ходить с тобой в море!

– Подожди, – сказал Саксум, – если ты будешь ходить со мной в море, с кем тогда будут оставаться дети?

– Какие дети? – удивилась Хавива.

– Как какие?! Наши, разумеется! У нас же, понимаешь, будет целая куча детей! По крайней мере, три мальчика у нас будут точно! Насчёт девочек – не знаю, это на твоё усмотрение.

– Ну тогда и три девочки! – строго сказала Хавива. – Чтоб было поровну.

– Хорошо, – сказал Саксум, – Договорились.

Хавива потёрлась носом о его подбородок.

– Мне так хорошо с тобой!.. Мне кажется, что когда ты рядом, со мной ничего плохого случиться просто не может.

– Так оно и есть, – сказал Саксум. – Я тебя никому в обиду не дам.

– Шимон, – шепнула Хавива.

– М-м?

– Ты знаешь... – она помедлила. – Я ведь никогда в жизни никому не говорила этих простых слов: «Я тебя люблю». Никогда и никому. Представляешь?!.. Даже маме своей не говорила. Ни разу... И папе тоже не говорила. И Нахуму. А я ведь его очень любила! Почти как маму!.. И никому из сестёр и братьев тоже не говорила... Странно, да?.. Шимон!

– Что?

– Я... тебя... люблю!

Саксум улыбнулся и губами нашёл губы Хавивы.

– А у меня совсем всё наоборот, – через какое-то время сказал он. – Я слишком часто говорил: «Я тебя люблю». Любой, понимаешь, шлюшке из лупанария мог спокойно это сказать. Запросто!.. Наверное, потому, что не понимал истинный смысл этих слов...

– А теперь? – спросила Хавива.

– А теперь понимаю... – тихо сказал Саксум. – И... знаешь, что?

– Что?

– Я... тебя... люблю!

Хавива счастливо рассмеялась и вновь припала к его губам.

Потом он перевернул её на спину.

– Шимон!.. – задыхаясь, шептала Хавива. – Шимон!..

– Тебе так хорошо?.. – спрашивал он, поцелуями опускаясь всё ниже и ниже по её телу. – А так?.. А так?..

– Да!.. – шептала Хавива, вцепляясь пальцами в его волосы. – Да!.. Да!.. Да!..

Саксум проснулся оттого, что кто-то задел растяжку шатра. Собственно, ничего удивительного в этом не было – шатры стояли тесно, проходы между ними были узкими, невидимых в темноте верёвок пересекало эти проходы великое множество, так что ничего сверхъестественного как раз не усматривалось в том, что вылез по нужде из своего шатра какой-нибудь сонный ротозей, втюхался, понимаешь, сослепу в растяжки, самую малость не навернулся, выругался шёпотом и поковылял себе дальше, растыка этакая, бормоча себе под нос невнятные проклятия, зевая и почёсываясь. В другой раз Саксум на такое плёвое событие и внимания бы никакого не обратил, перевернулся бы на другой бок и – трава не расти! Да чего там! В другой раз он от такого пустяка и вовсе бы не проснулся – спал декурион ещё со времён своей легионерской юности очень крепко. Но тут Саксум открыл глаза и понял, что сон ушёл. То есть совсем! Спасть не хотелось совершенно! Он откинул одеяло и сел. Было тихо. Только мерно дышала во сне Хавива да из какого-то соседнего шатра доносился негромкий посвистывающий храп. Саксум встал, стараясь двигаться бесшумно, нащупал свою тунику, надел её, влез в котурни и, откинув полог, вышел из шатра.

Светало. На востоке, на зеленоватом фоне светлеющего неба отчётливо вырисовывались острые гребни далёкого горного хребта. На западе же ещё было совсем темно, там горы угадывались лишь по чёрным провалам в густой россыпи голубоватых мерцающих звёзд. Тянуло предутренним прохладным ветерком. Саксум поёжился. Ему вдруг показалось, что откуда-то донёсся еле слышный протяжный многоголосый крик: «А-а-а-а!..» Декурион прислушался. Некоторое время было тихо, а потом ветер опять принёс едва слышное протяжное: «А-а-а-а!..» Звук доносился, похоже, с севера. Обзора в ту сторону не было: там как раз стоял высоченный шатёр Такфаринаса.

Саксум двинулся в обход и, поплутав какое-то время между шатрами, вышел к земляному валу, опоясывающему внутренний лагерь. Здесь почему-то было ещё темнее и всё ещё пахло свежеразрытой землёй. На валу декурион обнаружил одного из охранников – часового внутреннего караула. Тот – чёрным неподвижным силуэтом – торчал на фоне звёздного неба и, вытягивая шею, всматривался в северном направлении.

– Что там? – тихо окликнул его Саксум.

Часовой оглянулся.

– Нихрена не видать! – в сердцах сказал он и сплюнул сквозь зубы. – Темень, зараза!

– А ты тоже что-то слышал?

– Да вроде слышал, – откликнулся часовой. – То ли кричит кто. То ли чудится... А может, шакалы, заразы, воют. Нихрена не разобрать! – он опять сплюнул. – А ты что слышал?

Саксум не ответил и двинулся дальше, вдоль вала. Пройдя ещё шагов пятьдесят, он упёрся в громоздящиеся, чуть белеющие в темноте, развалины старой городской стены, органично включённые в оборонительный вал, и стал взбираться наверх по осыпающейся под ногами, сложенной когда-то очень давно из крупных блоков известкового туфа, кладке. Добравшись до верха, он распрямился и огляделся. Во все стороны, насколько хватало глаз, уходили разновеликие, тесно стоящие шатры. На западе, за шатрами, угадывалась во тьме чуть поблескивающая тусклыми оловянными бликами река. Ветер наверху был ощутимей, он дул с востока, где горизонт напоминал пасть невообразимо огромного зверя: нижнюю челюсть его образовывали неровные чёрные клыки горного хребта, а верхнюю – тесно сжатые с ними, голубовато-зелёные у основания и уже ярко жёлтые на остриях «зубы» быстро светлеющего неба.

«А-а-а-а!..» – опять послышалось Саксуму. Он повернул голову и взгляделся в северном направлении. Что-то там происходило. Какие-то оранжевые искорки медленно двигались там над крышами шатров, плавно, очень плавно опадая с тёмно-серого фона гор вниз – в непроглядную тьму. «А-а-а-а!..» – донеслось уже более отчётливо, и вдруг там, вдалеке, где медленно падали странные оранжевые искры, вдруг вспыхнул и стал разгораться один из шатров. Спустя мгновение длинный язык пламени взметнулся вверх, осветив ярким жёлтым светом всё вокруг, и на

проступившем из темноты далёком горном склоне стали отчётливо видны маленькие чёрные точки, непрерывным потоком, неисчислимым муравьиным полчищем, страшно и неотвратимо ползущие вниз – к лагерю. Саксум почувствовал, как у него на загривке зашевелились волосы.

– Тревога!!!.. Подъём!!!.. Тревога!!!.. – изо всех сил заорал он, кубарем скатываясь со стены.

Он помчался к своей палатке, а из шатров уже выскакивали встрёпанные полуодетые люди, зазвякало оружие, послышались невнятные выкрики, отрывистые команды, спросонья хрипло хрюкнула и тут же, поправившись, гулко загудела сигнальная труба. Откликаясь, вразнобой заблеяли за валом гнусавые рожки манипулов.

– Юдад! – закричал Саксум, подбегая. – Коня!

Растрёпанный сонный Юдад виновато развёл руками:

– Нет коня, командире Саксум! Весь конь – на пастбищ, там! – он махнул рукой. – Сама приказал, командире Саксум!

Декурион свирепо глянул на него.

– Ноги – за спину и бегом! Стрелой лети! Чтоб кони были! Ну! Пошёл!!

Юдад опрометью кинулся прочь.

В палатке уже горела масляная лампадка. Хавива, в накинутом на плечи одеяле, стояла очень прямая, очень бледная и огромными чёрными глазами испуганно смотрела на вбежавшего Саксума.

– Помоги! – коротко бросил он ей и стал спешно облачаться в кольчугу.

Хавива, не говоря ни слова, принялась затягивать на нём ремни. Пальцы у неё дрожали.

– Ничего! – сказал ей Саксум. – Отобьёмся... Ничего...

Он всунулся в перевязь, затянул пояс, надел шлем и, схватив щит, кинулся из шатра.

– Шимон!! – отчаянно крикнула Хавива.

Он остановился.

– Ничего не бойся, – сказал он ей, глядя в её, полные отчаянья, глаза. – Из шатра не выходи. Жди меня здесь... – он шагнул назад и, обхватив её за плечи, крепко, до боли поцеловал в губы. – Я вернусь! Слышишь?! Обязательно вернусь!..

– Саксум!! – донеслось снаружи. – Саксум – к Такфаринасу!! Срочно!!

– Я вернусь!.. – сказал он ей, уже отрываясь от неё и уже двигаясь от неё к выходу. – И помни, Хави, я люблю тебя!

– Шимон!!.. – раненой птицей вскрикнула Хавива, но он уже отдёргнул полог и выскочил наружу.

И сразу столкнулся с одним из ординарцев Такфаринаса – Аманаром.

– К Такфаринасу!.. Срочно!.. – повторил запыхавшийся Аманар. – Он там – у главных ворот.

– Вихард! – крикнул Саксум своему второму ординарцу. – Давай за мной!

Главные ворота были распахнуты. Через них взад и вперёд сновали вооружённые люди. Несколько солдат спешно устанавливали на дороге перед воротами большие «ежи», связанные из остро заточенных кольев. Чуть дальше несколько командиров турм, надсаживая глотки, пинками и кулаками загоняли в строй полуголых огрызающихся мусуламиев, не привыкших к пешим порядкам и, вероятно, чувствующих себя очень неудобно без своих верных боевых коней.

Такфаринас приветствовал декуриона кивком головы.

– У тебя тоже все кони на выпасе?

– Да, – сказал Саксум, – Кто ж знал!.. – и в свою очередь спросил: – Что-нибудь уже известно?

– Мы атакованы с севера, – Такфаринас указал рукой. – Пехота. Численностью до когорты... Ты можешь мне объяснить – откуда там взялась пехота?! Да ещё в таком количестве!

– А что, если... – декурион помедлил.

– Ну! – нетерпеливо воскликнул Такфаринас.

– А что, если это те две когорты Долабеллы, что ушли от Куикула на север? Что если они не стали дожидаться нас с той стороны Джурджура, а сами прошли через перевал и ударили нам во фланг?

Такфаринас заметно побледнел, явственно проступил косой шрам на его переносице.

– Но ведь это же... безумие!.. – тихо сказал он. – На что они надеются?! На внезапность? Они ведь не могут не понимать, что без помощи основных сил они обречены! Никакая внезапность не поможет двум когортам справиться с десятью!

– А что, если... – опять сказал декурион. – Что, если их удар согласован с Долабеллой? Что, если Долабелла ближе, чем мы думаем? И основные силы легиона в ближайшие часы ударят нам в тыл, с востока?..

– Нет, – возразил вождь мусуламиев. – Не может быть! Мне бы разведка доложила. Там Садён командует. Он – опытный воин...

– Такфаринас!!.. – донеслось вдруг от ворот. – Такфаринас!!..

Саксум и Такфаринас оглянулись. Перед воротами на грязной по брюхо, исходящей паром, взмыленной лошади гарцевал всадник. Он призывно махал рукой и хрипло кричал: «Такфаринас!!.. Такфаринас!!..» Вокруг металась охрана, пытаясь схватить танцующую на месте, задирающую морду и роняющую пену, лошадь за узду.

– Пропустить! – крикнул Такфаринас. – Эй, вы, там, у ворот!.. Пропустить!

Но всадник, соскочив с лошади и оттолкнув охранников, уже бежал к ним, неловко перекосившись на один бок и припадая на левую ногу. Вблизи он оказался маленьким и худым, как щепка. Его плащ был весь забрызган грязью, а кольчуга спереди покрыта пятнами запёкшейся крови. Кровь у него была и на лице: из взявшейся бурой коростой по краям, страшной рубленой раны в спутанных, забитых грязью волосах, сочилась густая, почти чёрная кровь и по лбу, огибая бровь, стекала на заросшую густой щетиной щёку.

– Такфаринас!!.. – тяжело, с хрипом, дыша, произнёс солдат; его заметно пошатывало. – Нас атаковали!!.. Их там тысячи!!.. Они перебили нас всех!!.. Я один смог уйти...

– Где?! – вскричал Такфаринас, хватая солдата за плечо и заглядывая ему в лицо. – Когда?! Ты откуда?! От Садена?!

– Нет... – замотал головой гонец. – От Меддуда... С Верблюжьего Седла... Вчера вечером это было... Уже почти ночью...

– Что?! – страшным голосом переспросил Такфаринас. – Что ты сказал?!.. Что с Меддудом?!

– Убит... – сказал солдат, шаря ввалившимися, белыми от усталости глазами по их лицам. – Меддуд убит... И Усём убит... И Мамёрк Паул убит... И Най Калён... Мы все убиты... убиты... – взгляд его потух, голова стала бессильно клониться на грудь.

Такфаринас встряхнул его за плечо.

– Кто на вас напал?! Откуда?! Сколько их?! Ну!

– Кавалерия... – встрепенулся гонец и облизнул потрескавшиеся губы. – Романцы... Две алы как минимум... Налетели, как саранча...

– Они что, со стороны перевала пришли?!

– Нет... – мотнул головой солдат. – Они сбоку напали... С фланга... С востока... Прямо из леса... из леса... как саранча... – голова его снова упала на грудь, кровь из раны тонкой струйкой потекла под ноги, в пыль.

Такфаринас отпустил плечо солдата, и тот мягко повалился на бок, всхлипнул и, по-детски подтянув ноги к животу, затих.

Саксум и Такфаринас посмотрели друг на друга.

– Это – конница Долабеллы, – сказал Саксум. – Больше некому... Он всё-таки собрал её в один кулак.

– Он берёт нас в клещи, – прищурился Такфаринас. – Значит, в самое ближайшее время следует ждать удара его основных сил.

– Пожалуй... – согласился декурион. – Что думаешь делать?

– Что делать?.. – Такфаринас сжал губы в тонкую линию и задумчиво потёр правый кулак. – Значит, так... Слушай сюда. Бери коня, – он кивнул в сторону ворот, – и скачи на тот берег. К Амезвару. Поторопи его. Пусть немедленно – слышишь?! немедленно! – начинает переправу. Скажи ему про нападение. Скажи ему, чтобы две тысячи всадников он сразу направил в сторону Верблюжьего Седла, навстречу коннице Долабеллы. А третья тысяча пусть идёт напрямую на восток. Понял?.. А ты – сразу назад! Ты мне здесь нужен!.. Заберёшь там Фертора Лэта и вместе с ним – сюда!.. Давай, Саксум! Давай, дорогой!

– Я понял, Юст!

Декурион кивнул, сунул свой щит стоявшему тут же Вихарду и бросился к воротам. Лошадь гонца с трудом удерживали под уздцы двое мусуламиев. Она задирала голову, приседала на задних ногах, пятилась, тяжело поводя боками; от неё по-прежнему шёл пар.

– Крепче держи!.. – крикнул Саксум и с разбега взлетел в седло, сразу резко сжав бока лошади ногами и круто забирая поводья. – Пошёл!!

Лошадь взвилась на дыбы, прыгнула в сторону, ударилась боком об один из «ежей» и, выправившись, неровной рысью рванула в сторону от ворот. Саксум, не давая ей опомниться, погнал её мимо развалин старой крепости к реке.

В этот момент из-за горного хребта за спиной декуриона выглянуло солнце, и тёмно-серая, мышиная кутерьма в лагере сразу же стала цветной: зарозовела поднятая в воздух мелкая пыль, засновали в этой пыли голубые плащи-алашо, замелькали разноцветные щиты и кожаные юбки-птерюгесы.

Саксум выехал из лагеря и направил лошадь к виднеющемуся издалека, мощному кедру, стоящему на небольшом холме, недалеко от реки. Он въехал на холм и сразу остановился, поражённый открывшимся видом противоположного берега. По всему левому, высокому, берегу реки с интервалом в несколько шагов стояла цепь лучников. Их было много – несколько сотен, и цепь их уходила вправо и влево на несколько стадиев. Они стояли неподвижно, одинаково приставив луки к ноге, и были похожи на странный забор, огораживающий некую запретную территорию.

Саксум тронул лошадь и, настороженно поглядывая на лучников, медленно двинулся вниз, по тропе, ведущей к броду. И почти сразу же наткнулся на Фертора Лэта. Он узнал его по совершенно лысой голове, которая постоянно была предметом более или менее остроумных шуток окружающих. Сейчас эта голова была вымазана грязью и кровью. Фертор Лэт лежал на тропе, ничком, выбросив вперёд руки и уткнувшись лицом в затоптанный пожелтевший камыш. Одежда на нём была совершенно мокрой. Две стрелы торчали в его спине: одна – из-под правой лопатки, вторая – из поясицы.

Декурион соскочил с лошади и, опустившись рядом с Фертором Лэтом на колени, тронул его за плечо. Фертор вздрогнул и медленно приподнял перемазанную голову.

– А-а, Саксум... – просипел он, скашивая на декуриона налитый кровью глаз. – Видишь, как... Не повезло... Самую малость... не добежал... Метко бьют... сволочи...

– Что случилось, Фертор?! – было видно, что раненому тяжело держать голову, и Саксум, взяв её двумя руками, осторожно повернул и опустил щекой на землю.

– Измена случилась... – Фертор Лэт прикрыл глаза, слова давались ему с трудом. – Мавританцы, сволочи... Аmezвар ихний... Ночью напали...

– Кепа где?

– Убили Кепу... Первым убили... – Фертор Лэт переглотнул. – А я сбежал... Думал... уйду... Уже на берегу... достали... – Фертор замолчал, по телу его прошла судорога, он застонал, пальцы его впились в землю. – Сак... сум... – он захрипел. – Про... шу... Больно!.. Добей!

Чавкнула земля. В трёх шагах от ног Фертора Лэта в землю вонзилась стрела. Саксум поднялся. На противоположном берегу один из стрелков медленно опускал лук.

Декурион указал в его сторону рукой, а потом резко провёл оттопыренным большим пальцем себе по горлу. Лучник громко рассмеялся и потянул из колчана новую стрелу.

В это время на берег на той стороне реки выехало несколько всадников. В руках они держали поднятые вертикально копьё. На одном копьё болталась какая-то большая ярко-красная тряпка, на остальных были насажены человеческие головы, одна – в надетом на неё легионерском шлеме с поперечным кентурионским гребнем. Всадники свистели, улюлюкали и возбуждённо потрясали копьёми. Саксум взгляделся, и у него перехватило дыхание.

– Кепа!.. – прошептал он. – Кепа!..

Новая стрела, описав длинную дугу, коротко прошуршала в камыше слева.

Декурион опустил голову и посмотрел на Фертора Лэта. Тот лежал неподвижно. Сквозь грязь и кровь, покрывавшие его лицо, явственно проступила мертвенная белизна. Остановившиеся, остекленевшие глаза строго смотрели куда-то вдаль.

Саксум повернулся и медленно пошёл прочь. Лошадь неподвижно стояла на тропе, низко опустив голову и тяжело поводя боками. Декурион взял её под уздцы и повел наверх, к возвышающемуся над всей речной долиной, одинокому кедру с опалённым давним пожаром, но всё ещё живым стволом. Там он взобрался в седло и, тронув поводья, медленно поехал назад, к лагерю. Перед его глазами всё ещё стояли неподвижные глаза Фертора Лэта и ярко-красная тряпка, болтающаяся на пляшущем на фоне неба копьё.

Слева донеслись какие-то крики. Саксум поднял голову. В паре стадиев от него в сторону реки от лагеря бежали люди. Саксум не сразу понял, что происходит. А когда понял, сразу же ударил лошадь пятками в бока и рванул вдоль берега, наперерез, отчаянно крича:

– Стой!!.. Назад!!.. Назад!!.. Нельзя!!..

Но люди не слышали его. На ходу бросая щиты, мечи, шлемы, стаскивая с себя кольчуги, они – кто молча, а кто что-то истошно крича, – бежали вниз по берегу и дальше – по низкорослому камышу – к реке и с разбега бросались в воду. Быстрый поток подхватывал их, они барахтались, отчаянно борясь с течением, уходили под воду, выныривали, а на той стороне реки цепь лучников, оживившись и потеряв всю свою неподвижность, неспешно и деловито готовилась к стрельбе. Они не торопились. Они выжидали. Они тщательно целились. Лишь когда первые пловцы, измотанные борьбой с речной стихией, нащупав наконец под собой каменистое дно, встали на ноги и, оскальзываясь и пошатываясь, двинулись к берегу, сверху, с высокого обрыва, почти в упор, по ним ударили стрелы. Люди падали навзничь, поток подхватывал их, но на их место из воды уже выходили другие, а новые люди уже боролись со стремниной на середине реки, бросались с этого берега в воду, бежали через камыши, торопливо тащили через голову перевязи с мечами, срывали с себя плащи и кольчуги.

– Назад!!.. – орал Саксум, вертясь среди этого человеческого безумия. – Назад!!..

Лошадь под ним вдруг зашаталась и рухнула на бок. Саксум полетел кувыркком в траву, вскочил и сразу же столкнулся с человеком, со всех ног бегущим к реке.

– Назад!!.. – крикнул Саксум в искажённое страхом, со сбившейся набок бородой и дико вытаращенными глазами, лицо. – Назад! Туда нельзя!..

Но человек ударил его наотмашь по щеке, шархнул в сторону и запрыгал вниз по берегу на одной ноге, пытаясь на ходу стащить с другой тяжёлую, подбитую гвоздями, калигу.

Декурион машинально потёр щёку и опять посмотрел на реку. Вниз по реке плыли тела. Много тел. Ниже по течению, где начинались перекаты, на небольшой каменистой отмели посреди реки уже набралась целая россыпь прибитых туда течением трупов. Тела были утыканы стрелами и издали напоминали многочисленную семейку крупных ежей, высыпавшую на остров и беззаботно греющуюся на утреннем солнышке.

Саксум сжал зубы и, повернувшись спиной к реке, медленно пошёл в сторону лагеря. А навстречу ему всё бежали обезумевшие от страха, бросающие на ходу оружие, люди. Но кто-то уже бежал назад, обгоняя его, спотыкаясь, падая и поднимаясь, что-то крича, хватая за руки встречных. А слева, над шатрами, тяжёлыми неторопливыми клубами поднимался густой чёрный дым. Там что-то громко трещало. И кто-то там отчаянно визжал, и доносились оттуда невнятные крики и глухой стук мечей. У Саксума вдруг резко и сильно заныло левое плечо. Он захотел потереть его, размять, отогнать эту непрошенную и неуместную здесь боль, но рука его наткнулась на холодный металл кольчуги. Саксум опомнился. Придерживая висящий на боку меч, он со всех ног помчался к лагерю.

Обогнув старую крепость, декурион выскочил к первому ряду палаток.

В лагере царил неразбериха, стоял многоголосый ор. Сотни людей, женщин и мужчин, – вооружённых и безоружных, полностью одетых в доспехи, полуодетых и почти вовсе раздетых, поодиночке и небольшими группами, металась среди целых, полуразобранных и даже просто поваленных шатров, разбросанных вещей и походной утвари, кричали, спорили, махали руками, торопливо навьючивали мулов и верблюдов, грузили телеги. Здесь никто не думал о бое, здесь думали только о бегстве.

Перепрыгивая через растяжки всё ещё стоящих шатров, через брошенные впопыхах свёрнутые ковры и подушки, валяющуюся прямо на земле посуду, Саксум наконец выбрался к земляному валу и по краю тянувшегося вдоль него рва добежал до тыльных ворот.

Старшим караула здесь оказался одноглазый Гай Македоник – командир второй кентурии личной охраны «Великого Вождя». Но под началом у него сейчас были не его вышколенные гвардейцы, а как раз те полуголые мусулами, из которых после тревоги спешно сформировали несколько пеших отрядов.

– Такфаринас где?! – спросил у кентуриона Саксум, переводя дух и ожидая, пока двое угрюмых мусуламиев откатят в сторону тяжёлую бревенчатую створку.

– Там, возле главных ворот был, – указал рукой Гай, с любопытством оглядывая запыхавшегося декуриона своим единственным глазом. – А ты откуда?

– Оттуда!.. – отмахнулся Саксум и, протиснувшись в приоткрывшуюся щель, бросился бежать по широкому проходу между шатрами, ведущему от западных ворот к восточным.

Во внутреннем лагере царило спокойствие и почти ничего не напоминало о том, что творится за границами земляного вала. Парили в лучах солнца восточные скаты крыш, высыхающие от утренней росы. Над многими шатрами умиротворяюще поднимались в небо сизые костровые дымки – там явно готовили завтрак. В огромном шатре Такфаринаса было поднято несколькопологов и было видно, как внутри женщины неспешно перетряхивают подушки и метут вениками ковры. Даже пахло здесь совершенно по-мирному – хлебными лепёшками и мясным бульоном.

Возле главных ворот Такфаринаса не оказалось. Здесь в шеренгу по два, в полной боевой экипировке, опираясь на высокие синие, разрисованные зубчатыми молниями, щиты, стояла первая – образцовая – кентурия личной охраны вождя мусуламиев. Вдоль строя прохаживался примпил Лар Канин – высокий, худой, жилистый, с крючковатым, когда-то перебитым и затем криво сросшимся, носом – единственный человек в армии мусуламиев, носящий поножи. Вот и сейчас, прохаживаясь перед строем, он нервно похлопывал себя по рельефной бронзе поножа отполированным до блеска витисом. Звук получался тоже нервный, тревожный, какой-то неживой. А среди солдат внутреннего караула, кучкой стоявших возле самых ворот, декурион заметил огромную фигуру Вихарда. Германец вопросительно взглянул на него, но Саксум только нетерпеливо отмахнулся.

– Такфаринаса не видел? – поинтересовался он у примпила.

Лар Канин, поблескивая из-под низко надвинутого шлема колючими глазками, молча указал витисом влево. Саксум повернулся. На углу, там, где сходились северный и восточный валы, он увидел знакомую фигуру вождя мусуламиев. Рядом с ним стоял Танан. Здесь же, в нескольких шагах, тоже на валу, топтались четверо ординарцев и сигнальщик-тубикен с длинной, надраенной до солнечного блеска, медной трубой. Далее, по всему валу, были видны расставленные с одинаковыми интервалами, готовые к бою солдаты.

Такфаринас заметил декуриона и сбежал с вала к нему навстречу. На вожде мусуламиев был надет памятный Саксуму ещё по Гиппо-Регии старенький заслуженный торакас. Свой известный на всю Нумидию шлем – с прикрепленным на нём вместо гребня лисьим хвостом – командир повстанцев держал под мышкой.

– Ну?!.. – Такфаринас нетерпеливо схватил декуриона свободной рукой за плечо.

– Плохо дело, Юст... – морщась и пытаясь высвободиться, сказал Саксум и вкратце рассказал вождю мусуламиев о том, что видел на реке.

Такфаринас, играя желваками, молча слушал.

– Этот Аmezвар!.. – по окончании рассказа с трудом выдавил из себя командир повстанцев. – Этот... шакалий сын!.. Опять ведь предали, суки!.. – его всего трясло, было видно, что он с трудом сдерживает кипящую внутри ярость. – Ну, я до него доберусь! Кожу с живого сдеру!.. Кишки на кулак намотаю!..

– Юст! – сказал Саксум. – Его тебе сейчас не достать. Надо думать, что дальше делать... Уходить надо, Юст! Мавританской конницы у нас теперь нет. Она теперь у Долабеллы. И она не будет вечно стоять на той стороне реки. Когда Аmezвар поймёт, что исход боя предрешён, он перейдёт Шелиф и ударит нам в спину... Левый фланг долго не продержится, там бой идёт уже в двух стадиях отсюда...

– Продержится! – возразил Такфаринас, он уже взял себя в руки. – Я послал туда манипулу Буккуса и свою вторую кентурию. Для усиления. Они остановят романцев.

– Юст! – сказал Саксум. – Левый фланг развалился – там все бегут. Я своими глазами видел. У нас в запасе четверть часа, не больше! А может, и того нет!.. Что у нас с лошадьми?

Такфаринас опять заиграл желваками.

– Нет у нас лошадей! Я уже троих гонцов послал! Как в пропасть!.. Вот – всё, что у нас есть! – он ткнул рукой.

Декурион посмотрел. У коновязи между шатрами, беззаботно помахивая хвостами, стояли две приземистые нумидийские лошадки.

– М-да... – сказал Саксум. – Негусто... Про Долабеллу слышно что-нибудь?

Такфаринас кивнул:

– От Садена был гонец. Их тоже атаквали перед рассветом. Не менее пяти когорт... – он помолчал. – Саден просит помощи... – и вдруг взорвался: – А где я ему возьму помощь?! Как я её

туда пошлю?! До них сорок стадиев! А у меня ни одной лошади нет!.. – он вновь схватил декуриона за плечо. – Откуда?! Вот скажи мне – откуда там взялся Долабелла?! Он же был от нас в двух днях пути!..

– Юст! – сказал Саксум, осторожно высвобождая плечо. – Надо уходить. Немедленно. На юг. Там – лошади. Имея лошадей, мы сможем пробиться к Верблюжьему Седлу. А пробившись к перевалу, мы сможем уйти на плоскогорье и спасти хотя бы часть армии...

– Такфаринас!!.. Такфаринас!!.. – закричали вдруг на валу.

Саксум и Такфаринас обернулись. Сразу несколько человек орали и махали руками, указывая наружу, за окружающий лагерь вал.

– Такфаринас!!.. Романцы!!..

Тут же кричал и подпрыгивал, пытаясь привлечь внимание отца, Танан:

– Ти-и-и!!.. Ти-и-и!!.. Ишэнг-а!!

Такфаринас побледнел.

– Танан!! Сюда!! – заорал он. – Бегом!!

Танан скатился с вала и подбежал к отцу. А на валу уже никто не смотрел в их сторону. Все стояли к ним спиной и смотрели наружу. И один из солдат охранения, вдруг размахнулся и метнул куда-то туда, наружу, свой дротик. И другие солдаты, прячась за установленные на вершине вала, плетёные из веток щиты, тоже стали метать дротики. И тут же донёсся оттуда, снаружи, из-за вала, многоголосый нечеловеческий яростный вой. И уже оттуда, снаружи, прилетел через вал и воткнулся в один из шатров первый вражеский дротик. И тут же копья и дротики посыпались через вал градом. И уже съезжал с вала головой вниз, на спине, выронив свою блестящую трубу, пробитый насквозь копьём сигнальщик-тубикен с разинутым, как будто от изумления, ртом.

Саксум почувствовал тычок в бок, и перед ним возникло бледное, с прищуренными глазами, лицо вождя мусуламиев.

– Слушай меня внимательно и не перебивай, – сказал Такфаринас. – Ты сейчас возьмёшь Танана и уведёшь его отсюда. Уведёшь из лагеря. Вот на этих лошадях...

– Юст!..

– Я же сказал, не перебивай!.. – рявкнул Такфаринас. – Берите лошадей и уходите... Уходите через западные ворота. Там ещё можно пройти... Идите вверх по реке до излучины. Там влево пойдёт ручей. Он вас выведет к кедровому лесу... На южной окраине леса останóвитесь и будете ждать нас... – Такфаринас покусал губы. – Если к вечеру я вас не найду, значит... Тогда ночью уходите к Верблюжьему Седлу... Ты пройдёшь, Саксум, я знаю. Ты уведёшь моего сына за перевал, на плоскогорье и дальше – в Туггурт... Там у нас остались родственники. Танан знает. Они вам помогут...

– Юст!.. – опять попытался возразить Саксум, но Такфаринас вновь не дал ему говорить.

– Всё! Я решил!.. – он повернулся к сыну и спросил: – Ты всё понял?!

– Эулля, ти... – тихо сказал Танан. – Да, отэц.

Он тоже был бледен, но в глазах его не было испуга.

– Всё! – сказал Такфаринас. – Не теряйте времени! Вперёд! – он обернулся к стоящему у ворот строю солдат и крикнул: – Канин!!.. Кентурию на вал!!.. Всех на вал!! Бегом!! – после чего, ещё раз пристально посмотрев на декуриона, кивнул ему и, повернувшись, пошёл к валу, на ходу надевая шлем и вытаскивая меч.

Саксум и Танан пропустили мимо себя бегущую в колонну по два кентурию и, отвязав лошадей, вывели их на дорогу. Танан ловко вскочил на свою лошадку и сразу резво взял с места, оглядываясь на декуриона – ему уже не терпелось пуститься в путь. Саксум слегка замешкался – на лошади без седла и узды, с одной хлипкой верёвочкой, завязанной вокруг её шеи, он чувствовал себя несколько непривычно. Он шагом, приноравливаясь, доехал до ворот и остановился.

– Вихард!.. – позвал он своего ординарца, по-прежнему топчущегося возле ограждения вместе с остальными солдатами караула. – Эй, Вихард! Где мой щит?!

Германец схватил щит Саксума, стоявший под стенкой ближайшего шатра, и, бухая огромными ножищами, бегом принёс его декуриону. Саксум принял щит, повесил его на левую руку, а правой схватил Вихарда за плечо и, наклонившись к самому его уху, быстро зашептал:

– Бери Хавиву и немедленно уходи! Слышишь?! Немедленно! Через западные ворота. Идите к реке. Потом – вверх по реке до первого ручья. По ручью – до леса. Там я вас встречу. Понял?!

Вихард кивнул. Лоб его, изуродованный страшным клеймом, пошёл глубокими морщинами, германец засопел и неуверенно оглянулся на своих товарищей. Саксум тряхнул его за плечо.

– Наплюй! Слышишь?! Делай, что я говорю! Через полчаса сюда подойдут основные силы Долабеллы, и здесь начнётся кровавая каша. Тогда уже будет поздно! Понимаешь?!..

Германец опять кивнул и прогудел:

– Йа-а!.. Гу-уд!.. Понима-аш!

– Давай!

Саксум хлопнул Вихарда по каменному плечу, тронул коня и, обгоняя Танана, поскакал по главной улице к западным воротам.

Возле ворот никого не оказалось. Тяжёлые створки были распахнуты, и прямо перед ними, снаружи, раскинув руки крестом, лежал на спине мёртвый Гай Македоник. Ярко-красная лужа вокруг его головы ещё не успела впитаться в дорожную пыль. Единственный глаз кентуриона был широко раскрыт и с удивлением смотрел в высокое безоблачное небо.

– Крысы! – Саксум в бессильной злобе ударил себя кулаком по колену. – Трусливые крысы!

Он оглянулся. Танан, остановив лошадь, в недоумении вертел по сторонам головой.

– За мной, Танан! Не отставай! – крикнул декурион и, гикнув, пустил коня с места крупной рысью.

Они успели проехать лишь с полстадия, когда из-за жёлтых развалин вынеслось им навстречу несколько десятков всадников. Саксум поначалу даже обрадовался, посчитав, что это гонят наконец-то с дальнего выпаса долгожданных коней, он вроде даже разглядел среди скачущих впереди знакомую фигуру и улыбающуюся физиономию Юдада, но в следующее мгновение увидел на всадниках высокие остроконечные шлемы с пышными, развевающимися султанами и, похолодев, понял, что обознался, что это – мавританская конница. Он даже не успел вытащить меч. Летящий навстречу на полном скаку огромный мавр размахнулся и метнул в него тяжёлое копьё. Саксум прикрылся щитом. Страшный удар буквально смёл его с лошади. Декурион грохнулся на спину и на какое-то время потерял сознание...

Очнулся Саксум от протяжного тонкого, совсем детского крика:

– Ти-и-и-и-и!!.. Ти-и-и-и-и!!..

Он открыл глаза, сел и огляделся. Рядом с ним никого не было. Вообще, вокруг никого не было. Лишь шагах в пятидесяти вдоль земляного вала медленно ехал, удаляясь, мавританский всадник, таща за собой на длинной верёвке упирающегося, падающего, поднимающегося и вновь падающего Танана.

– Ти-и-и-и-и!!.. Ти-и-и-и-и!!.. – тоненько, отчаянно и безнадежно выл Танан.

Саксум не без труда поднялся на ноги и, пошатываясь, пошёл обратно к лагерю. У него кружилась голова и звенело в ушах, и ещё его почему-то подташнивало.

Он с трудом дошёл до ворот и, остановившись, привалился к створке, чтоб слегка отдышаться. В это время из лагеря выехал ещё один мавританец. Перед ним, поперёк лошади, лежала связанная по рукам и ногам молоденькая девчушка в разорванной на спине голубой тунике. Девчушка громко рыдала и всё пыталась сползти с лошади. Мавританец, самодовольно ухмыляясь, придерживал её свободной рукой. На подпирающего воротную створку декуриона он даже не взглянул.

– Хавива! – опомнился Саксум и, оторвавшись от воротины, двинулся вглубь лагеря.

В лагере царил полная неразбериха. Чадно горело несколько шатров. Иные были повалены. В уцелевших слышался женский визг и гортанные крики. Откуда-то со стороны вала ещё доносился стук мечей и яростные вопли дерущихся, но внутри лагеря уже всюду шёл грабёж. Мавританцы и легионеры вперемешку – потные, возбуждённые, с алчно горящими глазами – шныряли по шатрам, тащили какие-то тюки, волокли женщин, пиками и пинками гнали связанных, перепуганных рабов. Тут и там стонали раненые, лежали в лужах крови мёртвые. Шарахаясь от людей, металась между шатрами обезумевшие лошади без седоков.

Вдруг Саксум увидел человека с лисьим хвостом на шлеме.

– Юст! – окликнул его декурион, но Такфаринас не услышал – с мечом в опущенной руке, отрешённо глядя себе под ноги, он пересёк дорогу и скрылся между шатрами справа.

Саксум ускорил шаг и, дойдя до поворота, заглянул в проход.

Такфаринас стоял шагах в десяти, боком к декуриону и, взяв меч двумя руками за лезвие, засовывал его снизу под торакс остриём к себе.

– Юст!!.. – отчаянно крикнул декурион, но было поздно – вождь мусуламиев качнулся и упал вперёд, на рукоять меча.

– Юст!!..

Саксум кинулся к Такфаринасу и, опустившись рядом на колени, осторожно перевернул его на спину.

Вождь мусуламиев был бледен, глаза его были широко распахнуты, губы сжаты в тонкую нитку; к потной щеке прилипли сухие травинки и какой-то мелкий мусор.

– Юст!..

– Симон?.. – прохрипел Такфаринас. – Ты... Ты зачем здесь?.. Где Танан?

– Прости, – сказал декурион, осторожно снимая со щеки лежащего мусор. – Прости меня, Юст!.. Не уберёг я Танана... У мавританцев Танан.

Такфаринас мучительно закашлялся, сжимая кулаки и елозя в траве ногами.

– То... ракс... – с трудом выдавил он из себя, чуть отдышавшись. – Длинный... слишком... Надо было... снять.

Саксум тронул его за плечо.

– Тебе помочь?

– Да... – прошептал Такфаринас; у него на глазах проступили слёзы, и он, часто моргая, пытался выгнать их из глазниц. – Да...

Декурион распрямылся и, достав из ножен когда-то подаренный ему вождём мусуламиев кинжал с рукояткой в виде дракона, кусающего себя за хвост, показал его Такфаринасу.

– Да... – сказал тот и облизнул бескровные губы. – Да... Не тяни... – он запрокинул голову и стал смотреть вверх. – Орёл... – хрипло сказал он и попытался улыбнуться. – На восток летит... Хорошая примета...

И тогда Саксум, чуть подавшись вперёд, сильным и точным движением воткнул ему кинжал в ложбинку под ухом. Тело Такфаринаса дёрнулось, напряглось и опало. Саксум подождал ещё несколько мгновений, потом стёр ладонью с лица липкий пот, выдернул кинжал и тяжело поднялся на ноги.

– Лисий хвост... Нет мизинца на правой руке... По всей видимости, это – Такфаринас... – раздался у него за спиной знакомый басовитый голос.

Саксум обернулся. В окружении не менее десятка всадников в ярко-красных плащах преторианской гвардии перед ним восседал на высокой серой кобыле не кто иной, как сам легат императора Тиберия и проконсул Африки, сенатор Публий Корнелий Долабелла.

– А рядом с ним, по всей видимости, наш доблестный... э-э... декурион, – звучно, как будто выступая на форуме, продолжал Долабелла; свита почтительно внимала. – Отличная работа, декурион! Отличная!.. А Маний, между прочим, сомневался в тебе. Нет, всё-таки зря я не поспорил с ним на кувшин... э-э... старого фалернского. Зря!..

Проконсул улыбался. Проконсул жмурился. Проконсул потирал руки. Он был явно доволен. У Саксума опять зазвенело в ушах.

– Ты отлично справился со своим заданием... э-э... декурион, – продолжал тем временем сенатор. – Ты можешь быть спокоен – тебя ждёт большая награда. Я бы даже сказал – очень большая награда!.. А где твой... э-э... помощник? Надеюсь, с ним тоже всё в порядке?

– Его нет... – не слыша своего голоса, сказал Саксум. – Его убили.

Ему вдруг захотелось подойти и со всей силы воткнуть свой меч в это широкое улыбающееся лицо с пухлыми лоснящимися губами, обрамлёнными аккуратной рыжеватой бородкой.

– Ай-яй-яй!.. – покачал головой проконсул и сочувственно поцокал языком. – Это печально!.. Но ничего, причитающуюся ему награду получит его... э-э... его родственники... А скажи мне... э-э... декурион... – начал было Долабелла, но тут где-то совсем недалеко раздался пронзительный женский крик:

– Шимо-он!!! Шимо-он!!!

– Хавива!..

Саксум сорвался с места и, прыгая через растяжки, кинулся на голос. Завернув за очередной шатёр, он увидел Хавиву: её – перепачканную, растрёпанную, упирающуюся, – тащил за руку волоком по земле высокий кривоногий легионер с неопрятной растрёпанной бородой. Другой, мелкий и вертлявый, суетился вокруг, всё порываясь, но никак не решаясь схватить Хавиву за ноги – та яростно отбивалась.

– Стоять! – негромко, но решительно сказал Саксум.

Оба легионера подняли головы.

– Тебе чего? – незлобиво спросил вертлявый, уставившись на декуриона маленькими крысиными глазками.

– Стоять!.. – повторил Саксум. – Эта женщина пойдёт со мной.

– Ещё чего! – тут же взъелся кривоногий; от него за пять шагов несло кислой винной отрыжкой. – Ты что, закона первой руки не помнишь?! Это – моя добыча! Я её нашёл! Поищи себе бабу в другом месте!

– Эта женщина пойдёт со мной! – угрожающе сказал Саксум и положил ладонь на рукоять меча. – Ты слышишь меня, солдат?! Отпусти её!

Вертлявый опасливо попятился:

– Отпусти её, Тур. Я знаю этого парня. Это – декурион. Саксум... Ну её совсем! Найдём мы себе другую бабу...

– А вот хер ему! – закричал кривоногий. – Хоть Саксум, хоть не Саксум! Хоть декурион, хоть кентурион! Хоть сам император Тиберий!.. Это – моя добыча! Плевал я на всяких там саксумов! Мало ли тут всяких саксумов шляется! Что, каждому свою добычу отдавать?!..

Он сильно покраснел от злости, и тут Саксум узнал его – это был тот самый пьяница, Тур Герра, в своё время стоявший у позорного столба в Ламбессе и просивший у декуриона пить. Как давно это было! Как будто в прошлой жизни!

– Шимон!.. – воскликнула Хавива, безуспешно пытаясь вырвать своё запястье из цепких волосатых лап легионера. – Помоги!

Тур Герра посмотрел на неё, потом взглянул на декуриона и вдруг рот его, выказав мелкие чёрные зубы, разъехался в похабненькой ухмылке:

– А что, декурион, уж не твоя ли эта бывшая подстилка? А?.. Надо полагать, твоя! То-то ты за неё так сильно переживаешь! Что, сильно сладенькая?! А?! Никак не забыть?!.. А может, тогда – так?!.. – он отпустил руку Хавивы, схватил её за волосы и, резко поддёргнув вверх, приставил к её горлу лезвие меча. – Может, тогда – ни тебе, ни мне?! А?! Что скажешь?! Чтоб не было обид! Какие могут быть обиды между легионерами?! Ну, что скажешь, декурион?!

– Шимон!.. – простонала Хавива.

И тогда Саксум вытащил из ножен меч и медленно, очень медленно двинулся вперёд, глядя прямо в заплывшие, пьяненькие глаза Тура Герра и отводя руку для удара...

От Агриппы Клавдию привет.

Пользуясь оказией, переправляю тебе новую партию товара. Оказию зовут Гай Рота. Он вольноотпущенник сенатора Гая Октавия Лената. Денег ему не давай, как бы он ни просил – заплачено ему сполна и даже с походом.

Золота получилось сорок либр, всего на сумму двадцать четыре тысячи денариев. Остальное серебро пока реализовать не удалось. Понимаю, что это не то, чего ты от меня ждёшь. Понимаю, что и мало, и дорого. Но и ты пойми меня. Ты там, в РOME, даже представить себе не можешь, насколько трудно здесь проворачивать все эти меняльные дела. Законно денежный обмен можно проводить только через меняльные столы, а их полностью контролируют левиты – местное сословие жрецов. Они, между прочим, очень хорошо осведомлены о разнице в стоимости золота в Палестине и в Италии, и все попытки посторонних заработать на этой разнице они воспринимают как прямое покушение на свой кошелёк. Так что любой обмен больше нескольких сиклей вызывает у них подозрение и пристрастные расспросы. Да если бы только расспросы! Конкуренция здесь пресекается в зародыше, причём самым жестоким образом. Можешь мне поверить, не один и не два, а десятки умеющих считать деньги предпринимателей – и местных, и романцев, и всяких прочих иноземцев – нашли своё последнее пристанище в сухой палестинской земле после того как покусились на «священную» левитскую монополию. Хвала богам, Понтий Пилат вовремя предупредил меня, чтобы я не вздумал соваться в эту левитскую вотчину. Понтий и сам ожёгся, связавшись один единственный раз с храмовыми деньгами (я имею в виду ту нашумевшую историю с хиеросолимским водопроводом – да ты, наверняка, помнишь, дело было громкое, даже в Сенате разбирали). Пилат смотрит теперь на храмовую сокровищницу, как лиса на виноград: и хочется да не допрыгнуть. Так то Пилат – префект всея Иудеи, Идумеи и Самарии! А что уж говорить обо мне – простом галилейском смотрителе рынков! Поэтому действовать приходится очень осторожно. Товар скупаю через третьих и четвёртых лиц и маленькими партиями – а это, сам понимаешь, и дополнительный риск, и дополнительные расходы. Но дело даже не в этом, а в том, что здесь, в Тиберии, а равно и в Сепфорисе, и даже в Кесарии, искать золото бесполезно – здесь одни крохи! В Палестине все золотые ручейки стекаются в Хиеросолим. Три раза в год, на большие храмовые праздники, которые здесь называются Писха, Савуот и Суккот, каждый правоверный еврей считает своим священным долгом совершить паломничество в Хиеросолим и принести в Храм свои кровные полсикля. Можешь себе представить, друг мой Клавдий, что творится в эти дни в Хиеросолиме! Толпы паломников, ворьё, илюхи, шум стоит невообразимый, толчея, давка, пыль, вонь! Стража сбивается с ног. Менялы трудятся, как грузчики в порту.

Что любопытно, один храмовый сикль стоит у менял четыре денария (представляешь, эти сквалыги чуть ли не целый денарий берут за обмен!), но если платишь золотом, то за одну драхму тебе дадут тот же самый сикль да ещё целый денарий вернут на сдачу. То есть всё выстроено таким образом, чтобы нести в Храм золото было выгодно, а менять серебро на серебро – нет. Я уже не говорю про медные монеты! Там соотношение ещё интереснее. Чтобы купить

свои возделенные полсикля, бедному иудею придётся выложить не меньше семидесяти прут. Ну что тут поделаешь, не любят храмовые менялы возиться с медью, не любят! Зато золото они любят. Ах, как они любят золото! Золото им – только давай!

Говорят, к концу каждой праздничной недели в храмовой сокровищнице не хватает места для горшков с золотом. Говорят, большие глиняные горшки не выдерживают веса золота и лопаются. Много говорят. Одно я знаю точно: храмовое золото регулярно, десятками талантов, слитками и россыпью, уходит из Хиеросолима через Иоппию на Рому. А я даже те жалкие крохи, что мне удаётся здесь с огромным трудом добыть, не могу отправлять из Палестины напрямую. Ни из Иоппии, ни даже из Кесарии – слишком велик риск. Приходится везти товар кружным путём: из Хиеросолима в Галилею, а уже отсюда – через сирийские Птолемаис или даже Тир. А это и лишнее время, и опять же расходы! Спасибо старине Гнею, я ему тут наплёл всяческих небылиц про небольшое контрабандное дельце, которое я якобы затеял (переправка в Рому синайского шёлка и посуды), а также про мои непростые отношения с Антипой, так он мне теперь всячески помогает, отчасти из дружеского расположения, в память о наших совместных пирушках и походах на Этрусскую улицу, а отчасти, вероятно, в пику моему язвительному зятю, с которым у него отношения не сложились с самого первого посещения Гнеем Палестины.

Дорога на Хиеросолим очень опасна. Да здесь любая дорога опасна! Шайка грабителей может поджидать за любым кустом, в любой придорожной харчевне. Беглые рабы, каторжники, дезертиры, остатки разбитых отрядов мятежников да и просто лихие люди всех мастей сбиваются в стаи и орудуют вдоль дорог, причём зачастую прямо среди бела дня. Их ловят, вешают, чуть ли не у всех городских ворот стоят кресты с распятыми разбойниками, но меньше их от этого, кажется, не становится. Но мало нам просто грабителей! Появились тут ещё и какие-то «кинжальщики». Эти могут ткнуть ножом прямо на улице, на рынке, в толпе. Им важно не столько ограбить (хотя грабежами они тоже промышляют с удовольствием!), сколько нанести хоть какой-нибудь вред «оккупантам», то есть Романской Империи. Поэтому убивают они не кого попало, а исключительно романских граждан и так называемых «отступников» – тех, кто работает на романскую власть или даже просто относится к РOME благожелательно. Мытарей, так тех вообще режут пачками. А ещё они жгут склады и таможни, нападают на небольшие обозы – в общем, мелко пакостят и гадят. Нанести большого урона Империи они, конечно, не могут, но надоедать и отравлять жизнь – как слепень на солнцепёке – им удаётся. Самое печальное, местное население в своём большинстве действия этих «кинжальщиков» вовсе даже не осуждает – наоборот, многие помогают им едой и деньгами и даже предоставляют им свой кров. Это тем более удивительно, что здесь у всех ещё свежи в памяти события двадцатилетней давности, когда

некий Хиехуда из Гамалы соблазнил народ на восстание против власти Кесаря, что привело к полному опустошению всей Галилеи. Публий Квириний, пройдясь тогда огнём и мечом, наглядно показал евреям, кто в доме хозяин. Следы тех событий ещё явственно видны в Галилее повсюду – то в виде останков сожжённых дотла деревень, то, как в Сепфорисе, – в виде целых кварталов поросших бурьяном, выгоревших руин. И тем не менее чуть ли не каждый месяц то из одного города, то из другого приходят известия то о новом мятежнике, призывающем резать романцев, то о новом пророке, который, если отбросить всякую религиозную шелуху, призывает, по сути, к тому же самому.

А ещё, если верить слухам, здесь повсюду орудуют парфянские лазутчики. Говорят, что они ловко маскируются под бродячих торговцев и паломников. Говорят, они вездесущи и неуязвимы. Говорят, они вырезают целые семьи, поджигают дома и отравляют колодцы. Я, правда, ни живым, ни мёртвым ни одного парфянина до сих пор ещё здесь не видел, как не видел и никого из тех, кто непосредственно пострадал от их рук, но слухи эти тем не менее продолжают упорно распространяться. Впрочем, могу предположить, что дыма без огня не бывает.

Сейчас перечитал письмо и понял, что, исписав уже три страницы керы, ничего ещё не рассказал тебе, мой добрый Клавдий, о своих домашних делах. Хотя тут и рассказывать-то особо нечего. Жизнь моя течёт размеренно, если не сказать скучно. Должность моя больших хлопот мне не доставляет. Тасазль, делопроизводитель, о котором я тебе писал в прошлом письме, оказался парнем толковым и, самое главное, надёжным, в тонкости работы вник быстро, так что я теперь на службе появляюсь в лучшем случае раз в несколько дней – заверяю документы да порой решаю какие-нибудь спорные вопросы. Так что времени свободного у меня теперь полно, хватает и на деловые поездки по нашему с тобой совместному предприятию, и просто на путешествия.

Посетил я тут наконец и наш знаменитый горячий источник в Хаммате. И десяти лет не прошло! Теперь, думаю, и ещё как минимум десять лет ноги моей там не будет. И что там хорошего нашла моя Кипра?! Грязь, толчея, шум. А вонь от воды такая, как будто это сам Плутон ветры пускает. Правда, надо отдать должное, вода действительно горячая, тут без дураков. Но по мне – так уж лучше в термы сходить.

Моя дражайшая супруга опять понесла. Почему-то волнуется по этому поводу необычайно, хотя рожать будет уже по четвёртому разу. Я тебе уже писал, что после смерти нашего первенца бедняжка нашла утешение у местных богословов – прусимов. Вот и сейчас эти козлобородые зачастили в наш дом. Признаюсь, мой друг, терплю я их с трудом – богов наших они не чтут, разговаривают высокомерно, но, что интересно, стоит только позвенеть монетами в кошельке, как тут же всё разительно меняется: эти важные солидные мужи тут же теряют всю свою важность и солидность и начинают вести себя,

как распоследний нищий на ступенях храма Юпитера, то есть – хватать за край одежды, искательно улыбаться и просительно заглядывать в глаза. За жалкую медную пруту они готовы оказать практически любую услугу, а монет за тридцать, я думаю, они и бога своего продадут. Если бы не Кипра, гнал бы я их пинками под зад до самой городской стены.

А вот кем не могу нарадоваться, так это Марком Юлием, светом нашим, Агриппой Младшим. Умница не по годам. Всё уже умеет, всюду уже лазает и тараторит тоже вовсю, причём сразу на двух языках – на романском и на местном. Тут уж надо спасибо сказать его тётке, Херодиаде, – это она любит ему петь песенки да рассказывать всяческие сказки на арамейском. Думаю отправить его отсюда через годик-полтора в Рому – подальше от здешних варварских порядков и обычаев. Надеюсь, ты, любезный Клавдий, не откажешься приютить у себя моего наследника?

Спасибо тебе, мой друг, за хлопоты по поводу моего имущества! Верю, боги воздадут тебе за твою доброту и отзывчивость. Я же, со своей стороны, могу только пообещать тебе море старого фалернского при нашей встрече, каковая, несомненно, когда-нибудь да состоится.

Соболезную по поводу смерти твоей бабушки, Ливии Августы. Совершенно с тобой согласен – великая была женщина! Думаю, несмотря на все те противоречия и размолвки, которые были у неё с Кесарем, Тиберию теперь, после её ухода, будет гораздо сложнее управлять и страной, и Сенатом – публично Ливия Августа всегда и всюду поддерживала любые начинания и решения Кесаря и превозносила его власть как власть законного правителя, наследника и продолжателя дел Божественного Августа.

Читая твои письма, нахожу некоторое удовлетворение в том, что я нынче столь далеко от Румы – я смотрю, у вас там нынче стараниями душки Сеяна (твоего новоиспеченного шурина!) царит суций гадюшник. Ты пишешь, что после ссылки Агриппины немало опасаясь и за свою судьбу. Думаю, твои опасения напрасны. Во-первых, ты теперь какой-никакой, а всё же родственник нашему властолюбивому префекту претория. А во-вторых и в-главных, – и Сеян прекрасно знает это! – ты ведь ни на что не претендуешь и во власть не лезешь, а сидишь месяцами безвылазно на своей вилле в Кампани и пишешь свои исторические трактаты.

Кстати, мой друг, с большим удовольствием прочитал твоё, как ты сам пишешь, «Вступление к истории Карфагена». Очень интригующе. И стиль хорош (твои записки об этрусках всё-таки, на мой взгляд, слегка суховаты). Надеюсь, продолжение не заставит себя ждать?

Старина Гней, когда я был у него в Антиохии в последний раз, говорил о том, что в РOME много шуму наделала книга некоего Федра, баснописца. Что якобы прошёлся он в ней по нашей знати, побивал с неё глянец и лоск, и что ясно видны в некоторых строчках прозрачные намёки на лиц вполне конкретных. Ты мне об этом Федре ничего не

писал. Если сможешь, пришли мне эту книжку с обратной оказией. Любопытно посмотреть.

P.S. И пришли мне «Романскую историю» Гая Патеркула – я начал читать её у Сатурнина, но не дочитал, уехал.

P.S.S. Кипра, между прочим, до сих пор на тебя дуется – из-за твоего развода с Ургуланиллой. Женская блажь, конечно, но понять её можно – они ведь всё-таки подруги.

Скол третий
Палестина. Кесария – Гáба – Сепфóрис – Кафарна́ум
DCCLXXXIII ab U. c., Januarius-Martius

1

– Эй, малый! Поди-ка сюда!

Лопоухий пацан, одетый в невообразимое рваньё, поднялся от небольшого, сложенного из мелкого плавника и щепочек, костра, возле которого он грелся, и, опасливо приблизившись, остановился шагах в пяти.

– Знаешь, что это такое? – спросил Саксум, показывая ему на ладони блестящий аурихалковый дупондий.

Мальчишка, вытянув шею, взгляделся, шмыгнув носом и кивнул.

– Хочешь заработать?

Мальчишка кивнул опять.

– Мне нужны два осла. Или мула. Найди торговца, который бы мне их продал, и приведи его сюда. Сможешь?

Мальчишка подумал и кивнул в третий раз. Был он худой, костлявый, чёрные нечесаные волосы слиплись у него на голове в сальные сосульки, голые руки были по локоть испачканы сажей, полосы сажи были и на лице.

– Ну раз можешь – давай! – сказал нетерпеливо Саксум. – Чего стоишь, как статуя?

Пацанёнок снова шмыгнув носом и, всё так же не говоря ни слова, крутанулся на месте и, взрывая босыми пятками песок и ловко лавируя между тут и там растянутыми для просушки сетями, помчался по берегу, но не к городским воротам, как можно было бы ожидать, а в противоположную сторону – к виднеющимся неподалёку, за корпусами и мачтами вытасенных на прибрежный песок многочисленных разновеликих судов, жёлтым приземистым домам прибрежной деревушки.

– Ты уверен, что он тебя правильно понял? – спросила Хавива. – Куда-то он побежал, по моему, не туда.

Саксум повёл плечом:

– Да кто его знает... Понял, наверное, раз так резво помчался.

– Какой-то он совсем неразговорчивый, – отозвалась о мальчишке Хавива. – Может, немой?

– Может, и немой... – рассеянно откликнулся Саксум. – Главное, понимаешь, чтоб не глухой...

– он проводил взглядом быстро удаляющуюся фигурку, дождался, когда та скроется за ближайшим домом, а потом повернулся к жене. – Ну что?.. Ты как?

– Лучше... Но всё ещё качает, – сказала Хавива и виновато улыбнулась.

– Ничего, – подбодрил её Саксум. – Скоро пройдёт... Тебе не холодно?

Хавива зябко повела плечами.

– Да вот... Что-то знобит слегка.

– Сейчас...

Саксум снял с себя тёплый шерстяной плащ и накинул Хавиве на плечи.

– А ты?

– А мне тепло...

Он не лукавил. Холодный северо-западный ветер сбивал пену с коротких злых волн, раскачивал голые мачты нескольких стоящих у пристани судов, прижимал к земле дым оставленного неразговорчивым пацанёнком костра. Но Саксуму неласковые прикосновения этого ветра были даже приятны – с того момента, когда он ступил на палестинскую землю, он ощущал внутри себя какой-то постоянный нервический подъём, какое-то восторженное клокотание: щёки у него горели, сердце толкалось в груди быстро и гулко, как во время любовного свидания или как перед боем, и ещё почему-то покалывало в кончиках пальцев. Подходила к концу их полугодовая дорожная эпопея...

Турма Саксума была расформирована в июне восемьдесят второго. Новый проконсул Африки Марк Юний Торкват сразу же по приёме дел у своего предшественника взялся за радикальное сокращение численности Третьего «Верного Августу» легиона, непомерно разросшегося за годы правления Долабеллы. В первую очередь, естественно, сокращались вспомогательные отряды.

Проторчав больше месяца в Ламбессе из-за постоянных проволочек с выдачей причитающихся по увольнению выплат, бывшие легионеры перебрались в Гиппо-Регию, где в ожидании попутного судна принялись усердно спускать полученное жалованье в многочисленных

портовых питейных заведений и лупанариях. Большая часть турмы Саксума состояла из кирёнцев – выходцев из либийского Пятиградья. Суда ходили туда из Гиппо-Регии крайне редко, деньги у загульных отставников всё не кончались, так что в конце концов комендант Гиппо-Регии, трибун-ангустиклавий, почтенный Вólус Аэлий Скавр, измученный жалобами жителей города на разгул и бесчинства неугомонных отставников, приказал снарядить для них отдельную либúрну – небольшое одноярусное судно – и в кратчайшие сроки отправить с вверенной ему территории. Как говорится: с глаз долой, из сердца вон. Однако, как это часто бывает, благое начинание одного начальника столкнулось с непониманием начальника другого. Префект флота легиона Нумерий Мунáт Планк категорически воспротивился «разбазариванию» своих кораблей и запретил использование вверенной ему боевой единицы на цели, непосредственно не связанные с выполнением боевых задач. Дрязга получилась громкой. Дело дошло до проконсула. Быстрый в решениях и крутой на расправу Марк Юний Торкват решил дело одним росчерком пера: префект флота был разжалован в кентурионы и сослан в более чем сухопутную Тивесту, а почтенный Волус Аэлий Скавр, с учётом многочисленных его заслуг, был отправлен в почётную отставку и напоследок назначен старшим на трирему «Салáкия», снаряжённую для перевозки двух сотен уволенных со службы легионеров, скопившихся уже к тому времени в порту Гиппо-Регии.

Большинство отставников плыло в метрополию. Поэтому трирему решили запустить по компромиссному маршруту: сначала до Каралиса на Сардинии, потом – до сикилийского Лилибаума, где должны были сойти все, кто добирался на материк, а уже из Лилибаума – в Киренаику с промежуточным заходом на Мелиту.

В путь отправились тихим солнечным утром за два дня до августовских Виналий, которые отставные легионеры уже готовились было отметить в гиппо-регийских попинах с размахом, необходимым для их, истомившихся на долгой службе, организмов.

Легионеров разместили на палубе, семейным отвели временно пустующую носовую боевую башню. Саксум и Хавива поначалу забрались на самый верхний её этаж, но, как оказалось, там гораздо сильнее ощущалась качка, и Хавива вскоре запросилась вниз. Саксум не возражал. Он устроил Хавиву на первом этаже, на лежащих вдоль стены бухтах пенькового каната, а сам вновь поднялся на верхний ярус башни. Корабль шёл на север. Стоял штиль, паруса были убраны, и трирема продвигалась вперёд, повинуясь слаженным и мощным ударам полутора сотен вёсел. «Не-ле-НИСЬ!.. На-ва-ЛИСЬ!.. Не-ле-НИСЬ!.. На-ва-ЛИСЬ!..» – негромким хриплым хором задавали ритм зíгиты – гребцы среднего яруса. Команда работала споро: гортáтору – начальнику вёсельной команды – практически не находилось работы. Он стоял в центре своего помоста и, засунув большие пальцы рук за широкий кожаный пояс, сонным взглядом наблюдал за действиями своих подопечных. Страшный плетёный бич – гроза лентяев и неумех – лениво висел на его плече. Саксум посмотрел назад. Красно-жёлтая полоска земли всё ещё была видна на горизонте. «Не-ле-НИСЬ!.. На-ва-ЛИСЬ!..» Вёсла с плеском взрывали зелёную воду. Жалобно прокричала увязавшаяся за кораблём одинокая чайка. Саксум долго, с какой-то невыразимой грустью смотрел на удаляющийся нумидийский берег, на землю, где прошла, ни много ни мало, а почти половина его жизни, где осталась его молодость, его юношеские мечты, где навсегда остались могилы его друзей, могила Ашера. Саксум вздохнул. Ведь даже похоронить по-человечески ему своего брата не удалось. Всех легионеров, погибших под Тубуском, погребли по романскому армейскому обычаю – в общей могиле...

После полудня подул устойчивый юго-западный ветер, и матросы «Салакии», споро орудуя такелажем, развернули оба паруса: большой основной и вспомогательный малый передний. Гребцы получили возможность отдохнуть.

Путь до Каралиса, где с корабля сошли все сардинцы, занял ровно сутки. Ещё за сутки – благодаря хорошему попутному ветру – добежали до Лилибаума.

В Лилибауме простояли неделю – начавшиеся Виналии вывели из строя всю вольнонаёмную часть экипажа. Не отстал от своих подчинённых и триерарх – капитан триремы – бронзоволицый сквернослов и драчун Пáквий Луск. С началом праздников он попросту пропал с корабля, и лишь на шестой день был найден своей командой на дому у известной местной гетеры Фервэны и не без труда доставлен на корабль. Ещё одни сутки ушли на приведение триерарха в подобающее для командования судном состояние, и лишь за пять дней до сентябрьских календ «Салакия» вновь вышла в море, держа курс на мелитский порт Бирзébуга.

На Мелите, которая должна была стать лишь кратким привалом на пути в Киренаику, из-за неожиданно начавшихся штормов проторчали почти месяц. Четыре раза «Салакия», используя краткие затишья, выходила в море в надежде достичь либийского побережья, и все четыре раза плотный встречный ветер, несмотря на титанические усилия гребцов и сорванные голоса гортатора

и капитана, загонял судно обратно в давно уже всем осточертевшую бирзевугскую бухту с её единственной дрянной закуской и местной солоноватой питьевой водой, от которой все поголовно страдали жестокой изжогой. Именно там, на Мелите, в убогой портовой гостинице, под свист в щелях закрытых ставень юго-восточного ветра «альтана», Хавива сообщила Саксуму, что она беременна.

Эта новость – нет, не огорошила отставного прим-декуриона и, в общем-то, даже не особо удивила его, они с Хавивой уже давно хотели ребёнка – но показалась... несколько несвоевременной, что ли, – Саксум почему-то никак не предполагал, что давно ожидаемое известие застигнет его как раз в пути...

В первый из киренских портов – Береник – приплыли в конце сентября. Здесь Паквий Луск хотел было высадить всех киренцев и, используя всё ещё не переменившийся, хотя и сильно ослабевший «альтан», уйти обратно в Гиппо-Регию, однако Саксум, благоразумно предполагавший такое развитие событий, предъявил триерарху папирус, испрошенный им у Волуса Аэлия Скавра ещё на Сицилии и предписывающий капитану «Салакии» развезти всех киренцев по их родным городам. Прочитав документ, Паквий Луск переменялся в лице, призвал на голову Саксума все известные и ещё с десятков неизвестных отставному приму проклятий, но послушаться письменного приказа всё же не посмел.

И началось неспешное плаванье вдоль бесплодных и негостеприимных киренских берегов. Из Береника – в Арсиною, из Арсинои – в Птолемайс, из Птолемаиса – в Аполлонию и далее – в конечную точку маршрута – в белокаменный Дарнис. В каждом из портов стояли по несколько дней – бывшие сослуживцы и друзья прощались друг с другом. Капитан «Салакии» поначалу страшно ругался из-за каждой очередной задержки, потом лишь ворчал, а потом и сам втянулся в непрерывающиеся гулянки-прощания, где слёзы лились ручьями, а вино – рекой, где радость обрётённой свободы сменялась печалью расставания, чтоб через мгновенье вновь смениться радостью...

А на пятый день пребывания в Дарнисе Хавиву свалила лихорадка.

Саксума с больной женой приютил Метт Пульхр – бывший декурион-три из турмы Саксума.

Дом родителей Метта стоял за городской стеной, над морем – в одной из многочисленных рыбацких деревень, что тянулись по берегу на несколько десятков стадиев в обе стороны от Дарниса. В доме, кроме родителей отставного декуриона, жил его старший брат Кунт со своей семьёй: женой и четырьмя детьми. Дом был небольшой, построенный из местного белого камня и по местным обычаям: круглый, безоконный, с каменной купольной крышей, в центре которой было оставлено небольшое отверстие, через которое в дом проникал свет и выходил дым от горящего в доме очага. Саксума, помнится, тогда очень заинтересовал вопрос: каким образом местные умельцы умудряются складывать такие крыши, камни которых, между прочим, абсолютно ничем не были скреплены между собой. Он всё собирался спросить об этом Метта, но всякий раз забывал – болезнь Хавивы, страх за вынашиваемого ею ребёнка, за неё саму вымывали из головы все посторонние мысли. Спросила об этом сама Хавива, когда после трёх недель горячки, потного мечущегося бреда и изнуряющих приступов тошноты пошла на поправку и стала мало-мальски интересоваться окружающей её действительностью.

Метт с удовольствием рассказал. Оказывается, крыша дома строилась не на весу и не с помощью системы хитроумных подпорок, как предполагал до этого Саксум. Просто по мере возведения стен внутренняя часть дома засыпалась песком; из песка же, выше стен, отсыпалась и форма купола, опираясь на которую и складывали из каменных плит саму крышу. После того как в купол крыши вставлялся последний – «замковый» – камень, песок изнутри убирали – и дом был готов. Метт, посмеиваясь, рассказал и о небольшой хитрости, применяемой для облегчения последнего этапа работ. Перед тем как между стенами дома начинали засыпать песок, хозяева разбрасывали на полу несколько медных монет, а по окончании строительства звали к дому нищих, которые азартно, соревнуясь друг с другом, выгребали из дома весь песок в поисках вождельной добычи...

– О чём думаешь? – спросила Хавива.

– Что?

– Ты о чём-то задумался, смотришь вдаль и улыбаешься.

– Да так... Вспомнилось почему-то, как Метт в Дарнисе рассказывал про нищих, которые выгребают песок из дома.

– А-а... – Хавива тоже улыбнулась. – Да, забавно. И остроумно... Я, кстати, до сих пор не понимаю – как же она всё-таки держится?

– Крыша?

– Да.

– Держится. Умеют строить... Ну что, согрелась?

– Да... Почти... – Хавива поплотнее запахнула плащ и вновь посмотрела в ту сторону, куда убежал босоногий посыльный. – Что-то долго гонца нашего нет. Как думаешь?

Саксум огляделся и, сделав несколько шагов, уселся на наполовину ошкуренное кедровое бревно, лежащее на невысоких козлах. После чего приглашающе похлопал ладонью рядом с собой.

– Садись. Ещё неизвестно сколько ждать. Тут тебе не рынок, чтоб быстро торговца найти. Пацанёнок этот, может, ещё бог весть сколько бегать будет.

Хавива подошла и присела на бревно рядом с мужем. Саксум обнял её за плечи, и она доверчиво прижалась к нему.

– Устала?

– Да день-то ещё только начался. Когда ж тут было устать?

– Путешествовать устала? – уточнил Саксум.

– А-а, это... – Хавива хмыкнула. – Да, что есть, то есть. Ведь, почитай, полгода уже... путешествуем.

– Ничего... – сказал Саксум. – Уже немного осталось. Отсюда до Ципори всего два дня пути... Ничего...

К концу октября Хавива встала на ноги, но о том, чтобы продолжать путь, не могло пока быть и речи – женщина была ещё слишком слаба. А потом наступили ноябрьские иды, что означало конец сезона навигации: с этого момента и до третьего дня от мартовских нон, до Плойафесий – дня, в который божественная Исис отправилась когда-то на поиски своего мужа Осириса – всякий выход в море был под запретом. Нет, никто бы, конечно, не велел отрубить отступнику голову или, скажем, посадить его в тюрьму, выходить в море было, в общем-то, можно, и некоторые отчаянные смельчаки из купцов или гонимые голодом рыбаки так и поступали, но каждый из них знал: делает он это отныне исключительно на свой страх и риск, случись что – и надеяться не на кого: боги в это время года глухи к молитвам людей, осмелившихся нарушить их запрет.

Тем временем Пульхр привёл в дом жену, и в тесном рыбацком жилище стало ещё теснее. Хотя никто не сказал гостям ни полслова, Саксум с Хавивой поняли, что пора уходить.

Саксум зачастил на дарнисский рынок и спустя несколько дней договорился с одним из местных купцов, собиравшим караван на Александрию. Купец, узнав, что имеет дело с легионером, пусть даже и отставным, с радостью согласился взять Саксума с собой: дорога на Александрию шла через Мармарыку – пожалуй, самую небезопасную часть африканского побережья. Таковой она считалась из-за частых набегов кочевников-адирмахидов, без разбору нападавших как на купеческие караваны, так и на суда, имевшие неосторожность пристать на ночёвку к пустынному мармариканскому берегу. Про диких адирмахидов в Дарнисе ходила масса самых зловещих слухов, начиная с того, что они якобы пьют кровь своих жертв, и заканчивая тем, что природная злоба их столь сильна, что они, поймав на себе вошь, не выбрасывают её и даже не давят, а грызут зубами в отместку за её укусы.

Сорок шесть дней пути от Дарниса до Александрии слились для Саксума в один бесконечный изнуряющий день. Две песчаные бури, одно нападение адирмахидов сразу за перевалом Катабатám, четыре могилы спутников, оставленные в тихой лавровой роще на северном склоне либийского нагорья – вот нерадостные вехи этого долгого пути. Саксум, отвыкший за пять последних лет службы от длительных походов, чувствовал себя к концу маршрута совершенно измотанным и с огромным удивлением наблюдал за Хавивой, которая, невзирая на свою беременность и перенесённую болезнь, оставалась весёлой и жизнерадостной и, казалось, вовсе не замечала тягот и лишений дальней дороги.

Новый год застал путников в маленьком посёлке Локассис, в трёх переходах от Александрии. Здесь Саксум и Хавива расстались с караванщиками, ставшими им за полтора месяца пути чуть ли не родными. Купцы решили сделать в Локассисе длительный привал, чтобы просушить тюки с овечьей шерстью, намокшие от страшного ливня, под который караван попал накануне. А Саксум торопился в Александрию, где было не так голодно и где можно было найти более-менее приличное жильё для того, чтобы прожить в нём остаток зимы. Кто его знает – может, и рожать Хавиве ещё здесь придётся? Срок-то – как раз где-то в марте.

Однако в Александрии им повезло: в первый же день, придя в еврейскую общину, они узнали от местного рабина, что на днях из египетской столицы на Сидон уходит корабль.

Отыскать в Александрийском порту судно, уходящее в Сирию, было несложно – это был единственный на всём близлежащем побережье корабль, готовящийся к выходу в море.

Хозяин будары – небольшого торгового судна – Цохар бар-Ноах оказался приземистым лысоватым мужичком с пронзительными чёрными глазами и лохматой, торчащей во все стороны, чёрной как смоль бородой. Саксума он встретил без приязни – пассажиры ему были не нужны, но, увидев круглый живот Хавивы, мгновенно сменил гнев на милость – без всякого сомнения, решил он, божественная Котхарот, покровительница семей и беременных женщин, любимица великой Ашрату, не даст в обиду свою подопечную, защитив тем самым и весь корабль от возможного гнева повелителя морей Яма. Вопрос был решён. Более того, дабы не осквернять богоугодное дело денежными отношениями, осмотрительный капитан наотрез отказался брать с Хавивы и Саксума плату за проезд.

Цохар спешил в Сидон. Последнее его сентябрьское плаванье из кретского Кносса в Александрию закончилось на камнях у небольшого киренского островка Платея. Тот самый неуступчивый «альтан», который месяц не выпускал «Салакию» из бирзевугской бухты, неожиданный и неуместный в это время года, сломал на бударе Цохара мачту, протащил несчастный корабль почти две тысячи стадиев в западном направлении и выбросил на камни у негостеприимного киренского побережья. Цохару с огромным трудом, лишь выбросив за борт почти весь груз (между прочим, полтысячи амфор с великолепным кретским таниотиком!), удалось снять корабль с отмели и, постоянно откачивая воду из пробитого в двух местах корпуса судна, довести свою полузатопленную будару до египетской столицы. Здесь (беда не приходит одна!) его ждало пришедшее из Сидона известие о смерти отца. Цохар – старший сын в семье, справедливо надеясь на причитающееся ему наследство и в то же время немало опасаясь за него, влез по уши в долги, чтобы восстановить свой многострадальный корабль и в кратчайшие сроки отплыть домой. К началу января ремонт был закончен. Цохар, будучи до мозга костей купцом и пользуясь зимним торговым застоєм на александрийском рынке, подзаянл ещё денег и закупил по дешёвке большую партию отменных нубийских фиников, чтобы с выгодой продать их в Сидоне и хоть в малой части вернуть свои огромные денежные потери.

Плыли осторожно. Цохар, несмотря на свою отчаянную смелость, был мореходом опытным и расчётливым и попусту не рисковал. Поэтому шли короткими переходами. Из Александрии – до Пелузия, оттуда, четыре дня прождав благоприятного ветра, – до Газы. Из Газы наконец – до Кесарии Палестинской. Цохар, экономя время и деньги, не стал заходить в удобную, защищённую рукотворными молами, но, увы, платную кесарийскую гавань, а высадил их севернее – собственно, уже за городом, возле небольшой рыбацкой деревушки, прилепившейся к жёлтым, сложенным из местного песчаника, городским стенам. Здесь и распрощались. Капитан пожелал своим единственным пассажирам долгой и счастливой семейной жизни, а Хавиве даже подарил напоследок маленькую бронзовую статуэтку полногрудой Котхарот. Саксум, дабы не оставаться в долгу, купил у Цохара десять модий фиников, сам же назначив за них хорошую, даже по сидонским меркам, цену...

– Идут! – сказала Хавива.

Они поднялись с бревна.

Из-за домов показалась недлинная неторопливая процессия: впереди, ссутулясь и зябко сунув ладони под мышки, шёл их знакомый босоногий малец; за ним, по-журавлиному выбрасывая длинные ноги, двигался высокий и худой, как жердь, горожанин в красно-бурой накидке-сймле, подпоясанный широким полосатым поясом и в завязанном вокруг головы коричневом платке; далее взбивали копытцами песок два длинноухих черноспинных ослика, и замыкал шествие невысокий подросток, скорее всего, сын горожанина – в точно такой же, как у отца, красно-бурой симле, но только неподпоясанный, – простоволосый, с короткой хворостинкой в руке.

Процессия приблизилась. Босоногий пацан указал хозяину осликов рукой на Саксума, а сам отошёл к почти потухшему уже костру и, опустившись на четвереньки, принялся раздувать его, подкладывая в еле живое пламя щепочки и кедровую кору.

– Это тебе, что ли, ослы нужны? – останавливаясь перед Саксумом и глядя на него сверху вниз, спросил горожанин.

Голос у него оказался неожиданно низким, басовито-трубным, никак не вяжущимся с его худым долговязым телом.

– Мне, – не стал отрицать Саксум. – Что ты хочешь за них?

Хозяин осликов не торопился. Он внимательно оглядел сваленную на берегу поклажу путников, задержался взглядом на животе Хавивы, пожевал губами, отчего его длинный нос смешно задвигался из стороны в сторону, и лишь затем огласил цену:

– Пятьдесят серебряных сиклей.

Саксум поперхнулся.

– Пятьдесят?! Побойся бога! Да за пятьдесят сиклей серебра двух коней породистых купить можно, а не то что, понимаешь, каких-то двух ослов! Да ещё и на сбрую останется!.. Двадцать.

– Сколько?! Двадцать?! – глаза торговца опасно выкатились, а голос трубно загрохотал. – Ты с ума сошёл?! У нас на рынке хороший гусь столько стоит!.. Сорок...

Впрочем, торговались недолго. Сошлись на тридцати. Саксум полез в свой дорожный сундучок, извлёк оттуда тяжёленькую полотняную колбаску, развязал её, вытряхнул на ладонь четыре серебряных монеты, после чего протянул колбаску торговцу.

– Девяносто шесть денариев. Проверь.

Продавец снял с себя шерстяной пояс, опустил на корточки и стал разворачивать его, аккуратно расстилая по земле. В поясе, который по мере разворачивания постепенно превращался в большой клетчатый платок, оказались спрятанными маленькие разборные весы с круглыми бронзовыми чашечками и холщовый мешочек с небольшими гладкими камешками-разновесами. После этого торговец встал на край платка на колени и принялся вытряхивать из колбаски тускло отсвечивающие серебром, глухо позвякивающие монеты. Проверка полученных денег заняла времени гораздо больше, чем сам торг: продавец тщательно взвешивал каждый денарий, внимательно – то поднося к самым глазам, то откидывая голову назад и щурясь, – осматривал монеты, осторожно пробовал их на зуб, скрёб одну об другую и, кажется, даже нюхал. Вообще, его длинный нос принимал во всех действиях своего хозяина самое активное участие: он шевелился, морщился, краснел, покрывался мелкими бисеринками пота и всё время, постоянно двигался из стороны в сторону. Потом торговец осликами аккуратно разложил монеты в столбики по десять штук, дважды пересчитал все столбики и наконец поднял голову.

– Добавил бы пару монет, – жалобно пробасил он. – Денарий сейчас дешевлеет. Вон, в Йерушалайме за зуз золота уже четыре денария дают.

– Давай я тебе лучше фиников отсыплю, – улыбнулся Саксум и, запустив руку в свою дорожную торбу, протянул торговцу на ладони несколько крупных глянцево-коричневых «пальчиков». – Хорошие финики. Посмотри. Нубийские. Прямо из Александрии. А сладкие! Как мёд!

– Не надо! – хмуро отстранил протянутую руку торговец.

Он свернул платок с весами и со всеми лежащими на нём монетами в длинную полосу, ловко подпоясался им и, поднявшись, принялся отряхивать колени.

– Один совет. Напоследок, – распрямляясь и опять глядя на Саксума сверху вниз, сказал он. – Больше не показывай никому свои деньги. Не надо. Лучше сразу их поменяй. А то... могут быть неприятности... – потом подвигал носом и добавил: – Возле старого рынка меняльная лавка есть. Кривой Элазар держит. Вот у него можешь... Это – здесь, рядом, сразу за воротами... – он показал рукой на возвышающуюся неподалёку могучую привратную башню и опять пошевелил носом. – Да и переоденься в местное. А то в тебе за две эстады отставного легионера видать. А у нас их, знаешь ли, не любят. Опять же... могут быть неприятности. Напорешься на какого-нибудь... с кинжалом... Короче, я сказал, а ты думай. Жена у тебя – вон... это самое... Жалко.

Подождив таким образом свою речь, продавец осликов отобрал у сына хворостину, с торжественным видом вручил её Саксуму и, повернувшись, зашагал прочь, гордо задирая голову и по-журавлиному выбрасывая длинные ноги. Сын посеменил следом.

– Как ты думаешь, облапошил он нас? – глядя вслед удаляющемуся торговцу, спросил Саксум. – Девяносто денариев всё-таки. Трёхмесячное жалование легионера.

– Понятия не имею, – откликнулась Хавива. – Может, и облапошил. Кто ж знает, сколько у них тут на рынке ослы нынче стоят.

– М-да... – Саксум задумчиво пошкрябал пятернёй в бороде. – Ну да ладно! Облапошил, так облапошил. Чего уж теперь. И вообще! Куда нам было деваться? Не на себе ж, в самом деле, пожитки переть!

Босоногий малец, всё это время терпеливо сидевший у своего костра, встал, подошёл к Саксуму и требовательно протянул руку. Саксум внимательно посмотрел на него, а потом с самым серьёзным видом положил на чумазую ладонь несколько фиников. Малец с удивлением взглянул на отставного прима, потом сунул один финик за щёку, а остальные быстро спрятал куда-то под тряпье и вновь протянул к Саксуму ладонь.

– Слышал, что сказал этот уважаемый? – кивнул Саксум вслед ушедшему торговцу. – Деньги поменять надо. А то, понимаешь... могут быть неприятности, – попытался он скопировать густой трубный голос продавца осликов. – Поменяем деньги – вместо дупондия получишь пять прут... Знаешь, где лавка Кривого Элазара?

Малец посмотрел на Саксума исподлобья, пошмыгал носом, а потом, приглашающе мотнул головой, повернулся кругом и, спрятав ладони под мышки, резво зашагал к городским воротам.

– Эй! Постой! – крикнул ему вслед Саксум. – Не так быстро! Нам ещё поклажу увязать надо!..

В лавке у Кривого Элазара было сумеречно и почему-то пахло скисшим молоком.

Сам хозяин лавки – действительно одноглазый – сидел за грубо сколоченным столом и лениво наблюдал за вольно гуляющими по пустой столешнице большими зеленоватыми мухами.

Войдя, Саксум огляделся и, приблизившись, водрузил на край стола свой сундучок.

– Деньги меняем? – тихо спросил он хозяина лавки.

– Меняем, – вяло согласился Элазар. – Что у тебя?

– Денарии, – сказал Саксум.

– Сколько?

– Тысяча.

Единственный глаз менялы чуть не выпал на стол.

– Сколько?!!

– Тысяча, – подтвердил Саксум и, открыв сундучок, принялся одну за другой выкладывать перед обалдевшим менялой плотные полотняные колбаски.

– Золота нет! – опомнившись, быстро сказал Элазар. – На золото не меняю!

– Мне на пруты, – успокоил его Саксум, продолжая доставать деньги. – На пруты меняешь?

– На пруты?! – явно обрадовался меняла. – На пруты это с нашим удовольствием! На пруты это я моментом! Дети! Зэвик! Йóси! Э́фик! Шмúлик! – закричал он, оборачиваясь к задней двери. – Идите сюда! Несите деньги! Несите много денег!..

Через мгновение в маленькой комнатке стало тесно и шумно. На столе вместо мух появился деревянный денежный ящик со множеством отделений, двое весов – большие и маленькие и большое количество плотно набитых, пузатых льняных мешочков, аккуратно завязанных пеньковым шнуром и опечатанных восковой печатью. Дети Элазара – верзилы, самый низкий из которых был на добрых полголовы выше совсем даже немаленького Саксума, – робко обступили отставного прим-декуриона, вежливо подставили ему стул, подали, смущённо улыбаясь, на серебряном подносе серебряную чарку с подогретым вином.

– Вот что... – медленно сказал Саксум, садясь и обводя глазами обступивших и выжидательно глядящих на него детей менялы. – Ежели у вас тут такой, понимаешь... элизий, то, может, вы и одежду можете купить? Мне и моей жене. Она там, с вещами, на улице...

На ночлег остановились на постоялом дворе у перекрёстка дорог на Габу и Ципори.

Саксум определил ослов в стойло, после чего перетаскал поклажу в комнатку на втором этаже, отведённую для него с Хавивой хозяином трактира. Хозяин этот сразу не понравился Саксуму. Был он сам мал ростом, мелок телом, но имел при этом большой мясистый нос, покрытый частой сетью синеватых прожилок, большие влажные губы, большие хрящеватые уши, поросшие густым белым пухом, выпуклые глаза со слезой и вытянутую вверх яйцеобразную голову, поросшую редкими потными волосиками и увенчанную на острой макушке чёрной вязаной кипой. Довершала эту нерадостную картину неопрятная козлиная бородка, торчащая, казалось, прямо из кадыка владельца трактира. Вёл он себя с гостями заискивающе, много кланялся, много говорил дребезжащим старческим голосом и много жаловался: на дороговизну, на налоги, на романские патрули, бесплатно обедающие в трактире, но нимало не защищающие от разбойников, на нерадивых слуг, за которыми всё всегда приходится переделывать, на больную поясницу, на погоду. Как и ожидал Саксум, содрал он с «дорогих гостей» за постой немало: тридцать прут за ночлег, пять – за стойло и корм для ослов и ещё десять – за ужин. Деньги, разумеется, радушный хозяин трактира потребовал вперёд.

Ужинали внизу, в полупустом зале, освещённом – видимо, в целях экономии – одним единственным немилосердно коптящим факелом.

Саксум, несмотря на трудный день и длительную пешую прогулку, голода не чувствовал. Он вяло жевал плохо прожаренного цыплёнка, запивая его скверным ретийским и так же вяло думал сразу обо всём. Хавива же, наоборот, ела с аппетитом и даже попросила у повара добавки – тушёной в оливковом масле тыквы.

Кроме них в зале был занят ещё только один стол: прямо под факелом расположилась компания из четырёх молчаливых мужчин – судя по бедной одежде, скорее всего, батраков, – которые по очереди тягали деревянными ложками из стоящего посередине стола котелка какое-то жидкое варево.

Хавива, вытирая хлебной коркой миску, внезапно рассмеялась.

– Ты чего? – не понял Саксум.

– Да так. Вспомнила мальчишку этого. В Кесарии. Как он нас отбрил!

Саксум тоже улыбнулся:

– Да-а... Настоящий мужик растёт. Суровый и молчаливый... Как он там меня приложил? Индюком александрийским?

– Фазаном, – поправила Хавива. – Он назвал тебя александрийским фазаном. А меня дурой толстобрюхой.

– Вот ведь паршивец! – восхитился Саксум, во всех подробностях вспоминая забавную сценку у дверей меняльной лавки...

Когда они с Хавивой, малость утомлённые оказанным им вниманием, в новых одежках и с полным сундучком медных монет вышли наконец из лавки Элазара, босоногий малец терпеливо дожидался их, сидя на корточках под стеной дома рядом с навьюченными ослами, оставленными под присмотром младшего из детей менялы – огромного широкоплечего Шмулика.

Саксум, отсчитав пять прут, протянул мальчишке честно заработанные им деньги и поинтересовался:

– Родители-то у тебя есть, воин?

Тот быстрым движением сгрёб у Саксума с ладони монеты, спрятал их у себя где-то под лохмотьями и, подняв лопухую голову, отрицательно помотал ею.

– Сирота, стало быть, – подытожил Саксум.

Подумав, он достал из кошелька ещё две пруты:

– На, держи, купи себе что-нибудь на ноги. Сандалии какие-нибудь. А то простудишься чего доброго и помрёшь. Холодно. Не сезон сейчас, понимаешь, босиком бегать.

Мальчишка внимательно посмотрел на Саксума, осторожно взял деньги и зажал их в кулаке. Оттопыренные уши его порозовели.

– Родители-то твои куда делись? – спросил Саксум, пряча кошелек. – Или ты с рождения сирота?

– Господи, Шимон, – вмешалась Хавива, – ну чего ты спрашиваешь?! Ты же видишь – он немой! Как он тебе ответит?!

Мальчишка удивлённо посмотрел на Хавиву, шмыгнул носом и вдруг ломким баском отчётливо произнёс:

– Сама ты немая! Дура толстобрюхая!

– Ух ты! – обалдел Саксум. – Так ты что, говорить умеешь?! А чего ж до сих пор молчал?

– Умею. Не хуже тебя, – с солидностью в голосе произнёс пацан. – А говорить – надобности не было. Чего попусту языком молоть? Чай, не баба.

Хавива прыснула в кулак. Саксум удивлённо покачал головой:

– Ну ты, прям, как этот... как оракул – пока денежку не дашь, слова не услышишь.

Он хотел было по-дружески потрепать мальчишку по вихрам, но тот вывернулся из-под руки и отскочил в сторону.

– Сам ты... каракул! – звонко крикнул он; чумадые щёки его полыхнули румянцем. – Думаешь большой – можешь обзывать?! Сам вырядился, как фазан, а туда же!

– Да подожди ты!..

Саксум, улыбаясь, двинулся было к пацану, но тот, отбежав на несколько шагов, обернулся и звонко крикнул:

– Фазан! Фазан александрийский!

После чего показал Саксуму неприличный жест и нырнул в рыночную толпу...

– Ну, со мной-то ясно, – сказала Хавива, отодвигая от себя пустую миску, – Может, не совсем и дура, а вот то, что толстобрюхая – это точно. А вот почему ты у меня фазан именно александрийский?

– Это как раз совсем просто, – улыбнулся Саксум. – Мальчишка ведь видел, что мы с будары сошли. Так? А будара приплыла из Александрии. Это во всей округе, наверняка, знают. Сейчас ведь не сезон, все приплывшие корабли наперечёт. Особенно те, что пришли издалека. Так что

насчёт александрийского как раз всё понятно. А вот почему, понимаешь, фазан? Что у меня с фазаном-то общего?

– Ой, да ты на себя со стороны посмотри! – всплеснула руками Хавива. – Да такие котурни, если и есть у кого в Палестине, так разве что у самого наместника. А симла! Хитрец Элазар для тебя, наверное, самую дорогую симлу на рынке выбрал. Про пояс я вообще не говорю! Я что-то, пока мы от Кесарии шли, ни у кого такого пояса не видела. Даже близко! Так что я вполне этого пацанёнка понимаю. Ты и раньше-то смотрелся далеко не бедно. А теперь, после того как Элазар для тебя всю эту дороговую одежду накупил, – и подавно!.. На тебя ж, между прочим, все встречные женщины заглядываются, а некоторые даже вслед оборачиваются!

– Да ты что?! – изумился Саксум. – А я что-то не заметил.

– Оборачиваются-оборачиваются, – засмеялась Хавива. – И не надо делать такие круглые глаза, хитрец!

– Это они вовсе не на меня оборачиваются.

– А на кого?

– Не на меня!

– Ну а на кого, если не на тебя? На кого? На меня что ли? На живот мой?

– На осла! – «догадался» Саксум. – Что ты смеёшься? На осла! Осёл у меня, понимаешь, красивый очень! Ты видела? Пряма Аполлон! Я его ещё когда в Кесарии в первый раз увидел, сразу подумал: «Какой красивый осёл! Аполлон, да и только!» Ноги какие! А глаза! Гагаты, а не глаза! А уши-то, уши! Мне б такие уши, я бы первым красавцем во всей Палестине был! Прямые, стройные, чуть ли не в две пяди длиной, да ещё и шерстью поросшие! Вот ты только представь меня с такими ушами! А?! Согласись, ведь красавец!..

– Да ну тебя!.. – Хавива, держась за живот, тяжело отдувалась. – Прекрати!.. А то я сейчас рожу! Нельзя мне так смеяться!

– Ладно, всё, не буду, – Саксум погладил её по плечу. – погоди рожать. Нам ещё до Ципори идти надо. А потом – ко мне домой... Ну ты как, наелась? Или ещё что-нибудь взять?

– Ой, нет, всё, – Хавива покрутила головой. – И так дышать тяжело. Сlopала две полных миски! Вкусный у них тут соус...

В это время, стуча башмаками по каменному полу, в трактир ввалилась новая компания: трое мужчин и одна женщина. Они уселись за ближайший к дверям стол и принялись громко звать хозяина.

– Пойдём, – сказал Саксум Хавиве. – Спать пора. Завтра вставать рано.

Они прошли мимо шумной компании и поднялись наверх. На полу возле их комнаты неярко мерцала жёлтым огоньком масляная плошка.

– Во как! – пробормотал Саксум. – Заботится яйцеголовый. Кто б мог подумать!

Он поднял с пола светильник, отомкнул тяжёлым бронзовым ключом массивный накладной замок и толкнул ладонью сердито заскрипевшую дверь. Войдя, Саксум внимательно осмотрел комнату, потом вернулся к двери, запер её на внутренний засов, подёргал, проверяя, подошёл к узкому окну, постучал по закрытой ставне, после чего повернулся к жене.

– Ты ничего не заметила?

– Нет, – пожалала плечами Хавива. – А что я должна была заметить?

– Да тип этот... Ну, из компании, что только что пришла. Тот, что к нам спиной сел. Видела?.. – Саксум покусал губу. – По-моему, он ещё в Кесарии около нас крутился. Возле лавки Элазара. Что он тут, понимаешь, забыл?.. Ой, что-то не нравится мне всё это!

– Может, ты ошибаешься? – Хавива встревоженно посмотрела на мужа. – Темно там. Мог ведь и обознаться.

– Мог, – не стал спорить Саксум. – Но, по-моему, это всё-таки он. Я его перебитый нос запомнил. Очень, понимаешь, приметный нос.

– И что будем делать?

– Что будем делать?.. – Саксум решительно направился к кровати. – Спать будем. Если это шайка, здесь они всё равно на нас напасть не посмеют. И обворовать ночью не обворуют – засов надёжный, я проверил, снаружи такой никак не отопрёшь. И через окно вряд ли – второй этаж, ставня... – он уселся на кровать и принялся расшнуровывать котурни. – Ну, а завтра – посмотрим. День – не ночь, утро – не вечер... Хотя... – он замолчал, размышляя, потом встал и, подойдя к сваленной в углу комнаты поклаже, принялся споро расшивать один из тюков. – Хотя...

Он развязал мешок и извлёк из него свой меч, заботливо завернутый в кусок грубой дерюги. Размотав ткань, Саксум вынул спату из ножен и внимательно осмотрел её. После чего утвердил обнажённый меч у изголовья кровати.

– Бережёного бог бережёт, – сказал он, поймав встревоженный взгляд Хавивы. – На всякий, понимаешь, случай. Мало ли чего.

– Шимон... – начала было Хавива, но Саксум не дал ей договорить.

– Я ж тебе говорю – на всякий случай! Не волнуйся, я тебе обещаю: всё будет хорошо, – и, видя, что жена медлит, добавил уже решительно: – Всё, хватит на сегодня разговоров. Давай гаси свет и ложись.

Он снял свою дорогушую, расшитую звёздами симлу, скинул котурни и растянулся на кровати, с наслаждением вытянув гудящие от долгой ходьбы ноги. Хавива задула лампадку, коротко пошуршала в темноте и вскоре улеглась рядом, уткнувшись носом в его плечо.

– Главное, чтоб они ослов наших из стойла не увели... – поворачиваясь к жене и обнимая её, сказал Саксум и, улыбнувшись в темноту, добавил: – Особенно, понимаешь, моего... Аполлона...

Ночь прошла спокойно.

Встали с рассветом. Сквозь щели в закрытой ставне пробивался неверный свет. В комнате было серо и холодно. Саксум выбрался из-под одеяла и, щёлкая зубами, принялся обуваться. Хавива, сидя на кровати, расчёсывала гребнем свои густые длинные волосы.

– Перекусить бы чего перед дорогой... – сказал Саксум, зевая и вздрагивая от утреннего озноба. – Хотя у хозяина сейчас вряд ли чего допросишься.

– У нас лепёшки есть, – сказала Хавива. – И изюм.

– И финики, – добавил Саксум. – И полфляги воды. Ладно, нормально, перебьёмся.

– А знаешь, – сказала Хавива, поднимаясь, – я сейчас схожу к хозяйке и возьму молока. Ну, или простокваши. Чего нам простую воду хлебать.

– Правильно, – одобрил Саксум. – Молодец. И сыра возьми. На сейчас и в дорогу. Сыр-то у них должен быть... Держи деньги.

Он отсчитал несколько монет из кошелька. Хавива повязала на голову платок и, подойдя к двери, откинула тяжёлый засов.

В то же мгновение дверь распахнулась, сбив Хавиву с ног, и в комнату с грохотом ворвались три человека; в сумеречном свете тускло блеснули ножи.

Саксум среагировал мгновенно. Не успел ещё упасть на пол поваленный Хавивой стул, а спата прим-декуриона, описав широкую дугу, уже обрушилась на голову первого из нападавших. Второму достался режущий удар по шее. Разбойник выронил нож, схватился руками за горло и стал медленно сползать по стене; из-под его пальцев толчками била густая чёрная кровь. Третий грабитель – тот самый кесариец с перебитым носом – вооружённый топором с длинной рукояткой, поначалу было опешил и попятился, но быстро пришёл в себя и, шагнув вперёд, взмахнул своим оружием. Саксум подсел и рубанул кесарийца клинком по колену. Тот заревел и, схватившись за ногу, повалился на пол; топор его, звякнув, отлетел в сторону. Саксум ударом ноги опрокинул грабителя на спину и, перехватив меч двумя руками, вонзил его в середину груди лежащего. Кесариец захрипел, выгнулся и затих.

Саксум огляделся. Всё было кончено.

В это время за дверью зашаркали шаги и знакомый дребезжащий голос вкрадчиво произнёс:

– Барух, уже всё?.. – в комнату, держа перед собой зажжённую лампадку и загораживаясь рукой от её света, осторожно заглянул хозяин трактира. – Уже всё, Барух?.. Барух!..

Саксум, не говоря ни слова, протянул руку, ухватил старика за бороду и, резко дёрнув на себя, воткнул ему меч в солнечное сплетение. Светильник с глухим стуком упал на пол и потух. Следом мягко повалилось тело трактирщика.

Саксум вытер лезвие о край одежды убитого и, повернувшись, перешагивая через трупы и стараясь не наступать в чёрные лужи, подошёл к Хавиве. Та сидела на полу, обхватив руками живот, и полными ужаса глазами смотрела на мужа.

– Ты в порядке? – спросил Саксум, присаживаясь рядом с ней на корточки. – Тебя не задели?..

Хавива отрицательно покачала головой; лицо её – неподвижной маской – белело в густых сумерках.

– Ну вот и славно, – выдохнул Саксум. – Я так за тебя испугался!.. Давай вставай. Надо нам срочно уходить отсюда...

Он помог жене подняться.

– Надо уходить, – повторил он, убирая с лица Хавивы растрепавшиеся волосы. – Кто его знает, сколько их тут всего. Сволочей этих...

Их нагнали часа через два.

Саксум ещё за несколько стадиев заметил погоню – четверых всадников, пылящих на рысях по узкому просёлку, идущему по заросшей густым кустарником пустоши.

– С дороги! – скомандовал он Хавиве, заворачивая ослов. – Уходим в кусты!..

Однако уйти не получилось – осёл Саксума заартачился и ни в какую не захотел покидать ровную мягкую дорогу и лезть куда-то, в колючий непролазный кустарник. Всадники быстро приближались.

– Стань сзади! – резко сказал Саксум жене, поворачиваясь навстречу грабителям и обнажая меч. – Четверо... Может, и отобьёмся.

Но это оказались не грабители. Глухо стуча копытами и поднимая целые тучи пыли, налетела четвёрка легионеров: на одинаковых гнедых лошадях, в плащах цвета запёкшейся крови, с оскалившейся волчицей на притороченных к сёдлам, красных шестигранных щитах. Дунул горячий ветер, ударил в нос резкий запах конского пота, нависли над головой страшные зазубренные наконечники тяжёлых трагул.

– Брось меч! – грозно крикнул по-арамейски легионер в шлеме, увенчанном страусиным пером, сдерживая норовящую подняться на дыбы лошадь. – Брось меч и встань на колени!.. – и, переходя на романский, заученно отчеканил: – Именем императора Тиберия Юлия Кесаря Августа! На основании закона Великой Романской Империи! Вы арестованы!..

2

– Имя?

– Шимон бар-Йонá.

– Откуда родом?

– Ха-Галиль.

– Точнее.

– Бейт-Цáйда. Это деревушка такая, неподалёку от Кфар-Нахúма.

– Что за женщину взяли вместе с тобой?

– Это моя жена, Хавива. Она беременна, и я бы хотел попросить...

– Заткнись! И отвечай на вопросы...

Дознаватель, облокотясь на тяжёлый массивный стол, сколоченный из неструганных досок и, казалось, более подходивший для разделывания мяса, нежели для отправления каких-либо канцелярских нужд, брезгливо глядел на Саксума из-под тяжёлых, набрякших век. Был он, судя по маленьким рукам, невелик ростом, но лицо имел широкое, одутловатое, с многочисленными складками и большими отвисшими брылями.

В маленькой квадратной комнатке – фактически, каменном мешке – было сумрачно и холодно. В небольшое зарешёченное окно под самым потолком с трудом просачивался скудный серенький свет – день на улице стоял пасмурный. Справа от Саксума, в углу, скорчившись на табурете и чиркая пером по папирусу протокола допроса, трудился в поте лица писарь. В поте лица в прямом смысле – писарь был явно болен: бледное, даже какое-то голубоватое лицо его искрилось нездоровой испариной, он кутался в шерстяное верблюжье одеяло и время от времени раздражался сухим лающим кашлем, прижимая слабый кулак к впалой груди и болезненно кривя тонкие синюшные губы. За спиной у Саксума переминался с ноги на ногу и то и дело шумно вздыхал дежурный легионер. От него на всю комнату разлило чесноком и кислой винной отрыжкой.

– Как ты оказался на постоялом дворе?

– Мы с женой направлялись из Кесарии в Ципори. В этом трактире остановились на ночь. В Ципори у Хавивы живёт мать. Мы хотели...

– Заткнись! Меня совершенно не интересует, кто где живёт и чего вы там хотели. Меня интересует – за что ты убил этих людей на постоялом дворе?

Саксум повёл плечом.

– Это были грабители. Они напали на нас. Хотели убить... У них были ножи.

– Допустим... А за что ты зарезал трактирщика? Он что, тоже хотел тебя убить?

– Он был с ними заодно. Я думаю, он – наводчик. Я думаю, мы с женой не первые, на кого на этом постоялом дворе или в его окрестностях совершено нападение... Скажи, а много, вообще, убитых на этой дороге? За последние несколько недель были заявления о людях, пропавших в этом районе? Особенно, понимаешь, о богатых людях, о людях при деньгах?

– Да что ж ты такой болтливый! Óппий!

За спиной у Саксума шаркнули ноги, и тотчас голова его чуть не отлетела от тяжёлой звонкой оплеухи. Он едва устоял на ногах. Саксум потряс головой, приходя в себя, и медленно обернулся.

Стражник стоял за его спиной и равнодушно смотрел на него, склонив голову набок и медленно перекатывая во рту какую-то жвачку. Саксум осторожно потрогал звенящее ухо – ухо горело.

– Я не советую тебе больше так делать, солдат, – перейдя на романский, тихо, но отчётливо произнёс Саксум, глядя прямо в глаза легионера.

Тот перестал жевать и в изумлении уставился на арестанта. Был он ростом не ниже Саксума, но несколько рыхл телом и полноват. Видимо, что-то насторожило его в лице отставного прима, поскольку он опустил уже занесённую для повторного удара руку и, что-то неразборчиво пробормотав себе под нос, попятился к двери.

– Что?! Что ты сказал?! Что он сказал, Оппий?! – дознаватель даже привстал за своим столом. – Ты что, говоришь по-романски? – тоже переходя на имперский язык, спросил он.

– Говорю, – подтвердил Саксум. – И я сказал ему, чтобы он не смел ко мне прикасаться. Я – отставной прим-декурион. Я – такой же легионер, как и вы, и я не позволю...

– Да мне насрать, кто ты такой! – оборвал его дознаватель, он уже опять сидел, с непередаваемой брезгливостью глядя на арестанта. – Для меня ты – преступник. И я буду поступать с тобой, как с преступником. То есть, как с куском дерьма. Я сейчас прикажу приковать тебя, – он кивнул на тяжёлое бронзовое кольцо, вмурованное в стену, – и буду бить кнутом до тех пор, пока ты не скажешь мне всё, что меня интересует. Ты меня понял?!

– Я тебя понял, – сказал Саксум. – Но с чего ты взял, что я преступник? В чём ты меня обвиняешь? По поводу людей на постоялом дворе я тебе уже всё объяснил. Они напали на нас. Они караулили за дверью, и когда моя жена...

– Да ты заткнёшься сегодня или нет?! – заорал, багровея, дознаватель. – Свои объяснения можешь оставить при себе! Ты взят на дороге с мечом в руке! Уже только за одно это я имею полное право отправить тебя на крест!

– Это почему же? – удивился Саксум. – Я ведь не оказал твоим людям никакого сопротивления. А обнажил меч, поскольку сначала подумал, что это нас нагнали сообщники грабителей.

– Ты дурак?! Или прикидываешься?! – дознаватель глядел на арестанта уже с неприкрытой ненавистью. – Ты что, никогда не слышал про эдикт проконсула о запрете ношения оружия?! Нет? Итамар! – рывкнул он. – Огласи!

Худосочный писарь вздрогнул всем телом, выронил перо и, испуганно взглянув на дознавателя, торопливо поднялся. После чего, тяжело опираясь на свой наклонный столик руками, слабым надтреснутым голосом принялся монотонно декламировать:

– Именем императора Тиберия Юлия Кесаря Августа, под страхом публичного бичевания и последующей казни через распятие на кресте, запрещается всякому жителю Иудеи, Идумеи и Самарии, а равно Переи и Галилеи, а равно Голантитиды, Итуреи, Батанеи, Трахонитиды и Авранитиды, а равно и земель проконсулария южнее Ямнии и близ Габы, и от Птолемаиса до Сидона, а равно и во всех городах и землях Декаполиса, изготовление, хранение и ношение всякого оружия, включая мечи любые, пики и дротики любые, луки и стрелы к ним, боевые топоры и прочее, а также ножей с лезвием длиннее... кха... дли... кха... кха-кха...

Писарь закашлялся, прижимая кулак к груди и панически глядя на своего начальника.

– С лезвием длиннее одной ладони, – закончил за него дознаватель и посмотрел на Саксума уже, скорее, насмешливо. – Ты понял, отставной прим? Бичевание и смерть! А ты мне тут права качаешь!

– Я только не понял, каким образом всё то, что вы тут сейчас огласили, относится ко мне, – спокойно сказал Саксум.

– То есть как это «каким образом»?! – изумился дознаватель. – Самым прямым образом. Не хочешь же ты, в самом деле, сказать...

– Хочу, – перебил его Саксум. – Именно это я и хочу сказать.

Он сунул руку за пазуху, извлёк оттуда небольшой предмет, висящий на шнурке, снял его через голову и, шагнув вперёд, положил на стол перед дознавателем. Это оказался маленький рулончик пергамента, намотанный на втулку из слоновой кости и перевязанный красным шёлковым шнурком.

– Булла?! – брови дознавателя взметнулись вверх.

– Она самая, – подтвердил Саксум.

Дознаватель взял буллу в руки, развязал шнурок, развернул свиток и, близоруко щурясь, поднёс его к самым глазам.

– Эй ты, обморок, – через какое-то время окликнул он писаря, – иди глянь, что тут написано. Нихрена я тут не разберу – уж больно мелко!

Писарь сполз с табурета и, волоча за собой по полу край одеяла, приблизился к столу. Почтительно приняв из рук своего начальника буллу, он повернул её к свету и принялся читать:

– Тиберий Юлий Симон Саксум. Благословен Юпитером Всеблагим Величайшим и Викторией Августой. Именем... кха... именем императора Тиберия Юлия Кесаря Августа награждён «Крепостным венком». Храбрость и благочестие. Семьсот семьдесят... кха... кха-кха... семьдесят седьмой год от основания Города, июнь.

– Понял? – Саксум пристально посмотрел в лицо дознавателя. – Храбрость и благочестие! А ты тут, понимаешь, пытаешься меня в чём-то обвинить.

– Подумаешь, булла! – прогундосил от дверей стражник. – Буллу и снять с кого-нибудь можно. Скажи ему – пусть плечо покажет.

– Без тебя обойдусь, умник! – огрызнулся дознаватель. – Не учи учёного!.. А ну-ка, покажи плечо! – обратился он уже к Саксуму.

– Я тебе покажу даже не одно плечо. Я тебе покажу оба плеча, – сказал Саксум и, поочередно задирая рукава, продемонстрировал присутствующим свои легионные наколки: на правом плече – могучего крылатого Пегаса, а на левом – увитую виноградной лозой цифру «III», стоящую, как на пьедестале, на надписи:

AUGUSTA
PIA
FIDELIS

Все трое рассматривали наколки с неподдельным любопытством. Хозяин кабинета – привстав со стула и отвесив толстую нижнюю губу. Писарь – издали, вытягивая тонкую шею из своего одеяла, как черепаха из панциря. Стражник – сзади, шумно дыша и обдавая Саксума сложным букетом разнообразных кухонных запахов.

– Третий легион... – почесал в затылке дознаватель. – Это где ж такой?

– Африка, – авторитетно пробасил стражник.

– Нумидия, – уточнил Саксум.

– Даже не слышал про такую, – признался дознаватель.

– Вот видишь, – укорил его прим-декурион. – А туда же... Дай сюда! – он шагнул к писарю, вынул из его слабых влажных пальцев буллу и, скатав её обратно в тугой рулончик, принялся тщательно перевязывать шнурком.

– Эй! Эй! – опомнился хозяин кабинета. – Ты тут не это... не своевольничай! А то я сейчас на тебя быстро укорот найду!

Впрочем, уверенности в его голосе явно поубавилось.

– А я и не своевольничаю, – примирительно сказал Саксум. – Если у тебя есть ко мне какие-то претензии, а тем паче обвинения, я готов их выслушать. Ежели нет – извини – я бы хотел выйти отсюда. Я тебе уже говорил, жена у меня беременная, на восьмом месяце. А нам ещё добираться отсюда до самого, понимаешь, Кинеретского озера.

– Это твои проблемы, – отмахнулся дознаватель. – В любом случае сегодня я тебя не выпущу. То, что ты – романский гражданин, конечно, многое меняет. Но факт остаётся фактом: ты зарезал четырёх человек...

– Четырёх разбойников!

– Без разницы! Ты зарезал четверых, и в этой связи надо провести самое тщательное разбирательство.

– Ну так проводи! – нетерпеливо воскликнул Саксум. – Проводи! Кто тебе мешает?!

– И проведу! – заверил его хозяин кабинета. – Проведу, не беспокойся.

– Я, кстати, вообще не понимаю – почему этим делом начали заниматься романские власти? – покрутил головой Саксум. – Если один еврей зарезал другого еврея, разве это дело не для суда синедриона? Причём здесь вы?

– А вот это совершенно не твоего ума дело! – тут же «взвился на дыбы» дознаватель. – Много будешь знать – плохо будешь спать! Не тебе тут решать, кому какими делами заниматься! Отойди вообще от стола и стой молча!

– Да я-то чего, – даже слегка опешил от такого напора Саксум. – Да ради бога. Занимайтесь, если вам больше делать нечего.

Он отошёл на своё прежнее место и стал, покорно сложив руки на животе.

В маленькой тюремной комнатке установилась вязкая напряжённая тишина. Стало даже слышно, как бурчит в животе у стражника и сипло, с трудом, проходит воздух сквозь горло больного писаря. Хозяин кабинета, откинувшись на спинку стула, некоторое время в задумчивости

барабанил пальцами по столешнице, закусив толстую губу и собрав кожу над переносицей в крупные вертикальные складки.

– Вот что, – наконец принял он решение, – придётся тебе прокатиться обратно в Кесарию. Слишком уж плотно тут всё завязано. Я тебе всего сказать не могу, но дело тут гораздо серьезней, чем ты думаешь... Поэтому поедешь к советнику Паквию. Пусть он решает.

– Подожди, – опешил Саксум. – То есть как это «обратно в Кесарию»?! Ты что, смеёшься?! Отсюда до Ципори всего сто стадиев осталось. Полдня пути, понимаешь. А ты меня обратно в Кесарию?!

– Ничего не поделаешь, – развёл руками дознаватель. – Трибун же к тебе сюда не поедет? Не поедет. Поэтому тебе самому придётся ехать к трибуну... Да ладно, не расстраивайся. Не пешком же. Я для этого дела бигу свою дам. Если всё будет хорошо – через два дня вернёшься обратно в Габу и потопаешь себе спокойно в Ципори... Или куда там тебе?

– Подожди, – опять сказал Саксум, – а моя жена? Она что, тоже в Кесарию?!

– Нет, твоя жена останется здесь. Зачем ей в Кесарию?

– Где здесь? В тюрьме?!

– Зачем в тюрьме? Не обязательно в тюрьме... А хотя бы и в тюрьме. Что тут плохого? Уж во всяком случае, безопасно. Поселим её в отдельной камере. Кормить будем нормально. С нашей кухни.

– А ослов моих ты тоже поселишь по отдельным камерам?! – вспыхнул Саксум. – И кормить будешь с кухни?! Или, может, домой их к себе заберёшь, чтоб они в твоей спальне ночевали?!

– Да успокойся ты! – повысил голос и дознаватель. – Никуда не денутся твои ослы! Целы будут! Я тут с тобой спорить не намерен! Сказал в Кесарию, значит – в Кесарию!

– Значит так, – Саксум с ненавистью глянул в сытое обрюзгшее лицо. – Слушай сюда. Все мои вещи... включая ослов, ты сейчас, здесь, при мне проверишь и примешь от меня под расписку. Деньги будем пересчитывать при двух свидетелях. Все, до последней, понимаешь, пруты. И потом тоже – под расписку. По возвращении проверю всё досконально. Не дай бог хоть одна тряпка из мешков пропадёт, хоть одна монета!..

– Ничего я не буду считать! – сейчас же заартачился хозяин кабинета и даже замахал на Саксума коротенькими ручками. – И, тем более, подписывать!

– Будешь, – спокойно сказал Саксум. – Ещё как будешь. А не то я в Кесарии от советника вашего пойду напрямиком к префекту. И пожалуюсь ему на то, как обходятся на вверенной ему территории с ветеранами Легиона, награждёнными, понимаешь, лично Великим Кесарем!.. И ещё. Ежели за время моего отсутствия с головы моей жены упадёт хоть один волос!..

– Да всё! Всё! – сдался хозяин кабинета. – Ничего не будет с твоей женой! Не беспокойся! И с ослами твоими тоже ничего не будет! И с вещами! Сам лично сяду на твои вещи и буду охранять их, пока ты из Кесарии не вернёшься!.. О боги! За что мне всё это?!.. И откуда ты только взялся на мою голову?!..

Кабинет у советника префекта оказался небольшим, но уютным. И очень тёплым – в углу, справа от стола, распространяя вокруг себя приятный сухой жар, переливалась чёрно-багровыми отсветами и потрескивала быстрыми золотыми просверками искр большая медная жаровня на невысоких гнутых ножках.

Несмотря на тепло, советник Паквий сидел за столом в меховой лисьей безрукавке, надетой поверх шерстяной зимней туники. Аккуратно постриженная борода слегка скругляла и как бы смягчала его, вытянутое вниз, жёсткое лицо с острым ястребиным носом и глубоко посаженными, свинцовыми глазами.

– Имя?

Вопрос был задан на романском, поэтому Саксум счёл необходимым назваться своим новым полным именем, которое он получил вместе с получением романского гражданства:

– Тиберий Юлий Симон Саксум.

– Когда уволен из Легиона?

– В прошлом году. На июньские календы.

– Сколько прослужил в Легионе?

– Четырнадцать лет... И четыре месяца.

– Должность на момент увольнения?

– Прим-декурион.

– Почему уволен досрочно?

Саксум повёл плечом.

– Уволили... Многих в прошлом году уволили. Новый проконсул посчитал, что в Третьем легионе слишком, понимаешь, много народу. Мою турму рассчитали всю полностью... Да и не только мою. Ни одной полной алы в легионе не осталось.

– Когда и где проходил службу?

Саксум стал старательно перечислять. Писарь – ещё совсем молодой, безбородый юноша с нежными, даже, скорее, девичьими чертами лица, – сидевший от Саксума по левую руку, старательно скрипел пером.

– За что и когда получил «Крепостной венок»?

– Туггурт. Июнь семьдесят седьмого.

– Был ранен?

– Тогда – нет. В Туггурте – нет. Раньше. В семьдесят шестом. Под Тубуском.

– Где живёшь в Палестине?

– Пока ещё нигде. Я ещё до дома всё никак не доберусь.

– Где твой дом?

– В Галилее. Неподалёку от Кафарнаума. Бейт-Цайда – это деревня такая.

– Женщина, которую арестовали вместе с тобой, это твоя жена?

– Да.

– Расскажи, что произошло вчера на постоялом дворе? Подробно.

Саксум принялся рассказывать. Писарь старательно записывал. Советник, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди, внимательно слушал, не задавая больше никаких вопросов. Лицо его было бесстрастно, тёмно-серые глаза пристально смотрели на прим-декуриона.

– Стоп! – подавшись вперёд, неожиданно сказал он, когда Саксум в своём рассказе дошёл до момента появления трактирщика. – Кого, ты говоришь, он звал? Баруха?

– Да, Баруха.

– Точно Баруха?! Ты не путаешь?

– Точно. Он спрашивал: «Барух, уже всё?». Он несколько раз повторил это имя.

– То есть, надо полагать, Барух на тот момент находился у вас в комнате?

– Да, скорее всего. Я думаю, это был один из тех троих.

Паквий пристально смотрел на Саксума.

– А ну-ка, опиши мне подробно того, со сломанным носом.

Саксум задумался.

– Н-ну... С меня ростом. Крепкий. Чернявый. Брови сросшиеся... Не хватает передних зубов. Двух или трёх... А может, и четырёх... Что ещё... Да! Скорее всего, левша. Топор он держал вот так. И бил левой.

– Молодец! – похвалил советник. – Глаз – алмаз! – он опять откинулся на спинку стула и улыбнулся уголками губ. – А ты не промах, прим... Ты знаешь, кого зарубил в трактире? Самогo Баруха га-Нейна ты зарубил. Или, как его называли местные, Баруха Мстителя. Не знаю, кому он там мстил и за что, но положил этот подонок за последнее время уймищу народа. Причём, что характерно, не щадил ни стариков, ни женщин, ни детей. Грабил, убивал, насиловал. От него вся Галилея стонала. И ещё пол-Самарии в придачу. Мои люди за ним, почитай, год как охотятся. А ты – надо же! – грохнул его без всяких засад и погонь.

– Какие уж тут засады, – невесело усмехнулся Саксум. – Это он, скорее, на меня засаду устроил... Только вот не на того, понимаешь, нарвался.

– Да-а, нарвался он явно не на того. Не повезло... – сказал Паквий. – Вот что, – повернулся он к писарю. – Сообщи-ка об этом в Габу. Пусть тех, кто придёт за телом Баруха, возьмут и допросят. С пристрастием. Может, на сообщников этого негодяя удастся выйти. Не втроём же они, в самом деле, орудовали на половине территории Палестины... Ну, хорошо, – он опять взглянул на Саксума. – И что было дальше?

– Дальше? – Саксум пошкрябал в бороде. – Да дальше-то, в общем, ничего интересного уже не было. Мы с женой быстренько свернулись, забрали из стойла своих ослов и пошли на Ципори... Ну, а потом нас нагнал конный патруль... Кстати, парни сработали здорово. Там ведь от трактира четыре дороги уходят. Наверно, по следам вычислили. А может, кто-нибудь из местных подсказал... Сопротивления я не оказывал. Сразу отдал меч.

– Я знаю, – кивнул советник. – В протоколе из Габы зафиксировано, – он помолчал, внимательно глядя на Саксума из-под густых чёрных бровей. – Скажи, а почему ты не остался на постоялом дворе, а попытался скрыться? Почему не сообщил обо всём случившемся властям? Чего тебе было бояться?

Саксум вздохнул.

– Виноват, трибун. Конечно, надо было остаться. И конечно, надо было сообщить... Но я не знал, сколько всего этих разбойников. И не стоит ли ждать повторного нападения. Я ведь говорю – со мной была жена. Она у меня на восьмом месяце. Поэтому... Поэтому я решил уходить... Полагаю, моя вина не столь велика?

Советник молчал довольно долго, рассматривая Саксума и поглаживая свою аккуратную бородку. Потом отодвинул стул и поднялся.

– Тиберий Юлий Симон Саксум. Именем императора Тиберия Юлия Кесаря Августа и на основании закона Империи ты признаёшься невиновным по всем пунктам обвинения. Твоё арестованное имущество, включая личное оружие, подлежит безусловному возврату. Да свершится правосудие! – он сел и вопросительно посмотрел на писаря. – Записал?

Тот, всё ещё торопливо скрипя по папирусу, закивал, зашаркал под столом ногами, потом в последний раз обмакнул перо в чернильницу, вскочил, аккуратно подхватив протокол допроса, быстро перенёс и разложил его на столе перед советником и услужливо подал ему перо. Паквий подмахнул, не глядя.

– Всё, можешь быть свободен... – движением руки отослал он писаря. – Бэни!

В дверях возник согнутый в поклоне слуга.

– Да, господин!

– Что у нас с термой?

– Всё готово, господин.

– Давай туда, ещё раз всё там проверь. Скажи, что я через час буду.

– Хорошо, господин, – вновь учтиво склонился Бэни и, попятившись, вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

– Ну вот, – сказал Паквий, – а теперь, прим, поговорим без протокола. Присаживайся.

Саксум огляделся, взял стул, на котором только что сидел писарь, переставил его поближе к столу советника, после чего стянул через голову симлу и сел, положив её на колени.

– Извини, трибун, – виновато сказал он, – жарко.

– А я люблю, когда жарко, – усмехнулся Паквий. – Старые кости... – он помолчал. – Скажи, прим, а у тебя нет желания вернуться на службу? У нас здесь нет никакого сокращения. И не предвидится. Наоборот, здесь очень не хватает людей. Особенно толковых. Я бы мог выхлопотать тебе должность кентуриона. А? Что скажешь?

Саксум встал.

– Прости, трибун, но – нет. Наслужился – во! – он чиркнул себя ребром ладони по горлу. – Честно говоря, я даже рад был, что меня сократили, – он помолчал, а потом тихо добавил: – Домой хочу.

– Ну, нет так нет, – развёл руками советник. – Чего вскочил? Садись... Садись-садись, разговор ещё не закончен... – Саксум сел. – Настаивать не буду. И между прочим, прекрасно тебя понимаю – мне самому служба порой надоедает хуже горькой редьки. Так бы всё бросил и уехал к себе домой, в Лигурию. Но... долг есть долг... – он побарабанил пальцами по столу. – Послушай, а тебе ничего не показалось странным во всей этой истории? Я сейчас имею в виду не само нападение, а твой арест, ну и... всё прочее.

Саксум некоторое время размышлял.

– Показалось, – наконец медленно сказал он. – Главное, чего я не понял, так это – почему моим делом занимаются романские власти, а не синедрион? Ведь то, что я романский гражданин, стало известно уже после моего ареста.

– В точку! – сказал Паквий. – Молодец! Светлая голова! Ну, и каковы твои соображения на этот счёт?

Саксум развёл руками.

– Ума не приложу. Для меня всегда канцелярские дела были, понимаешь, тайной за семью печатями... Может, просто ошибка?

Советник опять улыбнулся краешками губ.

– Да нет тут никакой тайны за семью печатями. Так же, как нет и никакой ошибки. Всё правильно. И всё закономерно. Мы занимаемся этим делом потому, что на постоялом дворе был убит романский гражданин.

Саксум задрал брови, но почти сразу хмыкнул и прищурился.

– Позволь, трибун, я угадаю, кто был этот гражданин. Сдаётся мне, что им был этот вонючий старикашка – хозяин трактира. Я прав?

– Ты прав, прим, – одобрительно кивнул Паквий. – Я ведь говорю – у тебя светлая голова... Его звали Гилэль бар-Дан. Романское гражданство ему было даровано два года назад. За особые

заслуги. С подачи легата, специальным и секретным эдиктом проконсула. Хвала богам, у нас сейчас префектом Понтий Пилат – он хоть понимает правила игры. С предыдущим, Валерием Гратом, каши было не сварить – он терпеть не мог никаких закулисных интриг. Исповедовал тактику лобового удара. А здесь так нельзя. Восток есть восток. Здесь нужно уметь действовать исподволь, тайно. Здесь нужно уметь ждать. Нельзя хватать угли голыми руками. И тем более нельзя дуть на них, чтобы потушить. Иногда проще дать им перегореть, чтоб потом просто смести холодный пепел... Впрочем, я отвлекся... Так вот, о Гилель бар-Дане. Он помог нам взять Рэувэна Хромого... Да и не его одного. Он восемь лет работал на нас. Был нашим осведомителем... – советник помолчал. – Впрочем, как оказалось, работал он не только на нас. Похоже, Гилель был тем самым ребёнком, который умеет сосать сразу две сиськи... А я-то всё никак понять не мог – что ж это такое делается? Вблизи трактира одно за другим убийства происходят, ограбления, а наш бравый осведомитель ни о чём таком не осведомлён. Не знает он, видите ли, ничего! Ничего он, видите ли, не видел и ни о чём не слышал! Теперь-то всё понятно. Ел он с руки у Баруха, чего уж там говорить... Хотя, конечно, Барух мог его просто-напросто запугать... Впрочем, теперь это уже никакого значения не имеет. Я, собственно, о другом. У меня, прим, есть для тебя совершенно конкретное предложение... – советник сделал паузу. – Как ты согласишься на то, чтобы занять место Гилель бар-Дана?

– Это как? – не понял Саксум. – Какое место?

– Место трактирщика, – уточнил Паквий. – Место хозяина постоянного двора... Насчёт права собственности можешь быть спокоен. Всё имущество Гилель бар-Дана – имущество государственного преступника – подлежит конфискации в пользу казны. На него будет объявлен публичный торг. Уверен: желающих будет хоть отбавляй – место бойкое, а значит, хлебное. Так что ты совершенно спокойно, не вызвав ничьих подозрений, сможешь купить этот трактир и стать его законным хозяином. Не волнуйся, сумма, которую ты якобы заплатишь за трактир, будет чисто условной. Реально ты не отдашь ни пруты. Таким образом, постоянный двор перейдёт в твоё полное распоряжение. Ну и, кроме того. Тебе будет назначено очень неплохое жалованье. Н-ну... что-нибудь около пятисот денариев в год. Ну как? Заманчиво?

Саксум задумался.

– И что я должен буду делать?

Советник пожал плечами.

– Да ничего особенного. Собирать сведения. Отслеживать обстановку в округе. Как говорится, держать руку на пульсе.

– И всё?

– И всё... Время от времени к тебе будет приезжать наш человек, и ты будешь передавать ему донесение обо всём том, что тебе стало известно. Об обстановке на дорогах, о различных неординарных событиях, о происшествиях. А также о слухах, сплетнях – постояльцы в трактирах ведь любят посплетничать. Ну и, разумеется, о совершённых или готовящихся преступлениях, заговорах, мятежах... Ну что? Согласен?

Советник выжидательно смотрел на прим-декуриона.

Саксум медленно покачал головой.

– Нет, трибун. Конечно, соблазнительно, заманчиво, но... нет.

– Почему «нет»?

Саксум повёл плечом.

– Да, в общем-то, нипочему. Просто – нет... Прости, трибун, но, наверно, я уже стар для всего этого. Наигрался я в эти игры. Ещё в Нумидии наигрался... И ещё... Я однажды пообещал жене, что мы будем жить на берегу моря. И что у нас будет лодка с парусом. А я, понимаешь, привык исполнять свои обещания.

На этот раз Паквий молчал очень долго.

– Это твоё окончательное слово? – наконец произнёс он.

– Да.

– Может, подумаешь? Посоветуешься с женой? Я не тороплю.

Саксум снова покачал головой.

– Это ни к чему, трибун. Решение окончательное. Нет.

– Ну что ж... – советник медленно поднялся; Саксум тоже встал. – Надеюсь тебе не надо напоминать о том, что всё, о чём мы с тобой сейчас здесь говорили, не предназначено для чужих ушей?

– Да, трибун, не надо, – заверил Саксум. – Я хорошо знаю, трибун, что такое тайна. На этот счёт ты можешь быть совершенно спокоен.

– Хорошо, – кивнул советник.

Он подошёл к жаровне и, заложив руки за спину, стал смотреть на мерцающие угли.

Саксум осторожно кашлянул:

– Я могу быть свободен, трибун?

– Да, – отозвался Паквий, не оборачиваясь, – можешь.

Саксум сделал налево кругом и двинулся к двери.

– Хотя... – раздалось у него за спиной.

Саксум остановился и вновь повернулся к советнику. Тот стоял в той же позе и всё так же смотрел на угли. Потом медленно поднял голову и искоса взглянул на прима.

– Хотя... что-то мне подсказывает, что это не последняя наша встреча. Что мы ещё увидимся с тобой, прим-декурион Симон Саксум... У тебя нет такого предчувствия?..

Саксум молчал.

Не дождавшись ответа, советник вновь отвернулся к жаровне.

– Вот ведь беда, – негромко пожаловался он. – Как только портится погода – сразу же начинает ломить спину. И ведь ничего не поделаешь... Старые кости...

– Вон за тем жёлтым домом, направо, начинается наша улица... – напряжённым голосом произнесла Хавива. – Шестой дом по левой стороне.

Саксум посмотрел на жену. Ни кровиночки не было в её лице. Рот у Хавивы был полуоткрыт, глаза – широко распахнуты и глядели с какой-то отчаянной решимостью. Он взял жену за руку. Пальцы у неё оказались холодными и влажными и чуть подрагивали. Хавива мельком глянула на него, улыбнулась какой-то ненастоящей, вымученной улыбкой и вновь устремила взгляд вперёд.

– Двадцать три года... – прошептала она. – Представляешь? Двадцать три года...

Народу на улице почти не было. Они уже давно миновали центр Ципори – пыльный, шумный, с его пёстрой рыночной толкотнёй, пронзительными криками торговцев и зазывал, сливающимися в один сплошной многоголосый вой, с запахами жареного мяса, свежеиспечённых хлебных лепёшек и ослиной мочи. Здесь, на окраине, было тихо и пусто. Ставни в домах по поводу тёплого дня были распахнуты, на подоконниках – животами к солнцу – лежали подушки, на верёвках, протянутых над головой через улицу, сохло пёстрое бельё. Где-то неподалёку – наверное, во внутреннем дворике – кто-то несмело и неумело пробовал играть на халиле – небольшой тростниковой свирели. Сзади негромко и ритмично постукивали копытцами ослики.

Саксум с женой подошли к большому двухэтажному дому, сложенному из крупных кирпичей жёлтого песчаника.

– Сюда, – сказала Хавива.

Они завернули за угол и остановились.

Дальше города не было. Дальше начинался обширный пустырь. Пепелище. Старое, уже не дымящее, не зияющее ослепительно-чёрной развёрстой раной, не ошетиненное косо стоящими обугленными костями поломанных балок, а серое, потухшее, оплывшее, поросшее высокой пыльной травой и колючим многолетним кустарником. Всё, что здесь было, что жило здесь когда-то, уже умерло, пропало, сгинуло. Давно. Много-много лет тому назад.

– Ну вот и всё, – сказала Хавива.

От безнадёжности, от какой-то беспросветной потерянности, прозвучавшей в её голосе, у Саксума по спине пробежали мурашки.

– Подожди, – сказал он. – Но ведь это же ещё ничего не значит. Может, она живёт у каких-нибудь родственников. У вас ведь были родственники?

Хавива равнодушно пожала плечами.

– Наверно, были. Я не помню.

Она стояла прямая и строгая, плотно сжав губы и глядя перед собой сухими горячими глазами. Потом, словно опомнившись, стронулась с места и медленно пошла по тропинке, протоптанной в бурьяне вдоль всё ещё угадывающейся среди развалин улицы. Саксум двинулся следом. Хавива остановилась возле ничем не приметного, похожего на десятки других, глиняного холма, сплошь заросшего полыньёю и черноголовником, и, судорожно вздохнув, опустилась на колени.

– Здесь? – тихо спросил Саксум.

Хавива молча кивнула.

Саксум отошёл к ослам и встал, глядя на жену, положив ладонь на тёплый шерстяной загривок безразличного Аполлона.

Было солнечно и тихо. Лишь где-то в ветвях уже успевшего вырасти на развалинах, невысокого сикомора время от времени звонко скворчал зяблик.

– Знаешь что, – сказал Саксум, – ты побудь здесь, а я пойду к домам, поспрашиваю – может, кто-нибудь что-нибудь знает.

– Да... – сказала Хавива. – Конечно... Спасибо.

Он привязал ослон к стволу сикомора и, не оглядываясь, быстро зашагал по тропинке назад – в город...

Когда он вернулся, жена сидела на расстеленном на земле платке и наблюдала за трясогузкой, проворно охотящейся в пыльных полевых зарослях за какими-то мелкими мошками. Хавива лишь один раз глянула в его сторону и сейчас же отвела взгляд.

– Нету, – вытирая ладонью с лица пот, виновато доложил Саксум. – Никто ничего не знает... – он помолчал, а потом добавил: – Оно и понятно – столько лет прошло.

Хавива не ответила. Потом тяжело поднялась, отряхнула платок и аккуратно повязала его на голову.

– Ну что? – она посмотрела на мужа. – Куда теперь?

– Теперь? Ну что, теперь – на Кфар-Румах, – по возможности бодро сказал Саксум. – Там заночуем. А завтра – на Магдалу и по берегу озера – уже ко мне, в Бейт-Цайду. К вечеру должны дойти... А сейчас нам – туда, – он показал рукой. – Надо выбраться на дорогу.

– Хорошо, – сказала Хавива. – Пошли.

Они отвязали ослон и двинулись по тропинке, пересекающей горелую пустошь с северо-запада на юго-восток.

– Пить хочешь? – останавливаясь и протягивая жене фляжку, спросил Саксум. Хавива равнодушно покачала головой.

– Нет, спасибо...

Тропинка вывела их к узкой немощёной улице, огибающей пустошь с южной стороны. Повернули налево.

Здесь жили люди. По другую от пепелища сторону дороги жались друг к другу невообразимого вида развалюхи, собранные, сколоченные и даже связанные верёвками из поломанных досок, сухих веток, старых дверей, разновеликих кусков кожи и выцветшей до белизны, плотной палаточной ткани. Тут и там дымились сложенные из грубого камня нехитрые очаги, возле которых редкими молчаливыми компаниями собирались немногочисленные обитатели трущоб. Горько и как-то безнадежно пахло подгоревшей кашей.

Рядом с дорогой, на колченогом табурете, обвязанном для прочности обрывком сыромятной упряжи, сидел пожилой мужчина с измождённым жёлтым лицом и терпеливо выстукивал из осинового брусочка ложку.

На противоположной стороне дороги, среди развалин, рылась в земле ржавым заступом с обломанной рукояткой согбенная старуха. На расстеленном на земле куске грязной рогожи была свалена её немудрёная добыча: щепки, головешки, какие-то испачканные рыжей глиной деревянные обломки. Рядом, на чистом куске льняной ткани, лежали, как видно, более драгоценные «сокровища»: костяной гребень, терракотовый расписной кубок с одной отбитой ручкой, позеленевший от времени наконечник стрелы.

Поодаль, прямо посреди дороги, в пыли, играли в «тáли» четверо худых чумазных мальчишек. Играли они как-то совсем по-взрослому – молчаливо, сосредоточенно, без этого, присущего всем детским играм, гомона, весёлого азарта, шумной, крикливой возни.

Вообще, на всей этой местности лежала печать какой-то серой унылой безысходности. Серой, как покрывающая все окрестности серая пыль.

Саксум вдруг понял, что уже какое-то время не слышит за спиной шагов Хавивы. Он остановился и оглянулся. Хавива стояла к нему вполоборота и с каким-то странным выражением на лице смотрела на копающуюся в развалинах старуху. Губы у неё внезапно задрожали.

– Мама... – хриплым, неузнаваемым голосом произнесла она.

Старуха замерла, потом распрямилась и, загородившись ладонью от солнца, посмотрела на стоящую на дороге женщину. Лицо старухи – смуглое, почти коричневое, изборождённое глубокими морщинами – не выражало ничего, кроме безмерной усталости.

– Мама!!.. – вдруг пронзительно вскрикнула Хавива и бросилась вперёд, прямо сквозь пыльные заросли осота

Она подбежала к старухе, схватила её за узкие костлявые плечи и, заглядывая в лицо, закричала голосом, в котором перемешались боль, страх, слёзы, радость и отчаянье:

– Мама!!.. Мамочка!!.. Родная моя!!.. Ты не узнаёшь меня?! Это же я! Я!! Твоя Хави!!..

Дорога шла по краю озера, то чуть отдаляясь от него, огибая какую-нибудь каменистую осыпь или, наоборот, небольшую, сплошь заросшую колючими непролазными зарослями дикого зизифа балку, то вновь выбираясь к самой воде, к невысокому обрыву, с которого открывался впечатляющий вид на серо-зелёную, слегка взъерошенную лёгкой игривой зыбью, широкую водную гладь. День был тёплый, но мутный – в небе висела густая дымка, солнце просвечивало сквозь неё белым размытым пятном; невысокие холмы противоположного, восточного, берега тонули в белёсом мареве, временами вовсе пропадая из вида, и тогда становилось понятным, почему местные жители, живущие на берегах Кинеретского озера, зачастую называют его морем. То тут, то там на водной глади виднелись рыбацкие лодки. Большею частью это были маленькие, обмазанные глиной лодки-плетёнки – неуклюжие, ненадёжные, неустойчивые, боящиеся малейшей волны. Такая была когда-то и у отца Шимона. Но видны были также и дощатые лодки-двухвёселки, и большие парусные сфины, на которые Шимон – понятное дело! – заглядывался с особенным интересом. Особенно много таких наблюдалось южнее, напротив Кинёрета – древнего, но всё ещё бойкого города, который путники миновали уже больше часа назад, и который, собственно, и дал когда-то название великому озеру-морю.

Шимон шёл впереди. Будь он сейчас один – без женщин, без ослов, нагруженных поклажей – он бы, наверное, бросился бежать и бежал бы, не останавливаясь, до самой Бейт-Цайды, до самого родного дома, которого не видел уже целую вечность – почитай, долгих пятнадцать лет. Он задыхался. Ему не хватало воздуха. Он всё никак не мог надышаться этим простором, этим ветром, летящим с широкой водной глади и, казалось, пахнущим запахами детства: рыбой, илом и ещё – мокрой ивовой корой.

Он уже узнавал места. Вон на той каменистой отмели они с Андреасом однажды, убежав на целый день из дома, жгли костёр и коптили наловленную у самого берега мелкую рыбёшку. А вон в ту лощину они иногда ходили с матерью и сёстрами резать лозу на корзины. А вот и «Мост Мошэ» – ствол огромного дуба, упавшего когда-то давным-давно с обрыва в озеро и бывшего пятнадцать лет назад излюбленным местом купания всей окрестной детворы. Он и сейчас оставался могучим и всё ещё непобеждённым озёрной водой, лишь только совсем почернел и весь пошёл глубокими продольными трещинами.

– Шими!.. Эй, Шимон!

Шимон остановился. Оказывается, Хавива и Рут отстали от него уже на добрый хёвель.

– Куда ты так летишь? – подходя, упрекнула его жена. – Как на пожар. Мы с мамой уже совсем запыхались.

– Прости, – улыбнулся Шимон. – Ноги сами несут... – он посмотрел на тещу, – Устала, dóда Рут?

– Слава Богу, Шимон. Слава Богу... – закивала Рут, вытирая краешком платка вспотевшее морщинистое лицо. – Я ещё крепкая. Ты на меня не смотри.

– Далеко ещё? – спросила Хавива.

– Нет, уже совсем рядом... Да вот, идите сюда!..

Он отошел на край обрыва, и за ближним мыском сейчас же открылась маленькая деревушка – буквально два десятка домов, – уютно расположившаяся на берегу небольшой полукруглой заводи. Бейт-Цайда.

– Ну вот, смотрите! – Шимон и сам жадно впился глазами в открывшуюся, как будто вынырнувшую из прошлого, до боли знакомую картину.

– Это твоя деревня? – спросила Хавива.

– Да... – у Шимона перехватило горло, и он откашлялся. – Да... Во-он, видите? – он показал рукой. – Вон тот дом, на том конце деревни... Где дерево такое – раскорякой. Видите? Это – наш дом... А дерево – дуб. Старинный. Таких только два на берегу осталось. Наш и вон тот – видите? – правее. Это уже на окраине Кфар-Нахума. Вон те дома – это уже Кфар-Нахум. До него тут меньше полмиля... Мы в детстве иногда наперегонки бегали – от дуба до дуба. Я, Андреас, мальчишки соседские. Человек семь-восемь соберёмся и – айда!..

– Ну и кто первым прибежал? – подначила мужа Хавива.

– Ты ещё сомневаешься? – Шимон горделиво выпятил грудь. – Твой супруг, конечно! Я в детстве быстрее всех пацанов в округе бегал. И камень дальше всех бросал. Не веришь?

– Ещё как верю, – улыбнулась Хавива. – Я тебя когда в Туггурте в первый раз увидела, сразу, помнится, подумала: «Вот! Этот точно в детстве камень дальше всех бросал!»

– Не веришь – у Андреаса спроси! Вот придём – сразу и спросим!

– Да верю я, верю, – рассмеялась Хавива. – Пойдём уже, Давид ты мой, камнеметатель...

Они обогнули последнюю балку, из зелёной запутанной толчеи которой радостно выбегали к озеру, на глинистую отмель, кусты растрёпанных ив и пушистых низкорослых акаций, прошли по бревенчатому мостику над узким овражком, на дне которого весело чирикал журчливый прозрачный ручей, и вновь оказались на берегу, на этот раз уже возле самой деревни. Дорога шла дальше – к совсем близкому отсюда Кфар-Нахуму, а с недлинного откоса вниз к деревне уходила хорошо утоптанная широкая тропа.

Перед деревней тропа разветвлялась на несколько маленьких тропок, которые ныряли в узкие проходы между каменными или глиняными заборами, огораживающими дворы. Дома в деревне стояли в совершеннейшем беспорядке, заборы наезжали друг на друга, раздавались в стороны, снова смыкались, тропки, выющиеся между ними, превращались в самый настоящий запутанный клубок, в котором, казалось, можно было плутать и плутать до бесконечности. Но Шимон уверенно двигался сквозь этот лабиринт, безошибочно сворачивая за углы и переходя с тропки на тропку. Наконец впереди блеснула вода.

Дом родителей Шимона стоял последним в деревне, шагах в ста от береговой черты. Вблизи он оказался ветхой развалюхой, источенной дождями и ветром, с оплывшим глиняным забором, через который во многих местах можно было не то что заглянуть, а уже даже просто перешагнуть во двор. Тем не менее сквозь забор вовнутрь вела калитка, вмурованная в невысокую, сложенную из саманных кирпичей, арку: серая, щелястая, скрипучая, готовая, казалось, развалиться от одного единственного неосторожного прикосновения.

Во дворе шумели жернова – женщина в грубой домотканой накидке, сидя на низкой скамеечке, с натугой крутила ручную мельницу. Рядом ползал годовалый ребёнок. Две девочки, лет семи-восьми, в четыре руки спорили плели тростниковую циновку.

Увидев вошедших, женщина оставила мельницу и поднялась. Девочки, тоже перестав работать, уставились на гостей двумя парами тёмно-карих любопытных глаз.

– Здравствуй, Михаль, – сказал Шимон, останавливаясь и снимая с плеча дорожную торбу.

Женщина какое-то время напряжённо вглядывалась в его лицо, а потом всплеснула руками:

– Шимон!

– Узнала, – улыбнулся он.

– Узнала!.. Ой, какой ты стал! Мужик мужиком! А ведь когда на службу ушёл наниматься – совсем мальчишкой-то был! Безбородым ещё!.. Ой, и седина вот!

– Ну, седина, – согласился Шимон. – Куда ж от неё, понимаешь, денешься... Ну, давай, что ли, обнимемся.

– Ага, давай!

Они обнялись.

– Это – жена моя, знакомься, – отстраняясь, показал Шимон. – Хавивой зовут. А это – Рут, её мать... А это – Михаль, жена Андреаса, – представил он женщину жене и теще. – Стало быть – моя невестка.

Женщины поцеловались.

– А родители где, в доме? – поинтересовался Шимон. – Здоровы?

– Ой!.. – Михаль сокрушённо взмахнула рукой. – А ты ж ведь и не знаешь-то ничего. Помёрли родители-то. В запрошлом годе помёрли. Ага... Отец сперва. По весне. Болел долго. Всё кашлял, кашлял. А перед самой Писхой взял и помёр... А мать-то следом. Ага... И месяца после него не протянула. Как слегла после похорон, так уже и не встала... Вместе их схоронили. В одной пещерке. Жили вместе и лежат теперь вместе. Ага.

Шимон постоял немного, как будто переваривая весть, а потом медленно двинулся вперёд, прошёл мимо посторонившейся Михаль, подошёл к дому и, распахнув дверь, долго смотрел внутрь, не видя толком ничего и даже не понимая, что он, собственно, хотел там увидеть.

Потом он закрыл дверь и повернулся к невестке.

– А остальные где? Наама? Хана?.. Андреас где? Живы?

– Ой, живы все! Слава Богу! – заторопилась Михаль. – Андреас-то на работе. Вместе с Оведом. Ага. Это – старшой наш. Семнадцатый год ему. Помнишь его? Ты, вроде, когда уходил-то, он уже был. Иль не? Ты когда ушёл-то?

– Был. Да. Помню, – сказал Шимон. – Под ногами ползал. Как вот он, – Шимон кивнул на ребёнка.

– Ой, это – младшенький наш. Тóви. Десять месяцев ему. Ага... А это – Рахэли и Мíри, – показала она на девочек. – Погодки... А Хана и Наама, те замужем давно. Хана-то за Яна́я Кузнеца вышла. Помнишь Яная-то? Из Кфар-Нахума. Жена его, Йемíма, помёрла, а детей у них трое

осталось. Так он к нашей Хане-то и посватался. Ага... Она ему ещё троих родила. Хорошо живут. Дружно. Янай-то – мужчина положительный. Богобоязненный. Закон соблюдает. Да и зарабатывает неплохо. Кузня-то у него при дороге. Ага. Купцов много на Дамаск ходит. Кому колесо починить, кому что... А Нааме-то вообще повезло. Ага. Её ведь в новую столицу забрали! В служанки. Прямо во дворец! Ты ушёл, а на следующее лето её и забрали. Начальник какой-то с этой самой Тверии приплывал. Лодка – как три наших дома! Ага! Тогда многих красивых девушек забрали. И Аснат Элишэву, и Двору Шауля Трёхпалого, и ещё других. Мать-то с отцом все глаза поначалу повыплакали – думали, её в позорный дом забирают. А оказалось, совсем даже не туда. Она весточку потом прислала. Что, мол, работает служанкой в богатом доме. И что сыта и одета, и даже деньги плотят. Ага... А потом-то и сама приехала. И жених при ней. Тасаэлем кличут. Красивый, статный. Одет богато. Ага... Из Магалы, сын торговца коврами. Во дворце он там, в Тверии, служит. То ли писарем каким-то, то ли ещё кем – я не поняла. Обручились они тут, в Кфар-Нахуме. А на свадьбу-то родители в Магалу ездили. В Магдале-то свадьба была. Ага... Живут они с Тасаэлем этим рядом с дворцом. На соседней улице. Андреас к ним как-то ездил. Дом большой, говорит, каменный. Железом крытый. И даже слуга есть. Ага... Два мальчика у них. Это ещё в запрошлом годе было. Сейчас, может, и больше. Может, ещё кого родили... А Ашер в легионеры подался. Ага. Как и ты. Всё бегал, в кентурьёнов каких-то играл. Всё говорил: «Я как Шимон буду! С мечом ходить! Воевать!». А как семнадцать годков исполнилось, так сразу в Кесарию и ушёл, наниматься. Ага... Мать-то против была, а отец сказал: «Коли хочешь – иди. Держать не буду. Может, Шимона нашего где там встретишь». Не встречал-то Ашера там нигде? Не?.. Чего молчишь-то?

– Убили Ашера, Михаль. Пять лет уже как убили... В Африке.

Михаль вскрикнула и зажала себе рот.

– Господи! – прошептала она, на глазах её блеснули слёзы. – Аши нашего маленького! Мальчика нашего! За что ему, Господи, такое?!.. И косточки в чужой земле лежат! Ой, беда-то какая! Ой, беда! – она горестно закачала головой. – Хорошо, хоть родители не дожили. Горе-то, горе!..

– Ладно... – сказал Шимон, подходя и ободряюще глядя невестку по плечу. – Ладно... Будет... Помянем ещё Ашера. И родителей помянем... Ты скажи – куда нам? Поклажу куда? Ослов?.. Да и умыться бы, понимаешь, с дороги.

– Ой, что ж это я?! – поспешно вытирая глаза, засуетилась Михаль. – Всё говорю и говорю. А вы ж с дороги! Давайте в дом! Хавива! Рут!.. Рахэли, Мири, помогите! Несите вещи в дом... Ой, а ослов-то я и не знаю куда. Стойла ж нет. Мы ж скотины-то отродясь не держали. Не в курятник же их... Разве что к дереву привязать. Ага... Вода – вон, в ведре, под дощечкой. Чистая. Утром с ручья принесла. Умывайтесь. И пейте, там и ковшик есть... А я сейчас лепёшек-то напеку. Ага. Я быстро. Домелю вот только зерно и напеку... Андреас с Оведом только к вечеру приходят. Я-то поэтому и не спешила...

Шимон, уже успевший малость осмотреться, подошёл к невестке.

– Что, совсем плохо с едой? – тихо спросил он. – Я смотрю, у вас в доме шаром покати.

– Ой, плохо! – горячо зашептала Михаль, хватая деверя за рукав; на глазах её опять заблестели слёзы. – Плохо, Шими, совсем беда! Лодки-то теперь у нас нет. Утопла лодка. Ага... Прошлой весной утопла. И Андреас мой с ней мало что не утоп. И все сети, всю снасть утопил. Бедствуем теперь. Ага... Андреас к Мэйру Рыжему нанялся в работники. А у того-то у самого суп жиже, чем вода. Денег совсем не платит. Когда рыбой даст. Когда зерном. А деньги-то я уж и забыла, когда мы в последний раз видели... В Храм с прошлой Писхи уже ни пруты не заносили. Я уж рабину-то боюсь и на глаза попадаться. Ага...

– Это ладно, – сказал Шимон. – Это не беда. Я ж теперь богатый, Михаль! У меня ж теперь полный, понимаешь, сундук денег! Мы ж теперь заживём по-человечески! Дом купим. Большой. Просторный. Чтoб всем, понимаешь, места хватило... Лодку купим. С парусом. Рыбу ловить будем. Много рыбы. Продавать... Лавку в Кфар-Нахуме откроем... А может, и в Магдале... – он мечтательно улыбнулся, но потом как-то сразу потух. – Родители вот только, жаль, не дожили.

– Могилку бы им надо подновить, – вздохнула Михаль. – Могилка-то у них совсем никакая. Коль деньги-то теперь есть. Да кóстницу бы добрую справить. А то не по-людски как-то – всё ещё в саванах лежат. Ага... Кривой Янай вон недорого за кóстницы берёт. И делает красиво.

– Справим, – твёрдо сказал Шимон. – В лучшем виде всё, понимаешь, сделаем... Ты мне скажи, лавка Эли Торговца ещё работает? Та, что возле молельного дома.

– Работает, – закивала Михаль. – Работает. Эли-то самого нет – помёр по осени. Аккурат на Суккóт. Так там сейчас его старшой заправляет, Эхúд. Ага... Не люблю я его. Эли-то, тот хоть под

запись продукты давал. И на рыбу менял. А этот – ни в какую! Этому только деньги подавай. Без денег ничего не даёт, и не проси! Ага. А где ж их возьмёшь, деньги-то?!

– Ладно-ладно, – прервал её Шимон. – Деньги теперь есть. Было бы, понимаешь, в лавке у него что... Пойду посмотрю. Да и куплю чего надо на первое время. Муки куплю, масла. Яиц. Мяса, может, какого-нибудь. Будет у него там мясо? Куры какие-нибудь или что... Сыра куплю. Да, вина надо купить! Много вина! Праздновать будем! Всех соседей позовём! Мы тут такой стол, понимаешь, накроем – тут таких столов отродясь не видали! Да, Михаль?!.. Ты мне девочек в подмогу дай. А то много всего нести придётся... Подожди! Вот что. Возьму-ка я Аполлона. Не на себе ж, понимаешь, всё это добро из Кфар-Нахума переть...

Шимон пригнал сфину из Магдалы в пятый день недели, девятого числа месяца адара – последнего месяца зимы...

Приближение весны чувствовалось. Природа пробуждалась после зимней спячки, после трёх месяцев унылых морозящих дождей и сердитого холодного ветра. На северо-востоке, за тёмно-синими волнами предгорий ещё совсем по-зимнему белела снежная голова священного Хермона, а изборозждённые глубокими морщинами склоны холмов на том берегу Кинеретского озера уже окрасились в нежный розовый цвет – там зацвели маки. Противоположный, западный, берег, на котором, собственно, и располагались и Кфар-Нахум, и Магдала, и Твёрия представлял собой обширную равнину, которая после сезона дождей с первым теплом превращалась в самый настоящий цветочный ковёр – пёстрый и благоуханный. Здесь доминировал красный. Среди россыпей кланяющихся каждому воздушному дуновению, гранатовых цветков непритворливой ветреницы сочно пламенели ярко-алые лютики, сдержанно розовели и лиловели тяжёлые колокола благородных тюльпанов. Впрочем, попадались целые поляны, где преобладал белый или жёлтый. На зелёных озёрных склонах, подобных изумрудному обрамлению огромной пронзительно-синей водной чаши, сдержанно выступали из высокой прибрежной травы утончённые жёлтоглазые нарциссы. И над всем этим пёстрым великолепием, словно лоскуты волшебного тумана, плыли окутанные нежной бело-розовой дымкой пушистые кроны цветущего миндаля.

Шимон любил весну. Любил с самого раннего детства. Будучи ещё мальчишкой, он по весне часто убежал за деревню, в луга, и притаскивал оттуда домой целые рассыпающиеся охапки сладко пахнущих разнообразных цветов, после чего щедро дарил их маме, сёстрам и даже соседям. Андреас даже порой подшучивал за это над ним, дразнил «нюхачом» и «цветочным горшком», а вот Ашер, тот, наоборот, всегда разделял весенние восторги старшего брата и, едва научившись ходить, стал сопровождать своего «Сими» в недалёких, но интересных цветочных походах.

Возле дома родителей Шимона росло два миндальных дерева. Расцветали они в конце швата – начале адара, символизируя своим радостным пышно-кисейным цветением окончание опустылевшей всем зимы. Деревья эти пропали лет десять тому назад – засохли.

Тот год, по словам Андреаса, выдался небывало знойным, засушливым. Ха-Йардён, питающий Кинеретское озеро, страшно обмелел, вода в озере отступила от берегов на несколько десятков шагов, обнажив чёрный донный песок. На отмелях, распространяя зловоние, гнили и разлагались под беспощадными лучами жгучего солнца бурые комья водорослей. А в «плохой», почти запретной, северо-восточной части озера, полностью подтверждая дурную репутацию тех гиблых мест, по словам отважившихся заплывать туда рыбаков, над поверхностью воды выступила вершина зловещей и загадочной чёрной пирамиды, сейчас же получившей название Дьявольской.

Шимон очень жалел погибшие миндальные деревья, двор без них сделался пустым и неуютным. Именно вспоминая их, он посадил два миндальных саженца возле могилы родителей, у погребальных пещер на голом, поросшем лишь колючей травой, кфар-нахумском кладбище, – он помнил, что маме когда-то тоже очень нравился цветущий миндаль.

Несколько миндальных деревьев цвело сейчас и во дворе нового дома, который Шимон купил месяц назад в Кфар-Нахуме. Дом стоял на центральной площади города, возле здания общинной молельни. Был он большой, двухэтажный, с просторным, хотя и запущенным, двором-перистилем, обрамлённым по периметру галереей с роскошной беломраморной колоннадой.

Это был единственный в Кфар-Нахуме дом, выстроенный по романскому образцу: на крепком высоком фундаменте, сложенный из гладко обтёсанных известняковых блоков, с роскошным входным портиком и двускатной терракотовой крышей. Дом этот принадлежал начальнику кфар-нахумской таможни, присланному сюда пять лет назад из столицы. Начальник этот забрал дело круто, пошлину брал полной мерой, но не забывал при этом и про себя. Купцы платили ему золотом, серебром и разнообразным товаром, который предприимчивый чиновник с прибылью сбывал через принадлежавшие ему лавки в Магдале, Цфате, Тверии, Ципори и даже Кесарии. Жил

он широко, разъезжал по окрестностям на италийской биге, запряжённой парой шикарных идумейских жеребцов, жён имел трёх, а рабов, кажется, вовсе не считал – вся округа помнила случай, когда двоих своих невольников он случайно запер в погребе и вспомнил о них лишь на пятый день. Конец его поборам, его торговле да и ему самому положил прошлой весной зловещий и неуловимый Барух Мститель, посетивший однажды ночью дом начальника таможи с непрошенным визитом и беспощадно вырезавший всю его семью – всех трёх жён и восьмерых малолетних детей. Само́ же чиновника разбойник отвёл на городскую окраину и там распял на том самом, знакомом Шимону с са́мого раннего детства, огромном дубе.

С тех пор дом стоял необитаемым. Местные жители обходили его стороной, считая осквернённым, нечистым. Вновь назначенный начальник таможи селиться в нём тоже не пожелал, предпочтя огромному дому небольшую глинобитную хижину недалеко от здания таможи. Дом перевели в разряд казённого имущества и как-то забыли. Шимон ещё в самый первый свой визит в Кфар-Нахум положил глаз на пустующее строение. Суевериями он не страдал, к разговорам об осквернённости дома относился скептически. Шимон навёл справки о бесхозном доме, всё разузнал, поговорил по душам с новым начальником таможи, побеседовал с рабином (более чем щедрый взнос в пользу общины сделал этот разговор вполне дружеским), после чего отправился в столицу и, немало помывавшись по высоким кабинетам, всё же приобрёл дом за невероятную для здешних мест цену – восемьсот сиклей серебром.

Новый поход, на этот раз в Магдалу – для покупки лодки – Шимон, захватив с собой Андреаса с его сыном, предпринял в последний день швата.

Сфина обошлась ему в двадцать четыре тысячи прут, и Шимон пока ещё не пожалел ни о единой потраченной им пруте. Лодка была практически новая и очень большая: пятнадцать локтей в длину, четыре – в ширину, с двумя парами вёсел и высокой центральной мачтой, которая могла нести квадратный – площадью в целую бейт-рову – парус, сшитый из двенадцати полос грубой льняной ткани. Корпус сфины был собран из хорошо подогнанных кедровых досок, прибитых кованными железными гвоздями к дубовым брусьям рёбер, и тщательно просмолён. Кроме денег Шимон отдал хозяину сфины пять модий фиников (пригодился-таки товар чернородого сидонского купца!), за которые тот целую неделю (кроме, разумеется, субботы) обучал Шимона, Андреаса и Оведа тонкостям обращения со своимравным лодочным парусом. Там же, в Магдале, купили и новые рыболовные снасти.

Обратно плыли под парусом. Плотный попутный ветер, дующий от Солёного моря, гнал по тёмно-синей поверхности Кинеретского озера белых крутолобых «барашков». Парус, выгибаясь тугим пузырьём, гнул мачту и, казалось, вот-вот оторвётся и улетит вперёд и вверх – туда, в бездонное голубое небо, вслед за торопливо бегущими на север весёлыми пушистыми облачками. То и дело сфина налетала на какого-нибудь особо упрямого «барашка», и тогда корпус её вздрагивал, а брызги из-под носа лодки веером взлетали вверх и осыпали палубу до самой кормы. Андреас, уже переживший в своей жизни одно кораблекрушение, истово молился, в перерывах упрекая Шимона в бравате и ненужном риске. Зато Овед был в полнейшем восторге. Он сидел на корме, вцепившись обеими руками в борт, и даже чуть повизгивал, когда на него попадала очередная порция холодных брызг. А Шимон просто летел. Он парил со своей лодкой над волнами и, казалось, растворялся в этом бесконечном просторе, в плеске волн, в скрипе натянутых до предела, просмолённых канатов. Спокойнее всех перенёс путешествие Аполлон. Крепко упираясь глянцевыми копытцами в жёлтые кедровые доски, он всю дорогу от Магдалы до Кфар-Нахума невозмутимо, хвостом вперёд, простоял в носу лодки, меланхолично глядя себе под ноги, и лишь время от времени шевелил своими великолепными ушами, стряхивая с них брызги озёрной воды.

На траверзе Бейт-Цайды спустили парус и к берегу подошли на вёслах, аккуратно пристав к длинным дощатым мосткам, заменявшим в Кфар-Нахуме пристань.

Пока привязывали лодку, сворачивали и чехлили парус, поглазеть на причалившую сфину – редкое для Кфар-Нахума зрелище – сбегалось полгорода. Степенные рыбаки – босые, с обожжёнными солнцем лицами – одобрительно цокали языками, интересовались мореходными качествами лодки, со знанием дела простукивали борта. Овед, окружённый мальчишками, неторопливо, с видом опытного мореплавателя отвечал на сыпавшиеся на него со всех сторон вопросы.

Шимон, оставив своих спутников греться в лучах славы, выбрался на мостки, протолкался сквозь толпу и быстро зашагал к своему новому дому.

Он вошёл в дом через заднюю калитку (так было короче), пересёк сад и, миновав галерею, оказался в перистиле. Во внутреннем дворике кипела работа: Рут и Михаль, сидя на солнышке, плели из тонкой ивовой лозы маленькие корзинки для праздничных даров (до Пурима оставались

считанные дни); за их спинами Рахэли и Мири перетряхивали подушки, то есть азартно, с раскрасневшимися лицами и растрёпанными волосами, лупили ими друг дружку – по перистиллю летел пух.

Появление Шимона вызвало всеобщий восторг. Женщины заулыбались, Михаль даже вскочила со своего места, а Рахэли и Мири, побросав подушки, с визгом повисли на шее своего дяди.

– Где Хавива?! Как она?! Здорова?! Всё нормально?! – забросал невестку вопросами Шимон, безуспешно пытаясь отодрать от себя двух маленьких, звонко верещащих фурий.

– Слава Богу! Слава Богу! – закивала головой Михаль. – В доме она. Ага. Всё хорошо... Мирьям! Рахэль! Слезьте уже, наконец, с дяди Шимона! Ну что за наказание?!.. Ну ты как, Шимон, купил? А где Андреас?

– Купил, – сказал Шимон. – Там, возле пристани она. Можете сходить посмотреть. И Андреас там с Оведом.

– Ну и слава Богу! – вновь заулыбалась Михаль. – Дети! Рахэли! Мири! Пойдёмте посмотрим, какую лодку купил дядя Шимон!.. Дода Рут, ты пойдёшь?

Девчонки тут же посыпались со своего дяди и наперегонки помчались к выходу. Рут, улыбаясь, покачала головой:

– Нет, вы уж без меня. Я... потом... Погляжу ещё.

Шимон подошёл к теще и, нагнувшись, прикоснулся щекой к её щеке.

– Ты как, дода Рут?

– Всё хорошо, Шими. Господь не оставляет меня... И с Хавивой всё хорошо. Ты ступай к ней. Она там, в доме. Всё ждала тебя, не могла дожждаться...

Шимон нашёл Хавиву в атриуме. Жена, вся обложенная подушками, сидела возле бассейна и нашивала на праздничную тунику Шимона голубые кисти-цициты. Вода в бассейне чуть рябила от залетающего внутрь дома тёплого ветерка, и на стенах атриума весело плясали яркие солнечные блики. При появлении мужа Хавива вскинулась и вся аж засветилась от радости:

– Вернулся!!..

Шимон быстро подошёл к ней, помог подняться, поцеловал и, пытливо вглядываясь в лицо, тихо спросил:

– Ну что?.. Ты как?

– Да вот... – Хавива погладила свой круглый живот. – Жду. Уже скоро... – она улыбнулась. – Пинается – спасу нет! И всё в разных местах. Непоседливый такой. Наверно, всё-таки мальчишка.

– Хорошо бы, если мальчишка!.. А я в этой Магдале весь, понимаешь, извёлся! Ночами не спал! Всё боялся, что без меня всё тут...

– Ну, так что?! Ты-то там как?! Купил?!

– Купил, Хави! Купил! – Шимон закружился по краю бассейна. – Не лодка – ласточка! Не плывёт – летит! А красивая – глаз не оторвать!..

– Господи, – сказала Хавива, – хоть бы одним глазочком взглянуть!

– Зачем же одним? – удивился Шимон. – Когда можно сразу двумя. Пойдём на берег!

Он подал жене руку, и они вместе вышли в перистиль. Хавива подошла к матери и тронула её за плечо.

– Мама, там Тови спит. Ты присмотри за ним. Хорошо? Мало ли чего.

– А ты куда, Хави? – сейчас же забеспокоилась Рут.

– Я ненадолго, мама. Я на берег. Хочу лодку посмотреть.

– Ничего, дода Рут, – сказал Шимон, – ничего. Мы потихонечку.

Они вышли из дома через заднюю калитку, прошли коротким проулком и стали спускаться по узкой кривой улочке, ведущей напрямик к пристани. Хавива шла медленно, опираясь на руку мужа. Улица заканчивалась длинной крутой лестницей, ступени которой были просто вырезаны в глинистом склоне и лишь слегка укреплены ивовыми прутьями. Спускались осторожно, останавливаясь чуть ли не на каждой ступеньке.

На мостках народу чуток поубавилось, но возле самой лодки всё ещё было не протолкнуться. Шимон с Хавивой остановились поодаль.

– Краси-ива-я! – нараспев протянула Хавива, качая головой. – Я таких красивых отродясь не видала! Неужели это наша?!.. Вот бы покататься!

– Покатаешься ещё, – успокоил жену Шимон. – Вот родишь мне сына – и покатаешься.

– А если дочку рожу?

– Если дочку, то – ни-ни! – строго сказал Шимон. – Даже потрогать не дам.

Хавива рассмеялась и прижалась к нему.

– Ой, Шими, я такая счастливая! Я так тебя люблю!

– И я тебя люблю... – сказал Шимон. – Вот только обниматься с тобой неудобно. Как, понимаешь, через стол.

– Да ну тебя! – Хавива отстранилась и шлёпнула его по плечу.

– А помнишь, – спросил Шимон, опять привлекая к себе жену, – как мы с тобой в Нумидии мечтали о доме на берегу моря? О лодке с парусом? Помнишь?.. Вот видишь, сбылось.

– Сбылось, – подтвердила Хавива, глаза её заблестели. – Всё сбылось! И дом есть, и лодка с парусом. И мама нашлась... И сына я тебе рожу!.. И ещё вся жизнь впереди.

– Да, – сказал Шимон. – Ещё целая жизнь впереди...

Пурим пришёлся на третий день недели.

Погода стояла тихая, солнечная, поэтому стол решили накрывать в перистиле.

После полудня начали собираться гости: родственники, знакомые рыбаки, соседи. Пришли Хана с Янаем. Пришёл рабин – старенький хромой Бóаз бар-Абá. Пришёл Рыжий Мэйр. Пришёл кругломордый начальник таможи Гэдалья с женой Сарóй. Из Бейт-Цайды пришли двоюродные братья Нахмáн и Пинхáс со своими жёнами и многочисленными детьми. Во дворике, ещё только что казавшимся просторным, стало шумно и тесно. Всем пришедшим дарили подарки – традиционные «мишлоáх манóт» – маленькие плетёные корзинки, в каждую из которых были заботливо уложены: кувшинчик с мёдом, кулёк орешков, пригоршня фиников, несколько сладких треугольных пирожков – «ушей Гамáна» – и небольшой кожаный мешочек с медными монетами. Гости тоже не оставались в долгу. Дарили сладости, вышивные платки, домашнюю утварь – на новоселье. Весёлый добродушный Пинхас прикатил на тележке и торжественно вручил Шимону огромный деревянный сундук, самолично им сделанный и самолично же расписанный красными и синими звёздами и спиралями. Дети, набив рот сладостями, носились по двору.

Наконец хозяин пригласил всех к столу.

Пили лахишское. Шимон специально на Пурим заказал в лавке Эхуда две эфý этого лучшего во всей Палестине вина, выложив, между прочим, за них очень даже кругленькую сумму. Было весело. Говорились здравицы, поднимались тосты. А когда пришли музыканты – рыжий Алóн со своим звонким тимпаном и мастер игры на халиле почтенный Асá бар-Звулún – стало ещё веселей. Танцевали, пили, снова танцевали.

Шимон, несмотря на всю приятность хлопот последних недель, ощущал всё это время какое-то постоянное внутреннее беспокойство. Какое-то неясное нервическое напряжение постоянно жило в нём, не давая почувствовать себя спокойно, раскованно. Он даже спать по ночам стал плохо – часто вставал и, выйдя в атриум, подолгу сидел на краю бассейна, глядя на отражения звёзд в неподвижной тёмной воде. И вот наконец он смог полностью расслабиться. У него было такое ощущение, как будто он долго держал в себе полную грудь набранного воздуха и лишь теперь смог свободно выдохнуть. Он пил и танцевал, сбрасывая с себя груз больших и маленьких дел и забот, как когда-то, вернувшись из дозора в казарму, сбрасывал на пол опостылевшую за долгие и долгие часы несения службы свою армейскую амуницию: шлем, кольчугу, пропитанный потом войлочный подкольчужник, покоробившуюся от солнца и дождей, заношенную юбку-птерюгес, тяжёлые от налипшей грязи калиги...

А вокруг тоже пили и танцевали. Мужчины, встав в круг, били ногами в землю так, что, казалось, хотели пробить её насквозь. Раскрасневшиеся женщины в своём кругу хлопали в ладоши и, скинув обувь, весело кружились, вздымая длинными подолами вокруг себя маленькие пылевые вихри. Хавива, всё это время сидевшая за столом, поначалу только с завистью наблюдала за танцующими, но потом всё же не выдержала и тоже вышла в круг, осторожно притоптывая ногами и качая головой в такт развесёлой музыке.

Увидев это, Шимон обогнул низкий стол и подошёл к жене.

– Аш... астрожней, – сказал он ей сзади на ухо. – Не увлекайся.

– Ой, какой ты пьяный! – обернувшись, расхохоталась Хавива. – Я никогда тебя таким пьяным ещё не видела.

– Я не пьяный, – отвечал Шимон; лицо жены висело перед ним среди косо летящих цветных шлейфов и полос. – Я висх... виш... Я весёлый.

Он любил её. Он очень любил её. И он любил сейчас всех: и говорливую Михаль, и Андреаса, и тихую Рут, и старенького хромого Боаза бен-Абу, и даже кругломордого таможенника с его толстозадой, всё время хихикающей, глупой женой. Он хотел сказать им всем об этом, но понимал, что уже не сможет – язык не слушался его. И тогда он, усадив Хавиву на место, вышел в круг и

снова стал танцевать – истово, отчаянно, изо всех сил ударяя ногами в землю и высоко вскидывая руки над головой.

Потом он всё-таки упал. Под ноги ему невесть как попался пустой медный кувшин, он хотел перешагнуть его, но у него почему-то не получилось, и он, чуть не сбив с ног испуганно взвизгнувшую Михаль, полетел куда-то вбок, запоздало пытаясь за что-нибудь зацепиться. Близко перед глазами у него вдруг оказался ствол дерева с коричневой потрескавшейся корой, по которой снизу вверх бежали большие чёрные муравьи. «Муравьи... – подумал Шимон. – Какие большие!.. Куда это они?..» Ему помогли подняться. Перед ним вновь возникло лицо жены. Глаза у неё были испуганными, губы шевелились.

– Что?.. – переспросил он. – Что?

– Тебе надо отдохнуть, Шими, – сказала Хавива. – Пойдём. Тебе надо прилечь.

– Да... – согласился он. – Надо охт... от-дох-нуть... Устал.

Они двинулись к дому. Кто-то поддерживал его с другой стороны. Это оказался Андреас.

– Андреас, – сказал Шимон, – мне надо... от-дох-нуть.

– Осторожно! – сказала Хавива. – Здесь ступенька.

– Хави, – сказал он. – Как же я тебя люблю, Хави!.. Ты родишь мне сына?

– Да... – сказала Хавива. – Да... Потом. Не сейчас... Ложись... Вот сюда ложись.

Он ощутил, что с него стаскивают котурни и повалился на спину, на мягкое.

– Хави, – сказал он, – утром я покатаю тебя на лодке. У нас теперь есть лодка, Хави!

Понимаешь?..

И тут же провалился в гудящую, вращающуюся темноту...

Он очнулся, как от толчка. Сердце гулко бухало в груди. Во рту было сухо. По стене над ним металась какие-то тени, и он сначала подумал, что это у него кружится в глазах, но потом сообразил, что это – тень от ветки, которую качает ветер.

Он почувствовал чьё-то присутствие и повернул голову. Возле кровати стоял Андреас. Брат стоял совершенно неподвижно и молча смотрел на лежащего. Глаза у Андреаса были какими-то остановившимися, отрешёнными.

– Что?! – вскинулся Шимон; у него вдруг засосало под ложечкой и противно заныло раненое плечо.

– Хавива... – сказал Андреас.

Шимона как будто ударило. Он почувствовал, как у него мгновенно онемели щёки.

– Что?!.. – снова спросил он непослушными губами. – Где?!

Андреас не ответил. Он повернулся и вышел из комнаты. Шимон, сорвавшись с места, кинулся за ним.

В доме царил беспорядок. В глаза Шимону бросился сундук с настежь распахнутой крышкой и целый ком окровавленных тряпок в углу на полу.

На пути у него возникла заплаканная Михаль.

– Шимон, не ходи туда!.. Шими! Туда нельзя!..

Он прошёл то ли мимо неё, то ли сквозь неё. Он отдёргнул штору и остановился на пороге.

В комнате было почти темно и пахло сгоревшим маслом и ещё чем-то приторно-сладким, мускусным – наверное, потом. На высокой кровати лежало длинное тело, накрытое с головой просторной белой простынёй. Свет от двери падал на торчащую из-под покрывала руку со слабыми бледными, почти прозрачными пальцами. Он стоял и, как замороженный, смотрел на эти пальцы, на безвольно раскрытую ладонь, пытаясь о чём-нибудь подумать или что-нибудь почувствовать.

– Кровью истекла... – сказал за его спиной Андреас. – Сначала всё хорошо было, а потом пошла кровь... Очень много крови было...

Андреас сказал что-то ещё, но Шимон его не услышал.

Он вдруг обнаружил себя в перистиле. Он стоял, прислонившись виском к прохладной колонне, и смотрел во двор – на разорённый неубранный стол, на валяющиеся там и сям на примятой траве цветастые подушки и на мотающуюся под залетающим сюда ветром тонкую ветку уже отцветшего миндального дерева. Делать здесь было нечего. Совсем нечего. С трудом оторвавшись от косяка, он развернулся и пошёл к себе. Он вошёл в комнату и, сняв со стены свою спату, вытащил её из ножен.

Лезвие меча было гладкое, чистое, лишь у самой рукояти, в щели, обнаружилось несколько мелких чешуек ржавчины.

– Шимон! – взволнованно сказал Андреас. – Не надо!.. Не смей, Шимон!..

Он появился откуда-то сбоку и попытался отобрать меч. Шимон ударил его локтем в лицо. Андреас пропал.

Шимон развернул спату лезвием к себе, взял её двумя руками и аккуратно установил остриё в ямку солнечного сплетения. Лезвие оказалось очень острым, оно тут же прокололо кожу, и вокруг него на тунике проступило небольшое красное пятно.

– Кровью истекла... – вслух сказал Шимон; его собственный голос показался ему незнакомым.
– Очень много, понимаешь, крови...

Он крепко сжал ладонями рубчатую рукоять.

И в это время где-то в глубине дома тоненько и безутешно заплакал ребёнок...

Небо было высокое и очень голубое, с лёгкими, как будто нанесёнными тонкой кистью, мазками-пёрышками облаков. От восточных холмов дул мягкий тёплый ветер, слегка покачивая стоящую у мостков сфину.

Шимон с Оведом сидели в лодке и перебирали сеть, вытаскивая и выбрасывая за борт всякую, запутавшуюся в ячейках, речную чепуху: стебли травы, полусгнившие ветки топляка, разнообразные ракушки. От мокрой сети крепко пахло рыбой и донной тиной.

– Вон они! – раздался на берегу голос Андреаса.

По мосткам затопали шаги.

– Мир вам! – сказал незнакомый приятный голос. – Бог в помощь.

Шимон поднял голову. Возле лодки стоял мужчина, примерно его ровесник, с открытым улыбчивым лицом, обрамлённым негустой бородкой. Очень худой, очень загорелый, простоволосый, в добела выцветшей шерстяной симле, подпоясанной обычной верёвкой. В руке он держал дорожный посох, вырезанный из стебля виноградной лозы. Из-за спины незнакомца выглядывал улыбающийся Андреас.

– Мир вам, – равнодушно откликнулся Шимон.

– Познакомься, Шими, – сказал Андреас. – Это – рабби Йешу́. Йешу бар-Йосэф. Он родом из Нацрата. Помнишь, я тебе рассказывал о нём. О нём и о его брате Йоханане из кумранской общины?.. Рабби Йешу провёл эту зиму в Бейт-Аваре́. Жил в пустыне. А сейчас он пришёл специально, чтоб поговорить с тобой... Рабби, это – Шимон.

– Очень рад знакомству, Шимон, – сказал Йешу. – Андреас много рассказывал о тебе. Я, честно говоря, был впечатлён. Мне очень хотелось встретиться с тобой лично.

– Интересно... – усмехнулся Шимон. – И что же он такого рассказывал обо мне?

Йешу опустил на корточки рядом с бортом лодки.

– Он рассказал мне о том, что ты служил в Легионе, в Нумидии. Что ты там был примдекурионом и что тебе за храбрость и благочестие вручён «Крепостной веноч». Что в Легионе все тебя звали «Саксум». Что ты теперь романский гражданин и тебе разрешено ходить с мечом. Это всё – правда?

– М-да... – пошкрябал в бороде Шимон и неодобрительно покосился на стоящего на мостках Андреаса. – Много же он тебе наболтал.

– Так это всё – правда? – допытывался Йешу.

– Ну, положим, правда, – нехотя откликнулся Шимон. – От меня-то ты чего хочешь?

– Я хочу... – Йешу улыбнулся. – Мне нужен такой человек, как ты, Шимон. Храбрый, умелый, опытный. Крепкий, надёжный. Саксум, одним словом... И главное, – имеющий право ходить с мечом. Ну, что-то типа телохранителя. Я, видишь ли, много путешествую, а дороги сейчас... Ну, ты и сам знаешь.

– Ах, вон оно что... – Шимон опять принялся за сеть. – Тогда ты не по адресу, Йешу бар-Йосэф. Меня даже сам кесарийский префект, понимаешь, не смог нанять на службу. Слишком я, понимаешь, привередливый теперь насчёт службы. Денег у тебя таких нет, Йешу бар-Йосэф.

– А кто тебе сказал, что я собираюсь платить тебе деньги? – удивился гость.

Шимон опять взглянул на него, на этот раз уже с любопытством.

– Так ты что, хочешь, чтобы я охранял тебя бесплатно? Насколько я знаю, Йешу бар-Йосэф, телохранителям платят деньги. А хорошим телохранителям – большие деньги.

– А друзьям? – спросил Йешу. – Друзьям деньги платят?

Он глядел столь открыто, столько доброжелательности было в его взгляде, что Шимон не выдержал и тоже улыбнулся.

– А ты нравишься мне, Йешу из Нацрата, – и тут же спохватился. – Но это абсолютно не значит, что я, понимаешь, куда-то с тобой пойду. Можешь даже не надеяться.

– Почему?

– Да потому... – Шимон внезапно рассердился. – Да потому, что у меня лодка! У меня... Мне рыбу ловить надо! У меня, понимаешь, ребёнок грудной на руках!.. Тёща у меня больная, две недели уже не встаёт. Мало?!

Лицо Йешу на этот раз осталось серьёзным, хотя уголки глаз продолжали улыбаться.

– Тёщу я твою вылечу, – очень серьёзно сказал он. – За ребёнком присмотрит Михаль. А насчёт рыбы... Если ты пойдёшь со мной, то рыбу ловить тебе больше не придётся. Тебе вскоре неинтересно станет ловить рыбу. Потому что я научу тебя ловить... человек.

Шимон малость опешил.

– Людей?.. Зачем?

Йешу покачал головой.

– Не людей, но человек... Во всех людях живёт человек, но далеко не из всех людей человек получается.

– Что-то я... – Шимон покрутил головой. – Что-то я не очень тебя...

– Ничего, – улыбнулся Йешу. – Мы с тобой ещё поговорим на эту тему. Я объясню. Потом. Да?

– Нет! – твёрдо сказал Шимон. – Не будем мы с тобой говорить. Ни сейчас, ни потом. Ни на эту тему, ни на другие... И не пойду я с тобой никуда, даже, понимаешь, не надейся! – он в раздражении отбросил от себя сеть. – И вообще, кто ты, понимаешь, такой, Йешу бар-Йосэф?! Что ты ко мне привязался?!.. Как ты собираешься лечить мою тёщу?! Ты что, лекарь?!.. А может, ты ещё и грудью кормить умеешь?! А, Йешу бар-Йосэф?! Покажи, а я посмотрю!.. Ну что ты молчишь, Йешу бар-Йосэф?! Скажи мне что-нибудь ещё. Скажи мне про того человека, который во мне прячется и не хочет, понимаешь, вылезать наружу! Скажи! И тогда этот человек вылезет. Только не из меня, а из лодки. Вылезет и сломает твой посох о твою, понимаешь, голову! – он замолчал, зло глядя на гостя и отдуваясь.

Йешу внимательно посмотрел на него и поднялся.

– Похоже, я ошибся в тебе, Шимон Саксум. Я-то думал...

Андреас взял его за локоть:

– Не надо, рабби. Не сейчас. Ты же видишь... Пойдём... Потом поговорим.

Йешу помолчал, а потом вежливо поклонился.

– Ну что ж, извини за беспокойство, Шимон... Удачной ловли.

Шимон не ответил. Он опять подобрал со дна лодки сеть и, повернувшись спиной к посетителям, сердито взялся за работу.

– А что такое «саксум», дод Шимон? – спросил с кормы Овед. – Почему тебя так прозвали? Что это значит?

Шимон только сердито повёл плечом. Ответил за него Йешу.

– Саксум, Овед, – это по-романски. По-нашему это означает: большой камень, скала... Кéфа.

Конец первой книги.